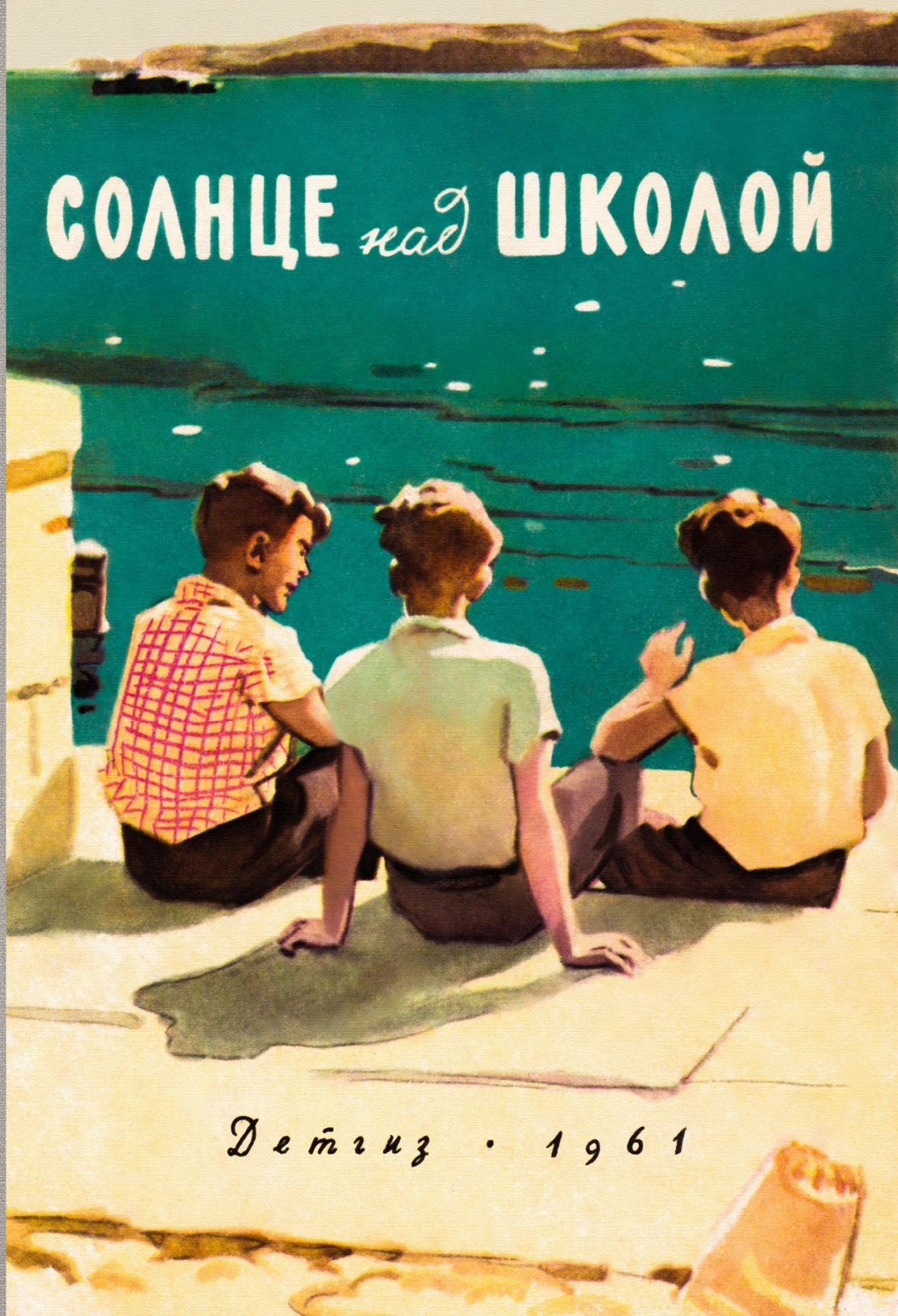

В. Мелетьев

СОЛНЦЕ *над* ШКОЛОЙ

Детизм • 1961

ВИТАЛИЙ МЕЛЕНТЬЕВ

«СОЛНЦЕ НАД ШКОЛОЙ»

Отсканировано и обработано: https://vk.com/biblioteki_proshlogo

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. МЕЛЕНТЬЕВ

СОЛНЦЕ НАД ШКОЛОЙ

Повестъ

Рисунки И. Ильинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1961

Олег Громов, казалось бы, не совершает серьезных проступков. Вначале он и его товарищи только ушли с уроков на море. Но этот случай повлек за собой целую цепь событий. Они привели Олега в милицию, столкнули с шайкой воришек, чуть не заставили его убежать из дому.

В эти трудные для Олега Громова дни в его школе открываются учебные мастерские. Смешные и печальные события в кузнице и слесарной мастерской, чуткая и внешне почти незаметная помощь учителей и новых товарищей помогли Громову освободиться от некоторых недостатков, закалить характер.

Увлекательная работа в мастерских помогла Олегу Громову понять, что труд — это главное, чем живет человек. Он нашел настоящих друзей, научился отличать подлинную смелость от мнимой.

Глава 1

НЕСЧАСТЬЯ НАЧИНАЮТСЯ ТАК...

Только сейчас я понял, почему мать говорила мне: «Жизнь гораздо сложнее, чем ты думаешь...»

И теперь я вполне согласен с бабушкой, которая всегда твердит: «Ну-у, пришла беда — отворяй ворота!»

Вот уж что верно, то верно! Теперь я и сам вижу, что беды не ходят в одиночку. И впереди — обязательно самая большая беда. Наоборот, начинается с маленького.

У меня все началось в понедельник — в самый несчастливый день.

Как назло, небо в этот день было синее-пресинее. Деревья на бульваре стояли еще совсем зеленые, только кое-где на них виднелись первые желтые листья. Над домами носились извивающиеся серебристые паутинки. Было так жарко, что прохожие жались к теневой стороне.

Вот из-за этой-то жары мы и решили уйти с урока.

Из окон нашего класса виден школьный двор, а за ним — базар. И как раз в эти окна бьет солнце. Конечно, если бы наш класс

учился в первой смене, солнечные лучи не дошли бы до нас. А в три часа дня они жгли, как сумасшедшие. Посиди-ка на солнцепеке в шерстяной гимнастерке! Конечно, на севере такая форма в самый раз, а у нас, в Приазовье, в ней одно мучение.

Вот почему на переменке мы выползли из класса, как осенние мухи, — сонные, разморенные и толстые в своей шерстяной форме. Послонялись по двору и присели в тени, на досках возле флигеля.

Флигель срочно ремонтируется, и никто не знает, что в нем будет. Женя Марков лениво спросил об этом у пожилого плотника в фартуке.

— А вот подождите! — засмеялся плотник. — Вы тут такие двойки будете зарабатывать, что не зарадуетесь!

Женька вежливо осведомился:

— Сколько же нам еще ждать этих самых двоек? И чем они отличаются от других?

— Ждать недолго. А двойки будут замечательные — они из вас лень выбьют. Не будете тогда вот, как сейчас, под ногами путаться, — сказал плотник и вдруг прикрикнул: — А ну марш отсюда!

Мы обиделись и решили, что при такой жаре заниматься, да еще английским, — невозможно, и Рудик Шабалин обиженно сказал:

— Мне этот английский вообще ни к чему. Я в Америку не собираюсь...

Мы задумались. После «инглиша» — большая перемена, потом — история. Если ехать на трамвае и не особенно задерживаться на море, к началу урока истории можно будет вернуться.

И мы отправились на море.

Марков уговорил нас взять книги с собой:

— Когда вернемся, скажем, что мы были у врача на осмотре, и никто ничего не узнает.

В подъезде самой близкой к школе Женькиной квартиры мы сняли свои форменные гимнастерки, отдали Женьке портфели, и он отнес их домой.

Все складывалось удачно. Женькины родители работали в больнице и возвращались домой поздно. Кроме них, в квартире никого не было, и, значит, нас никто не заметит.

Мы со спокойной совестью, в соколках-безрукавках и длинных форменных брюках, двинулись к трамвайной остановке.

Я пошарил в карманах и, нащупав свой счастливый пятак и два гривенника, сразу же подумал, у кого занять еще один гривенник на трамвайный билет. Самым компанейским парнем мне показался Саша Петренко, которого в классе называли Чесныком — он очень любил чеснок.

— Чеснык, деньги есть? — спросил я у него.

— А зачем?

— На билет.

— Это на трамвай?

— Ну, не на поезд же...

Саша пожал узкими плечами и презрительно усмехнулся:

— Смешно...

— Что — смешно?

— Брать билет. Ехать-то нам сколько?

И мне сразу же стало понятным, что Чеснык прав. В самом деле, если бы мы ехали из конца в конец или хотя бы большую половину маршрута — тогда билет брать нужно. А нам же близко — всего четыре остановочки.

— Действительно, — сказал Рудик. — Как только трамвайному начальству не стыдно брать за четыре остановки столько же, сколько и за весь маршрут!

Только Женя Марков недовольно молчал, а потом сказал, что из-за тридцати копеек он не хочет иметь неприятности.

— Ты просто трусишь, — презрительно усмехнулся Чеснык.

— Дело не в этом...

— Ну, тогда ты не товарищ! — возмутился я. — Раз все решили ехать без билета, значит...

— Ладно, — нехотя согласился Женька. — Раз все, значит, и я...

— Только, хлопцы, садиться нужно с передней площадки, — сказал Чеснык.

— Мы что — записались в инвалиды? — спросил Рудик.

— А вот увидите, — загадочно улыбнулся Петренко.

И мы все вчетвером сели с передней площадки моторного вагона. Кондукторша направилась к нам, но ее задержали женщина с ребенком и какая-то старушка. Так мы проехали остановку, соскочили с трамвая, а потом устроились на задней

площадке. А с передней в это время вошли какие-то старички. Пока кондукторша продавала им билеты, пока возвращалась назад — снова остановка. Мы опять соскочили и сели с передней площадки прицепного вагона. Здесь кондукторша сразу же заприметила нас и начала пробираться вперед. Но в прицепном вагоне всегда много пассажиров с вещами — они едут с вокзала в порт. Пока кондукторша ссорилась с этими пассажирами из-за их вещей, на предпоследней остановке мы перемахнули на заднюю площадку.

Тут-то нас и поймали.

Вернее, поймали меня. Толстая, распаренная кондукторша схватила меня за плечо и закричала:

— А ну плати за проезд!

— Так мне же одну остановочку!

— Видела я, какую остановочку! Бери билет! А то милиционера позову!

Мне показалось, что убежать с урока все-таки не следовало бы. В конце концов английский, наверное, не такой уж плохой язык. На нем даже Джек Лондон писал. А теперь и английским не позанимаешься и в милицию, того и гляди, попадешь. И все из-за каких-то несчастных тридцати копеек.

Я уже почти смирился с неминуемой бедой, как вдруг услышал голос Петренко:

— Олег! Громов! Ты чего там задержался?

Я даже вздрогнул. Растерянные Рудик и Женя стояли рядом, на задней площадке, а Саша шел из глубины вагона. Когда он туда прошмыгнул, никто не заметил. Говорил он требовательно и даже сердито и смело шел прямо на толстую, красную кондукторшу. Его маленькие зеленоватые глазки казались колючими и злыми, а вздернутый, весь в веснушках нос морщился. Бледное лицо было задиристо и решительно.

— Что у тебя такое, Громов? — опять недовольно спросил он.

— Так вот... билеты... — пролепетал я.

— Билеты же у меня, — сурово сказал Чеснык и набросился на кондукторшу: — Какое вы имеете право хватать за шиворот?

Кондукторша опешила и даже не подумала о том, что взять за шиворот она не могла — ведь все мы были в соколках-безрукавках, у которых, как известно, «шиворот» не бывает. Она

отпустила мое плечо и хотела было что-то сказать, но Чеснык закричал:

— Что это вам — собачонка? Да? Ухватила за шиворот и трясет! Да я сейчас сам милицию позову! Пусть вас посадят за избиение малолетних.

Тут, конечно, Петренко хватил через край. Кондукторша сразу пришла в себя и закричала:

— Как без билета ехать — так он не ребенок! А когда билет с него требуют — так он сразу ребенок! Где у него билет? Ну?!

Она совсем забыла обо мне и стала доказывать, когда можно считаться ребенком, а когда нельзя. Сашке не нравились ее сбивчивые объяснения, и он тоже кричал:

— Надо по-человечески спрашивать билеты. А не за шиворот хватать! Если все за шиворот начнут хватать — так зачем же тогда билеты?

Почему-то получилось так, что те пассажиры, с которыми кондукторша спорила из-за вещей, сразу поняли Чесныка и вдруг почувствовали себя оскорбленными. Они тоже закричали:

— Моду какую взяли — чуть что, так и орать!

— Не научились еще культурно работать!

— Грубиянка!

— Сам ты грубиян! — взвилась кондукторша и, совсем забыв о нас, стала пробираться на середину вагона, к новым обидчикам.

Петренко подтолкнул меня к ступенькам...

Пока разыгрывалась вся эта катавасия, трамвай преспокойно бежал по рельсам, деловито постукивал на стыках и перед конечной остановкой начал сбавлять ход. Мы спрыгнули с подножки. Но Петренко все-таки задержался и крикнул:

— Я за милицией пошел!

— И правильно! — ответил ему кто-то из вагона.

Мы перебежали на другую сторону улицы, в тень раскидистого тополя, и захохотали.

После такой истории идти спокойно мы уже не могли — то и дело переходили на бег и вздох делились пережитым. Впереди бежал Чеснык. И мы, догоняя его, понимали, что делает он это по праву. Ведь именно Сашка оказался самым смелым, находчивым и отчаянным.

И он бежал, гордый и решительный, молча выслушивая наши

рассказы.

Бежали к морю, не замечая, что наши несчастья и беды уже начались и остановить их было трудно.

Глава 2

ЧЕРНОМАЗИКИ И „СУХАРИ“

Море открылось сразу — огромное, гладкое, поблескивающее на солнце, как лист алюминия. Мне всегда казалось странным, что море называют синим. За всю свою жизнь синим я его еще не видел. Оно бывает серым, бурым, зеленоватым и даже почти зеленым, а когда оно «цветет» такими мелкими-мелкими зелеными водорослями-бисеринками, то становится похожим на весеннюю степь. Потом оно бывает коричневатым — это когда кожзавод выпускает в залив сточные воды. Бывает оно еще и сизым, с недобрым сталистым отливом — это перед штормом.

Но, несмотря на то что синим моря я никогда не видел, оно все равно лучше всего на свете.

И, глядя на море, мы немного притихли.

Недалеко от яхт-клуба нашли уходящую в воду каменную лесенку, разделись и полезли купаться.

Но Чеснык, едва ступив в воду, сразу же отпрыгнул и, скорчив смешную гримасу, нерешительно сказал:

— Нет, ребята, в такой холодине может схватить судорога...

Я улыбнулся. Разве такой отчаянный парень будет бояться судорог? Он просто смеется над нами, подыгрывает. И, чтобы он не смеялся, я нырнул, но слишком глубоко и если бы не вытянул перед собой руки, то обязательно врезался бы в обросшие ракушками камни. Но я всегда ныряю руками вперед и поэтому только слегка задел ими о камни, сразу выровнялся и всплыл метрах в семи от берега. Отдышался, оглянулся — смотрю, а на берегу, обхватив себя за бока, точно ему холодно, сидит Чеснык. Женька стоит на каменной лесенке и протирает водою грудь и под мышками. Это он всегда делает, считая, что тело нужно постепенно приучать к холоду. Иначе можно простудиться. Женька говорит так потому, что у него отец и мать — врачи.

Но ни обтирания, ни собственные врачи не помогают. Все равно он болеет больше всех из нашего класса. Как только контрольная или даже если просто погода плохая, Женя гриппует, а потом приносит справочки от врачей.

Мы с Рудиком поплыли: я, как всегда, на боку, а Рудка на размашку или, как пишется в книгах, — сажёнками. Потом нас догнал Женька. Он плавает академическим кролем или, попросту говоря, по-лягушачьи. Мы хотели было доплыть до стоящих на якоре лодок и яхт, но раздумали — вода была какая-то странная. Плынешь-плынешь — теплая, просто приятно, а потом вдруг попадешь в такую холодную, что аж зубы ломит. Повернули обратно. Смотрим, а Чеснык все еще возится на берегу. Тут вода такая, что, того и гляди, действительно судорога схватит, а он сидит, греется. Такое зло нас взяло, что даже все Сашкино геройство забылось.

— Надо стащить его в воду, — вдруг решил Рудка. — Пусть не задается.

Мы поднажали, молча выбрались на берег, молча схватили Чесныка за руки и за ноги и, как он ни визжал и ни брыкался, сбросили его в море. Вытянув шею, как собачонка, он вынырнул и поплыл к берегу. Он показался нам жалким, испуганным, но мы его все равно оттолкнули и заставили поплавать. Не знаю, как кто, а я подумал, что мы все-таки нечестно поступаем с таким парнем, как Чеснык, — он смелый и отчаянный, а ведь бывает же, что купаться не хочется.

Но тут Женя Марков сердито сказал:

— Я за компанию без билета ехал, а он купаться не хочет!

Я понял, что Женька прав, и вспомнил, что он Чесныка знает больше, чем мы. Ведь когда я и Рудик Шабалин перешли в эту школу, Саша Петренко, оказывается, уже учился в ней и остался в шестом классе на второй год. В школу он приходил раньше всех и больше гулял с ребятами из своего бывшего, теперь седьмого класса, который занимается в первую смену. Но все равно Саша — компанейский человек, он сразу понравился нам. И мы ему даже сочувствовали — не очень-то приятно оставаться на второй год. А теперь он, оказывается, не хочет поддерживать компанию.

Чеснык смешно барахтался, плавая по-девчачьи: ногами бултыхает, руками гребет под себя и, поджав губы, закрыв глаза,

вытягивает голову вверх. Просто смешно: человек прожил всю жизнь возле моря, а плавать не умеет!

Мы стали смеяться над ним. Сашка покосился на нас и вдруг нырнул. Он сидел под водой так долго, что мы даже испугались.

Но он вынырнул, отдышался и сказал:

— А знаете, ребята, тут бычков много.

Это было не бог весть какое открытие. Мы не раз ловили здесь бычков. Да и в этот несчастливый понедельник вся набережная была утыкана рыболовами. Но мы сразу поняли, на что намекает Сашка, немедленно плюхнулись в море и начали выдирать бычков.

Дело это не легкое. Сначала ногой находишь лежащий на дне камень, ныряешь, руками нащупываешь под ним вход в норку и суешь туда руку. Если за палец кто-нибудь ущипнет — значит, под камнем сидит бычок. Хватаешь его и выбрасываешь на берег.

Бычки бывают разные. Подкаменные и подшпальные — самые большие и самые черные. Их называют черномазиками. Там, где нет шпал — так у нас называют сваи, вбитые в дно возле берега, — и где неглубоко, водятся бычки желтовато-бурые, с разводами. А там, где камней совсем нет и дно песчаное, живут серые песчаники.

Кажется, мне первому удалось просунуть руку под камень и схватить скользкого, колючего бычка.

Настоящий черномазик!

Иссиня-черный, как вороново крыло, блестящий, он топорщил грудные, похожие на раковины плавники и широко раскрывал огромный рот, усеянный мелкими зубами.

Я бросил свою добычу на берег и увидел, что Саша уже сидит на каменной ступеньке и делает кукан. Это такая нитка или шнурок с палочками на концах. На кукан нанизывают рыбу.

— Толковый! — похвалил Сашка черномазика, и я опять нырнул в море.

Теперь я уже не знаю, сколько времени мы выдирали бычков. Вначале всем везло, и мы выбросили на берег штуки по четыре или по пять, но потом бычки, словно по команде, исчезли. Мы замерзли так, что зуб на зуб не попадал. Чеснык первый сказал, что ему это надоело. И, пока мы еще храбрились, он оделся и достал из воды кукан. На нем топорщились и извивались

На их брюках оказались такие же, как и на моих,
размоченные с песочком «сухари».

отличные черномазики.

Мы тоже стали выходить из воды.

Саша покосился на нашу сложенную кучкой одежду, на черномазиков и, хитро посмеиваясь, сказал:

— Если их изжарить на сливочном масле да в сухарях — пальчики оближешь!

— Ну еще... в сухарях... — лязгая зубами, ответил Женья. — И так хороши будут.

— Нет... не скажи, — все так же хитро посмеиваясь, сказал Сашка, — в сухарях лучше. — И добавил, помахивая куканом: — Пойду к рыбакам, похвалюсь. А то сидят, наверное, целый день и ни шиша не поймали.

Он пошел к ближним рыболовам, обернулся и крикнул:

— Одевайтесь скорее! На историю и так опоздали!

Только теперь мы поняли, что бычки действительно сильно нас задержали. Солнце склонилось к самой горе, и море казалось уже не блестящим, алюминиевым, а золотистым. Но нам от этого было не легче. Тело покрылось пупырышками. Зубы выбивали дробь. Чтобы поскорее согреться, мы прежде всего достали майки и вытерлись ими. Потом в общей куче одежды я разыскал свои брюки и сунул в штанину ногу, но она во что-то уперлась.

Холодно так, что аж скулы сводит, нога в штанину не лезет, а Женька и Рудик стоят и смеются-заливаются. Я посмотрел на злополучные брюки и чуть не заплакал от обиды.

На них был «сухарь».

Так вот чем занимался Чеснык, пока мы плавали! Он завязывал на штанине моих новеньких форменных брюк узел, да еще смачивал его водой, чтобы было труднее развязать. Я сел на ступеньку лестницы, рассмотрел этот узел-«сухарь» и взялся за него зубами. На них захрустел песок. Значит, мне предстояло грызть «сухарь» с присыпкой.

Я молча грыз, а Женька и Рудка корчились от смеха. Прямо с ног валились. Меня такое зло взяло, что просто сил нет. Но ребята насмеялись и, всхлипывая от холода и усталости, начали одеваться. На их брюках оказались такие же, как и на моих, размоченные, с песочком «сухари». Только теперь я увидел, каким смешным казался со стороны — растерянным и огорченным. Женька и Рудка стали ругать Чесныка, но не успел я посмеяться

над ними, как издалека донесся его голос:

— Чего возитесь? Я пошел в школу.

То, что Саша не хотел купаться и так зло посмеялся над нами, — это еще полбеда. Это можно было простить — все-таки он уже показал себя самым смелым и находчивым. Но то, что он уходил от нас с нашими бычками и уходил в школу, было уже настоящим предательством. Мы даже растерялись. Но Женя сердито сказал:

— Посмотрим, как он попадет в школу! Портфель-то у меня дома.

Это успокоило, но никто не подумал, что мы слишком задержались на море и Женины родители могли вернуться с работы. Посапывая от бессильной злости, мы надели сморщенные, мокрые брюки и пошли в город.

Стараясь расправить штанину, я все время держал руку в кармане и не замечал, что моего счастливого пятака уже нет. Когда и как он вывалился из кармана — никто не видел.

Глава 3

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Когда мы появились на Жениной квартире, его мать уже пришла с работы и готовила обед. Небольшого роста, худенькая, она сердито встряхнула черными волосами и посмотрела на нас так, что мне стало и неприятно, и стыдно, и как-то не по себе. Потом она взглянула на наши изжеванные штанины и всплеснула мокрыми руками.

Во все стороны полетели брызги, и мне стало просто страшно: чужие матери всегда ругаются не так, как своя.

— Этого еще не доставало! — воскликнула она. — Где вы были?

— На море, — хмуро ответил Женя.

— Евгений, ты знаешь, что я не выношу неправды! — вытирая руки фартучком, сказала мать.

— На море.

— Евгений! — Она резко одернула фартучек и выпрямилась. — Евгений! Мне все известно. Имей это в виду.

— Ну, что тебе известно? — вдруг взорвался Женька. — Что

тебе может быть известно?.. Просто мы... удрали с уроков и пошли на море. Вот и всё...

Женина мать поправила волосы и стала теревать оборочку на фартуке. Когда она искоса посматривала на нас с Рудкой, губы у нее кривились и вздрагивали.

— Имейте в виду, что мне все известно, — заговорила она очень строго, — и я обязана вам сказать, что вы поступаете отвратительно, не только отвлекая моего сына от уроков, но и втягивая его во всякие подозрительные, хулиганские истории.

— Мама! — крикнул Женька.

— Помолчи, Евгений! Твоя мать знает, что говорит. Вас перевели в эту школу для того, чтобы вы исправились в хорошем коллективе, а вы, вместо исправления, начинаете портить этот коллектив.

Женина мать смотрела так, что мы с Рудиком вначале только переглянулись, потом огляделись по сторонам.

Но сзади тоже никого не было. Получалось, что все эти слова говорились для нас.

Но почему она говорила это нам? Ведь мы перешли в эту школу потому, что переехали в новые дома, а вовсе не потому, что нас нужно было исправлять. Да и вообще за весь пятый класс мою мать даже не вызывали в школу, и в табеле у меня было всего две тройки, а то все четверки и пятерки. У Рудки — то же самое. Так чего же нам исправляться? Мы опять переглянулись, и Женина мать раздраженно сказала:

— Не крутитесь, пожалуйста! Я говорю о вас двоих. Имейте хотя бы мужество выслушивать неприятные, но справедливые слова.

Теперь сомнений не было: со своими неприятными, но справедливыми словами Женина мать обращалась именно к нам.

— Вместо исправления вы мало того что сами убегаете с уроков, но еще и подбиваете на такой гадкий поступок моего сына, вашего нового товарища... Евгений, помолчи! Я знаю, что я говорю!

Женька то краснел, то бледнел, и я его понимал. Когда родная мать говорит такие слова, да еще торжественно, словно произносит речь перед началом учебного года, тут не только покраснееешь, а даже провалиться сквозь землю захочешь.

— Но этого мало, — продолжала безжалостно Женькина мать.
— Вы еще и избиваете мальчика, который, видимо, хотел вам добра, хотел повернуть вас... вернуть вас...

Тут она сбилась, в уголках ее глаз, кажется, навернулись слезы.

Мы совершенно ничего не понимали. Рудик не выдержал и спросил:

— Кого, кого? Какого мальчика?

— Не притворяйтесь непонимающими! — крикнула Женина мать, и оборочки на ее фартучке стали топорщиться. — Я говорю о Саше Петренко, которого вы так избили, что у него даже кровь из зубов пошла. Мне теперь совершенно ясно, чем вы занимаетесь и почему у вас такой вид!

Она презрительно скривилась и показала рукой на наши изжеванные штанины.

Вот теперь все стало понятным. Выручая свой портфель и гимнастерку, Чеснык напелл Женькиной матери на нас такое, что и придумать трудно. Но эта выдумка была хоть и неприятной, но в то же время и смешной — кто может поверить, что такого парня, как Саша Петренко, можно избить, да еще так, чтобы у него кровь из зубов пошла!

Рудка тихонько усмехнулся и протянул так, словно сделал какое-то научное открытие:

— Чеснык, оказывается, паинька...

Теперь я уже не мог сдерживаться и, понимая, что это глупо, все-таки засмеялся.

Женина мать опять всплеснула руками и почти с ужасом сказала:

— Сразу видно, что вы совершенно невоспитанные мальчишки, и я вас прошу больше никогда к нам не приходить!.. А тебе, Евгений, я категорически запрещаю не то что дружить, а даже встречаться с этими... разболтанными людьми.

— Но, мам...

— Никаких «но»! Сейчас же отдай принадлежащие им вещи, и я с тобой поговорю особо.

Мы повернулись и вышли в коридор. Нас догнал Женья, и Рудка озабоченно сказал:

— Слушайте, а ведь ему и в самом деле придется набить морду!
А?

— Обязательно! — яростно прошипел Женька. — И давайте поклянемся, что мы это сделаем.

И мы поклялись.

Потом мы неторопливо пошли по домам. По небу растянулись перистые облака. Было тихо и красиво — на газонах и клумбах отцветали последние цветы, и зелень на деревьях была густой, темной. Желтые листья казались нарисованными,

— Сейчас приду домой, — мечтательно протянул Рудик, — и скажу, что штаны на физо помял! На турнике. А чтобы дома не очень ругались, скажу, что по истории получил пятерку. В журнал. А то еще дневник потребуют... — Он вздохнул и, скосив глаза, добавил очень серьезно: — Родителей нужно беречь и не волновать попусту. Верно?

Я засмеялся. Но дома сказал матери то же самое, что собирался сказать Рудка. Мать действительно не рассердилась, спокойно принялась гладить брюки и только совсем немного побурчала:

— Удивляюсь я тебе, Аля! Ведь ты же можешь учиться без всяких неприятных происшествий. Ведь ты только посмотри, до чего ты измазал новые брюки! Неужели тебе не хочется быть опрятным и подтянутым?

Станный все-таки человек у меня мать... Мало ли что мне хочется! Да не все в жизни получается так, как хочется. Ведь сама говорит, что жизнь гораздо сложнее, чем мне кажется...

Глава 4

ЧЕСНЫК, КАЖЕТСЯ, НЕ ВИНОВАТ...

Во вторник я проснулся, как и всегда, под замком. Мать уходит на завод очень рано и меня не будит, а только запирает комнату на ключ. Но у меня есть свой ключ, и, когда нужно, я отпираю замок и выхожу во двор.

На столе стоял завтрак — котлеты, масло и хлеб, а на электроплитке — чайник. Я включил плитку, потом убрал постель и умылся. Чайник разогрелся, я положил в чай сахару, намазал масла на хлеб и сверху положил котлету. Ведь холодная котлета с горячим чаем будет теплой — зачем же ее разогревать? Я всегда

удивлялся людям, которые делают то, что можно не делать. Так я сэкономил десять минут и взялся за уборку. Подмел полы (моет их мать), вымыл чайную посуду (мама моет обеденную) и сел за уроки.

Но, пока я все это делал, мне казалось, будто в комнате чего-то не хватает. Я подумал, что это так кажется потому, что мне грустно. Ведь сегодня в школе наверняка спросят, почему я ушел с уроков. Классная руководительница Елена Ивановна может записать в дневник замечание, а то и мать вызовет. Но потом, услышав тонкий, жалобный свист, сразу все понял: мой щегол не пел и не прыгал в клетке, как всегда, а сидел на жердочке, взъерошенный, сердитый, и посвистывал. Я достал банку, в которой хранилось конопляное семя для щегла, но не нашел в ней ни коноплянки.

Раздумывать было некогда. На моем столике лежали деньги и бумажка, на которой мать написала, что нужно купить. Это у меня такая домашняя обязанность — покупать в магазинах и на базаре все, что нужно из продуктов. Потом я чищу картошку, овощи и всякое такое, а когда мать приходит с работы, то она варит обед.

Я взял деньги, авоську и пошел на базар. По бумажке купил все, что нужно, а вот щеглиного корма не нашел. Прибежал домой, собрал книги и пошел в школу.

Во дворе перед уроками всегда собираются мальчишки. И я надеялся перехватить у кого-нибудь конопляного семени, потому что оставлять щегла голодным невозможно: он может сдохнуть.

И только я пришел в школу, как сразу же встретил Чесныка. По правилу, нужно было немедленно дать ему как следует за его предательство. Но Женья и Рудик еще не пришли, и драться одному было смешно: ведь мы поклялись сделать это втроем. А клятву нарушать нельзя. Я просто прошел мимо Петренко и ничего ему не сказал:

Но веселый Чеснык остановил меня:

— Чего ты, чудак, злишься! Я пошутил... — Но потом, заметив мою непреклонную молчаливость, помрачнел и стал оправдываться: — А ты думаешь, мне приятно было, когда вы меня в воду бросили? Я же не обиделся. А «сухари» всегда вяжут.

Что ж, по-своему Сашка был прав. Действительно, в воду мы его бросали. А когда я развязывал свой похрустывающий на зубах

«сухарь», я даже жалел, что сам не додумался навязать таких же «сухарей» Сашке. Но я ничего не ответил, а только нахмурился. Чеснык посмотрел на меня заискивающе, и видно было, что он жалеет, что все так получилось.

Тогда я спросил:

— А почему ты ушел и унес бычков? И Женькиной матери наболтал?

— Так я почему? — Чеснык прижал руки к груди. — Ведь если бы я не ушел, вы бы обязательно стали драться. А вас трое. Ну, а матери Женькиной нужно же было что-нибудь сказать...

— «Что-нибудь»! — передразнил я его. — А кто тебя просил болтать, что меня и Рудку перевели в эту школу на исправление? Кто тебя избивал?

Сашка печально усмехнулся, вздохнул и стал смотреть на стаю голубей, которая кружила над школьным двором.

— Можете думать что хотите, но я так не говорил.

— А как же ты говорил?

— Ладно. Я расскажу все, как было. — Чеснык решительно подошел к доскам возле флигеля и сел на них. — Слушай. Я думал, что, пока буду дожидаться вас у Женькиного дома, вы немного поостынете и драться не станете. Просто посмеемся, а потом бычков нажарим. Но, когда я шел, так, понимаешь, встретились мне тут трое... Из седьмого класса — Гринь и Чубуков... И еще один. Он раньше учился в нашей школе, а теперь нет. Да и Гриня с Чубуковым тоже, наверное, в школу для переростков отправят. На исправление. Они по два года в одном классе сидят...

— Ну и что? — спросил я подозрительно, потому что не очень уж верил Чесныку.

— А ничего. Это я так просто. Ты слушай. Подходят ко мне и говорят: «Законные бычки. Черномазики! Давай нам на закуску».

— Какую еще закуску? — удивился я.

— Ну, понимаешь, им на закуску. У них вино было. Вернее, у того, третьего. Ну, я не давал, уговаривал: не мои, дескать. Тогда они и меня с собой стали звать, а я не пошел, потому что решил дождаться вас. И опять не отдал бычков. Тогда они не стали ругаться, а просто стукнули меня, а бычков забрали.

— Всех? — зачем-то спросил я.

Но Сашка ничего мне не ответил. Он только вздохнул и в

первый раз показался мне много старше, чем был на самом деле.

— Пришел я к Женькиному дому, сел на приступки и сижу. Из зубов кровь сплевываю. Тут проходит одна женщина. Красивая такая. Посмотрела на меня и уже совсем прошла было в дом, а потом вернулась и спрашивает: «Что с тобой, мальчик?» Я молчу. Она взяла меня за голову, посмотрела в глаза и говорит: «Пойдем ко мне, я тебе сейчас кровь остановлю». Понимаешь, Алька, если бы она ругалась или допытывалась, ну, тогда я, может быть, и не пошел. Но она как-то так... Ну, словом, пошел. Она завела меня на кухню, руки вымыла и стала смотреть мои зубы, а потом спрашивает: «Упал?» Знаешь, я как-то привык врачам не врать, а она мне сразу показалась доктором. Я сказал прямо: «Нет, набили». У нее глаза как-то заблестели. И мне почему-то захотелось не то успокоить ее, не то... Ну, словом, говорю: «Да их там трое было...»

Глаза у Петренко зеленоватые и почти всегда бегающие. А в ту минуту они были просто светлыми, почти как у Рудки, и задумчивыми. Он опустил их и тихонько продолжал:

— Она и спрашивает: «А ты их знаешь?» — «Конечно, — отвечаю. — Они из нашей школы, да их, наверное, переведут исправляться...» Ну, она уж тут спрашивать не стала — побежала в комнату и долго не возвращалась. Потом пришла, принесла в стакане полоскание и так на меня смотрит, что у меня просто все поджилки свело. Я давай полоскать рот, а сам думаю, как бы смотаться. Она спрашивает: «Это ты вместе с Женей Марковым учишься?» — «Да, — говорю. — А что?» А она не ответила да как заревет! И я тут же понял, что она и есть Женькина мать и, наверное, догадалась, что он удрал с уроков.

Кровь из зубов перестала идти, и я хотел было попросить свой портфель, но не могу к ней приступить — плачет и плачет и все время повторяет: «Так вот какой у меня сын, так вот он какой!» Я стоял-стоял, как дурак, а потом попросил: «Дайте мне мою гимнастерку и портфель, я пойду в школу». Она даже не удивилась и говорит: «Иди в комнату. Там возьми». Я взял и уже почти ушел, а она опять спрашивает: «Кто же будет исправлять этих... ну тех, что тебя побили?» Ну, что я ей отвечу, если она все еще плачет? Я взял и пошел...

— В школу?

— Ты что, дурак? Чего это я пойду в школу, если вас нету? Что ж я, лучше всех? — возмущенно ответил Чеснык и замолчал.

Я тоже молчал. Получалось, что Чеснык ни в чем не виноват, а просто Женина мать все перепутала. Но теперь я не знал, как себя вести с ним. Ведь я тоже клялся отомстить Сашке, а выходит, что мстить не за что.

Так мы сидели на досках возле флигеля и молчали, пока к нам не подошли плотники. Один из них посмотрел на нас и сказал:

— Вот, понимаешь, народ до чего непонятливый! Один раз я уже гонял их отсюда, а они опять сидят и ничего не делают. Хоть бы помочь попросились — ведь для них же строим.

— Очень им эти мастерские нужны, — ответил ему второй рабочий, совсем молодой. — Они же только об университетах мечтают. А вот когда не попадут в них — тогда узнают...

— Ну ладно вам морали читать! — разозлился Чеснык и поднялся с досок.

Мы вышли из ворот школы и опять остановились — идти было некуда и делать нечего. Я даже о щегле забыл, потому что все время думал, как быть с Чесныком, а потом спросил:

— Слушай, а зачем же ты дружишь с этими... ну, с Гринем и Чубуковым?

Чеснык посмотрел на небо и покрутил головой:

— Ничего ты, Олег, не понимаешь! Заставят — с кем хочешь подружишься... Это ж такие... такие...

Он вдруг как-то сжался и стал, кажется, даже меньше меня, но потом выпрямился, сплюнул и выругался:

— Э-э, да черт с ними! Мы еще и не такое видали... Словом, Олег, я ничего такого не сделал — ты так и ребятам скажи.

Он засунул руки в карманы и стал звенеть мелочью. Мне он опять почему-то не понравился.

— Вот отдубасим тебя по-настоящему — тогда будешь знать!

Чеснык быстро взглянул на меня, тонкие его губы сжались, но он промолчал и только через несколько минут ответил:

— Давай крутнем, что ли? А придут наши ребята — тогда пожалуйста. Если решите, что с меня нужно получить, получайте! Я и мизинчиком не шевельну.

Не играть с Чесныком в «орла» никто не клялся... Поэтому я хотя и посмотрел на него очень строго и недовольно, но все-таки

пошел к бывшему манежу. Тут, рядом со школой и все-таки в стороне от нее, мы иногда играли в «орла» и в «ростовчика».

Пока мы шли, я шарил по карманам, но моего счастливого медного пятака уже не было. Большой, толстый, он был незаменимой битой в игре в «раскидыша» и «пожарника». Он хорошо «выдавал орла», когда мы крутили «орлянку».

Но отказываться было невозможно — это называлось бы уже трусостью. Я начал отставать от Чесныка, мечтая, что нам кто-нибудь встретится и помешает игре. Но нам никто не встретился.

Глава 5

РЯДОМ СО ШКОЛОЙ

Первым крутнул Чеснык, на двадцать копеек. Он размахнулся и швырнул вверх бронзовый маленький пятак, который шариком взлетел выше манежа, потом звякнул на камнях и лег «решкой» вверх. Чеснык молча отсчитал мне сорок копеек — мою ставку и свой проигрыш. Потом он дал еще двадцать — свою ставку. Я крутнул этой же самой двадцатикопеечной монетой — мне было все равно, чем крутить. Выиграл. Сашка дал вторую ставку — сорок копеек. Я уже подумал, что можно обойтись и без счастливого пятака, и тут же проиграл.

Но потом мне повезло, и я выиграл четыре раза подряд.

Сашка рассердился:

— Это нечестно! Я кручу медяшкой, а ты серебряшкой. Да еще моей.

— А у меня нет медяшки, — сказал я и покраснел: так мне было жалко моего счастливого пятака.

Сашка спросил:

— А где же твой?

— Наверное, потерял...

— Это вчера? Да? На море? — допытывался Сашка.

Я признался, а делать этого было нельзя. Чеснык понял: замечательного пятака у меня нет и, значит, ему нечего бояться.

— Ну ладно... — решил он. — Раз так, тогда крути серебряшкой, но и я сменю.

В пятый раз серебряшка подвела. Я отдал Сашке его ставку, свой штраф и дал ему крутнуть сразу на рубль.

Тут он и пустил в ход новую битку. Она взлетела вверх, опустилась, звякнула о камни и, подпрыгнув, легла на землю. Я взглянул и обмер. Это был тоже старинный пятак — большой, медный. Я ничего не сказал и только покосился на Сашу, и тот понял меня. Он поднял пятак и показал его мне:

— На, смотри. Может, скажешь, это твой?

Он был похож на мой, счастливый. Такой же толстый, тяжелый. Но мой пятак оттого, что я долго играл им, имел рубчики с обеих сторон. Этот же только с одной — со стороны решки. А с другой рубчик был тщательно спилен и в середине протерт — это, чтобы решка была тяжелее. Значит, это был Сашкин пятак. И я дал крутить Чесныку сразу на два рубля.

Чего теперь вспоминать... Вначале я проиграл свои сбереженные деньги, потом те, что были выданы матерью на завтрак, потом те, что я отложил на покупку семян для щегла. Потом... потом проиграл все деньги, что остались от базара. Мне стало страшно: вечером мать обязательно попросит сдачу. А денег у меня нет.

Сашка насмешливо прищурил глаза и притворно вздохнул:

— Что ж... бери у меня пятерку. Может, отыграешься.

Мне ничего не оставалось делать. Я должен был отыгаться, иначе дома будет скандал. И я взял пять рублей. Я смотрел, как взлетает Сашкин пятак, как он блестит на солнце своим спиленным краем, бросался к месту его падения, даже пытался «жилить», но ничего не помогало. Проклятый пятак обязательно показывал орла.

Я занял еще десятку. Потом еще... И, когда попросил в третий раз, Сашка задумчиво ответил:

— Понимаешь, Олег, мне не жалко для товарища... Тем более тебе нужно отыгаться... Но ведь мы опоздаем на уроки.

Я был как сумасшедший и стал упрашивать его крутнуть еще хоть два раза, и он по-компанейски согласился. Потом... Ну, что уж там... Я совершенно проигрался и остался должен Сашке сорок пять рублей.

В школу мы пришли во время второго урока. Чеснык правильно решил, что нужно дожидаться перемены и сразу

пойти на третий, потому что я был как больной. Меня трясло не меньше, чем на море после купания.

— Пошли в уборную, — сказал Саша, — а то здесь нас еще поймают.

Мне было совершенно безразлично, куда идти — хоть на Северный полюс, хоть в Африку. И мы пришли в уборную.

Чеснык снял фуражку, достал из нее сигарету, спичку, кусочек серки и закурил. Щуплый, узкоплечий, конопатый, он насмешливо посматривал на меня и молчал. Я замечал эти взгляды, но старался думать о другом: все-таки Чеснык сделал по-товарищески. Он ради меня опоздал на урок. Он давал мне отыгаться даже серебряшкой. Я ни в чем не мог упрекнуть его.

Чеснык подтолкнул меня и сунул в руку сигарету:

— На, затянись. Это помогает.

Я никогда еще не курил, но в тот момент Саша был для меня все равно что учитель или гипнотизер. Я верил ему, слушался его и, взяв сигарету, вдохнул в себя горьковатый теплый дым. В следующую секунду вся уборная пошла ходуном. Что-то внутри схватило, сжало так, что даже сердце, кажется, остановилось, и вдруг меня стало как бы выворачивать наизнанку. Я так кашлял, так мне было больно, что хоть криком кричи. Испуганный Сашка тряс меня за плечи и орал на ухо:

— Ты еще раз затянись! Оно перебьет. Это бывает...

И я, дурак, затянулся.

Мне стало совсем худо. Сашка, как настоящий товарищ, метался по уборной, потом потащил меня к крану, но я просто не мог идти — так ослабел. В этот момент началась перемена, и в уборную влетели ребята. Я стоял, прислонившись к стене, — вероятно, зеленый и жалкий. Меня все еще трясло и передергивало от кашля. Подбежали и Рудик с Женей. Они молча уставились на меня. Рудка подскочил к Чесныку и, приподнявшись на носки, крикнул:

— Что с ним? Говори!

Испуганный Чеснык попятился, потом вдруг приподнял худые плечи.

— Вот, — презрительно кивнул он на меня, — курить задумал...

Рудик переглянулся с Женькой, плюнул в сторону и, уничтожающе глядя на меня, процедил сквозь зубы:

— Эх ты, баба! Даже клятву держать не умеешь!

Кто-то из старшекласников стукнул Сашку по затылку, и он пробкой вылетел из уборной. Мне облили голову водой и заставили напиться. Стало легче, и я, как лунатик, покачиваясь и почти ничего не соображая, добрался до своей парты. Солнце уже не пекло, и мне, в моей шерстяной гимнастерке, было холодно.

Словом, все сложилось как нельзя хуже. На этом же уроке меня спросили. Я знал все, о чем спрашивали, но не мог выйти к доске — меня все еще мутило. Учитель ботаники Альфред Петрович покачал головой и сказал:

— Ну, раз ты ничего не знаешь, Громов, поставлю тебе двойку.
— Потом он помолчал и спросил: — Ты что, заболел?

Весь класс недоуменно смотрел на меня. Чтобы не рассказывать о том, что случилось, я соврал, будто не понял заданного урока. Учитель опять очень подозрительно посмотрел на меня и старательно вывел в журнале двойку.

Весь вечер я бродил по улицам, всеми покинутый и действительно больной. Очень хотелось есть. И только поздно, почти ночью, пришел домой. Мать сейчас же напала на меня. Я сказал, что заходил к бабушке, потому что мне стало плохо. Она посмотрела на меня и покачала головой:

— Что-то ты действительно зеленый... Марш в постель!

Обычно она всегда заставляла меня прежде всего поесть, а я, как только заболел по-настоящему или притворялся, что болею, всегда отказывался от еды. И она, уже зная меня, на этот раз не заставляла обедать. А мне так хотелось есть...

Я юркнул в кровать и постарался заснуть, радуясь, что мать не спросила сдачу.

Глава 6

НЕУДАЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Утром я сначала выпил молока и съел манную кашу, которую мать сварила для меня, как для настоящего больного. Потом залез в кухонный шкафчик, добыл масло и хлеб, сходил в погреб и выудил из супа все мясо (разогреть суп с утра мне показалось

неправильным), открыл банку рыбных консервов и все съел. После этого мир показался мне не таким уж мрачным, хотя по окнам неторопливо стучал мелкий, нудный дождь.

Я сидел и раздумывал над своим положением. Отдать деньги матери нужно сегодня же. Это было ясно. Но где их взять? Занять? Не у кого. Продать что-нибудь?.. Я оглянулся и прикинул, что можно снести на базар из своего хозяйства. Решил продать щегла, старую клетку (новую продавать нельзя — заметит мать), коньки с ботинками, покрышку от волейбольного мяча, старые учебники и еще кое-какие мелочи. Тогда можно будет выпутаться из этого отчаянного положения. Я немедленно приступил к делу. Но, уже собрав все, подумал, что щегла продать будет нелегко: птичий базар в нашем городе бывает только по четвергам и воскресеньям. Значит, со щеглом придется подождать.

Я пошел на базар.

С неба сеял мелкий, уже совсем осенний дождь, под ногами хлюпала слякоть, и покупателей почти не было. Только старьевщики, нахохлившись под палатками и зонтами, сидели возле своего товара. Я побродил по базару и пошел в книжный магазин. Но учебники там не купили. Во-первых, они были грязные, а во-вторых, по этим предметам, оказывается, были выпущены новые.

Пришлось вернуться на толкучку. Но ни ботинки с коньками, ни волейбольная покрышка, ни тем более старый радиоконденсатор переменной мощности, который я выменял когда-то у соседа еще на старой квартире, ни другая мелочь никому не требовалась. Я бродил как потерянный, заглядывая в глаза каждому прохожему, но это не помогало.

Тогда я решил продать все сразу, оптом. Дадут, конечно, меньше, но все-таки хоть немного дадут. Как-никак, а ботинки с коньками — вещь дорогая. Мы с матерью уплатили за них почти сто рублей.

Первый же старьевщик дал мне три рубля за покрышку и рубль за конденсатор, а ботинки с коньками не взял.

— Может, они краденые, — проворчал он.

Второй повертел мой товар и сказал, что такую ржавчину никто не купит. Конечно, никель с коньков кое-где слез, и действительно на этих местах выступила ржавчина. Но все-таки

коньки были еще совсем хорошие.

Мне опять не везло. Я уже решил было идти домой, как вдруг совсем сморщенный, пахнущий табаком и водкой старик взял мой товар, повертел, почмокал слюнявыми губами и сразу предложил:

— Четвертная...

Значит... значит, у меня могло быть почти тридцать рублей. Можно отдать матери сдачу и купить конопляного семени щеглу. Расплатиться с Сашей я все равно не смогу. Но что мне оставалось делать? И я кивнул головой. Старик вздохнул и полез в карман.

В это время меня спросили:

— Ты зачем продаешь коньки? А сам на чем будешь кататься?

Я оглянулся. Рядом стояла самая обыкновенная женщина в самом обыкновенном темном пальто и зеленом платке. Только глаза у нее были очень строгие.

— Они мне малы, — сказал я. — Вот и продаю.

Но она почему-то не поверила и протянула руку к старику:

— Ну те-ка, дайте сюда коньки!

— А чтой-то я буду отдавать? — возмутился было старик. — Ты кто такая, командовать тут?

— А я вам говорю: дайте сюда коньки, — очень спокойно сказала женщина.

Возле нас стали собираться люди. И вдруг чей-то знакомый, визгливый голос закричал:

— Нечего на него смотреть! Нужно в милицию вести!

Я оглянулся и обмер. Возле меня стояла толстая кондукторша.

Размахивая руками, она опять закричала:

— Они из меня всю душу вытрясли! Безбилетники! Хулиганы!

— Гражданка, успокойтесь! — поморщилась женщина в зеленом платке. — В данном случае дело не в мальчике.

— Это как же не в мальчике?! Я уж сколько за ним слежу. Ходит, торгует, как спекулянт. А где он взял? Ясно — краденое! То без билета ездит, а то ворованным торгует! В милицию его сдать нужно!

Тут начали кричать и другие, а я до того растерялся, что у меня даже в животе похолодело. Я хотел было бежать, но ноги как будто прилипли к месту.

Кондукторша схватила меня за плечо:

— Они мне малы, — сказал я. — Вот и продаю.

— Может, скажешь, не ездил без билета? Может, думаешь, я тебя забыла?

Женщина в зеленом платке спокойно отстранила ее рукой и сказала мне:

— Ну-ка, пойдём, поговорим...

Я даже о коньках забыл — так меня напугала кондукторша: за проезд без билета всегда берут штраф, а у меня и так с деньгами получился настоящий провал.

Но о коньках вспомнила женщина. Она все так же спокойно протянула руку к старику и повторила:

— Нуте-ка, дайте сюда коньки.

Старик выругался и отдал коньки.

Мы пошли по базарной площади. Впереди показалось белое здание нашей школы. Я, представив себе, что будет, когда в школе обо всем узнают, сразу решил: бежать? Черт с ними, с коньками! Семь бед — один ответ. Но женщина схватила меня за руку и сжала ее:

— Не-ет, не спеши! Раз решили поговорить — поговорим.

— Нечего с ним говорить! — закричала подросевшая кондукторша. — Веди его в милицию, там разберемся!

Я рванул из всех сил, но из-за мясных рядов показался милиционер и направился к нам.

Кондукторша бросилась к милиционеру, требуя, чтобы меня забрали. Но женщина в зеленом платке улыбнулась, милиционер взял под козырек и сказал кондукторше:

— Гражданочка, вы не волнуйтесь. Все делается так, как надо.

Кондукторша стала кричать, что она всех выведет на чистую воду, что здесь все заодно. Я уж не знаю, что еще она там кричала, потому что мы действительно подошли к милиции. Бежать уже было поздно. Я вздохнул и переступил порог.

В детской комнате отделения милиции начался скучный разговор. Хорошо хоть то, что он проходил без свидетелей. Я врал самым беспощадным образом, потому что ни за что не хотел говорить своей фамилии, где учусь, где работает моя мать. Женщина посмотрела на меня острым, испытующим взглядом, и чем дольше она смотрела, тем яснее я понимал: я пропал. Никакого спасения нет, и теперь меня наверняка отправят в тюрьму или в колонию для малолетних преступников. Это было

так страшно, что я опять стал врать и, чтобы мне поверили, плакать.

Женщина вдруг встала и сняла пальто. Под ним оказался самый настоящий милицейский китель с серебряными офицерскими погонами старшего лейтенанта. Я во все глаза смотрел на них. Как раз такие серебряные погоны, с тремя маленькими звездочками, носил мой погибший отец. Он был старшим техником-лейтенантом и служил на одном дальневосточном аэродроме.

Я смотрел на эти погоны и сразу все вспомнил. Даже то, что почти никогда не вспоминал, — и как плакала мать, и как хоронили отца и стреляли из винтовок вверх, и как над кладбищем летали самолеты и завывали от горя, и как южный ветер с корейской стороны последний раз пошевелил русые волосы на голове отца. Тогда, в те дни, я не понимал ничего, потому что был еще маленький. Но теперь, когда стал пионером, понял все.

Мне стало так страшно, так я стал противен самому себе, что заплакал уже по-настоящему. В эту минуту я просто не мог видеть этих знакомых погон. Ведь отцовский китель до сих пор висит в шифоньере. И мама каждый месяц чистит и проветривает его...

Женщина-милиционер смотрела, смотрела на меня, а потом не то что строго, а просто раздраженно сказала:

— Да не реви ты, как девчонка! Смотреть неприятно.

Я сразу замолк, вытер слезы и сжал зубы — будь что будет.

А женщина сказала:

— Я не хочу тебя убеждать или допрашивать. Но мне кажется, что с тобой стряслась какая-то беда. Ты подумай как следует, а я пойду по делам. Если решишь уйти — можешь взять свои коньки. Но если ты человек смелый... Ну, в общем, смотри сам.

И она вышла.

Так до сих пор я и не знаю, что же такое произошло, но только, когда она возвратилась — невысокая, с усталым лицом и строгими глазами, — я вдруг сразу рассказал почти все, что со мной случилось.

Она выслушала и уточнила:

— Значит, ты, Петренко, Марков и Шабалин удрали с уроков, без билетов проехали в трамвае, потом ловили бычков и Петренко от вас ушел. Куда же делись бычки?

Я рассказал ей то, что говорил мне Чеснык.

— Гринь и Чубуков... Так? А третьего ты не знаешь?

— Нет.

— Хорошо... Потом ты пошел на базар, купил, что нужно, и пришел в школу. Там стал играть и все проиграл. А с кем ты играл?

Мне сразу показалось, что впутывать в собственное несчастье товарища нечестно. При чем здесь Чеснык? Ведь я же сам клянчил у него в долг, чтобы отыгаться. При чем же он?

— Знаете что... ведь это же неважно, с кем я играл. Важно, что я проиграл.

Она улыбнулась и сказала:

— Пожалуй, так. Ну-с, пойдем дальше... Ты продал конденсатор и крышку, а коньки у тебя никто не хотел брать. Так?

— Так.

— А этот старик взял сразу?

— Ну-у, как сразу? Я попросил, он и взял.

— И сразу дал двадцать пять рублей?

— Сразу.

— И не прибавлял?

— Нет... Тут как раз вы подошли.

— Хорошо... Больше ты ничего не добавишь?

— Нет как будто... — пожал я плечами.

Она помолчала, и глаза у нее уже были не строгими, а скорее озабоченными.

— Ну что ж... — почему-то грустно сказала она. — Ты, пожалуй, можешь идти. Ведь я так и знала, что у тебя какая-нибудь беда. — Она помолчала и спросила: — А как же ты думаешь выпутываться? Ведь мать потребует сдачу.

— Да... Что-нибудь нужно придумывать.

Она как-то странно посмотрела на меня, потом сжала губы и решила:

— Да. Придется. Ты ведь будущий мужчина, да еще сын офицера, и тебе есть над чем подумать. — Она взяла ботинки с коньками и, передавая их мне, добавила: — В общем, выпутывайся, но только не таким путем.

— А каким же?

— Не знаю. Только не этим. Это самый простой и самый неудачный.

Мне не верилось, что я так легко отделался. Встал со стула, потоптался, не решаясь выйти из детской комнаты, и вспомнил о самом главном — попросил ее не рассказывать обо всем происшедшем матери и в школе.

Но она ответила честно:

— Не знаю... Может быть, и расскажу. Я тоже еще подумаю.

Дома было тихо и грустно. Щегол молчал, да и мне было не до него. Я собрал тетради, учебники, положил их в портфель и припелся в школу. Ни Женька, ни Рудик со мной не разговаривали. Зато Сашка сразу же пристал:

— Грóши принес?

— Нет.

— Почему?

Я разозлился и твердо ответил:

— А я тебе не обещался, что сразу принесу.

Сашка тревожно покрутился на парте и подозрительно спросил:

— А... когда же?

— Когда будут, тогда и отдам.

— Это нечестно, — сказал он. — Долги отдают сразу.

Учительница перебила наш разговор, а Рудка буркнул на весь класс:

— Смотрите-ка, лучшие друзья разговорились!

— Рыбак рыбака видит издалека, — ехидно добавил Женька, и все почему-то засмеялись.

А мне пришлось промолчать: не до этого было. Уроки я не готовил и больше всего боялся, что меня спросят. Но меня никто не спросил.

Когда я шел из школы, мне очень хотелось куда-нибудь удрать от неприятностей. Если б я даже захотел что-нибудь исправить, все равно ничего не получилось бы. Несчастья цеплялись одно за другое, как цепочка, и скрыться от них теперь не было никакой возможности. Лучше всего разрубить эту цепочку одним ударом. Вот почему я думал о Кавказе или о целине. На Кавказе всегда тепло и много фруктов — прожить можно спокойно. А на целине дорогá каждая пара рук. У меня руки крепкие: на турнике подтягиваюсь семь раз. Но я боялся одного: ведь я только пионер, а на целину уезжают комсомольцы. Приедешь — а тебе скажут:

мал еще. И знакомых нет. Вот если бы уехать на Дальний Восток... Там, на родном аэродроме, все меня знали. Там можно было бы здорово жить, а потом подрасти и стать летчиком. Но до Дальнего Востока очень далеко. Значит, нужно много денег на дорогу, а у меня их не было. И как их достать, я не мог придумать... И я тихонько плелся домой: ведь деваться мне было некуда. Уже перед самым домом я начал придумывать, что сказать матери, когда она все-таки попросит сдачу. Мне казалось это самым страшным.

Глава 7

КОНЕЦ ТРУДНОГО ДНЯ

Когда я пришел домой, мать сидела на диване и молчала. Глаза у нее были красные, волосы растрепаны. Первый раз она показалась мне не то что старой, а очень такой... взрослой. И руки у нее были усталые, как после самой большой стирки.

— Олег, — тихо сказала она, — меня вызывали в школу, и мне звонили из милиции. Мальчик мой, расскажи, что с тобой случилось?

Врать мне теперь было незачем: она ведь и так все знала. И я, не отходя от двери, точно мне было боязно проходить в комнату или я собирался сразу же уйти, рассказал ей все, не сказав только, что остался должен Чесныку, и стал ждать, что мама сделает — будет ругаться или сразу начнет бить. Я бы лично за такое дело выпорол.

Но мать не только не стала бить или ругать, но даже ничего не сказала. Она повалилась на подушку, и ее плечи задрожали. Я стоял на пороге как обалделый и молчал. А плечи у мамы вздрагивали все сильнее, и из подушки стали вырываться рыдания...

В общем, я не мог стоять на месте...

Уже потом она спрашивала меня:

— Ну, а больше ты ничего не натворил?

Я хотел сказать, что должен Чесныку, но промолчал: зачем огорчать ее еще раз? И так неприятностей больше, чем нужно, а

тут еще и сорок пять рублей платить. Я боялся, что мать пожалеет этих денег, пойдет к Чесныку, и тогда неприятностей только добавится. Я же помню, как в прошлом году, когда я выменял у соседского мальчишки карманный фонарь на рогатку, прибежала его мать, начала ругаться, да еще за уши стала хватать. Моя мать заставила меня отдать фонарь и хоть и разругалась с соседкой, но и меня отстегала ремнем. Раз у меня пропали и фонарь и рогатка, да еще меня же и выпороли, — я простить этого не мог. И, пока мы не переехали с той квартиры, я все равно лупцевал этого мальчишку.

Вот я и подумал: разве можно ручаться за взрослых, а тем более за мать? Мало ли что она может решить! А так все обошлось. Мать в конце концов простила меня. Важно, сказала она, чтобы это не повторялось и лишь бы я хорошо учился. Я дал слово, что это никогда не повторится и что учиться я буду без единой двойки.

Мы оба успокоились, и я уже сидел и обедал, а она молчала. Потом у нее ни с того ни с сего потекли слезы, она вдруг посмотрела на меня каким-то странным взглядом и вздохнула:

— Видно, тебе все-таки нужен отец!..

Вот так всегда! Всё как будто решили, до всего договорились, и я честно обещал исправиться, а она вдруг... Зачем мне нужен другой отец? У меня свой хороший был, и никакого другого мне не требуется.

Я бросил ложку, отвернулся и заплакал, даже не думая, что она может обидеться. Мы оба ревели вперегонки, а потом она стала целовать меня и обещать, что никакого другого отца у меня не будет.

Уже перед тем как лечь спать, когда мы оба опять успокоились и очень устали, мать положила на стол деньги, сказала, что нужно купить завтра, и напомнила о конопляном семени. Я промолчал и подумал: «Все-таки она у меня хорошая...»

А она задумчиво произнесла:

— Я вижу, Алик, что ты очень повзрослел и тебе нужно самому учиться следить за своими поступками. И, главное, оценивать их.

— Но, мама, я же просто забываю! — вырвалось у меня. — Понимаешь, мама, оцениваешь-оцениваешь, а потом как-то забываешь.

Я думал, что она начнет читать нотации, но она задумчиво

ответила:

— Да, я это знаю. Когда я была в твоём возрасте, то тоже очень часто забывала все, что делала. Забывала даже те честные-пречестные слова, которые давала своей матери. И что удивительно — все время как будто помнишь, а в самую нужную минуту забываешь.

— Вот-вот! И у меня тоже! — обрадовался я. — Когда это нужно вспомнить, обязательно забываешь. Почему это так, мам?

— Не знаю... — вздохнула она. — Но так бывает... И вот в пятом классе наш классный руководитель посоветовал мне завести дневник и записывать в него все свои поступки. А потом каждую неделю перечитывать и решать, что я сделала хорошо, а что плохо. Когда сдержала свое слово, а когда — нет.

— И это помогало?

— Да... В общем, помогало...

В эту минуту мне очень хотелось быть хорошим, всегда и везде сдерживать свое слово, поступать только правильно, и потому я спросил:

— Мам, а может быть, и мне завести дневник?

— Что ж... будем надеяться, что тебе это не помешает. Ты до сих пор не научился правильно излагать свои мысли. Верно?

Выходило, что я напросился на лишние уроки. Пришлось осторожненько выкручиваться.

— Да... верно, — кисло согласился я и добавил: — но у меня даже нет тетради. Настоящей. Общей.

Она почему-то усмехнулась, точно не поняла, что без общей тетради действительно нельзя вести никаких записей, и сказала:

— Хорошо. Вот завтра же и купи общую тетрадь.

Очень трудный день кончился довольно спокойно, и, уже засыпая, я подумал, что записывать все, что со мной произошло и произойдет, должно быть, интересно.

УДАР ЗА УДАРОМ

Утром, прежде чем умыться, я хотел почистить клетку щегла, а потом пойти на базар за кормом. Но корма уже не требовалось — щегол был мертв. Настроение у меня сразу испортилось, даже есть не хотелось.

За окном было пасмурно, с мокрых темных листьев падали тяжелые капли и пропадали в тумане. В комнате стояла такая тишина, что даже будильник начал стучать осторожней, глуше. Мне очень хотелось заплакать, но я сдержался. Слезами делу не поможешь.

Я достал самую красивую коробочку — из-под табака «Трубка мира», на которой нарисован индеец в боевом уборе из перьев, — положил в нее вату, а на вату — щегла, с опущенным на грудь клювом, с поджатыми лапками. Потом пошел во двор, вырыл под старым тополем ямку и опустил в нее коробку. Сверху положил большой камень — кусок бетона, но еще чего-то не хватало... Я перелез через забор в соседский сад, нарвал там цветов и положил их на камень. Стало как будто лучше.

Пока я возился во дворе, прошло много времени, и я еле успел купить общую тетрадь, но тут же решил: дневник вести не буду. Буду просто записывать что-нибудь интересное.

В классе со мной почти никто не разговаривал, и мне это даже понравилось. Пусть думают что хотят. Придет время, и они узнают меня по-настоящему и, может, даже пожалеют, что все так получилось. А если и не пожалеют — все равно пусть...

Но зато учителя были какие-то странные. Учительница истории спросила так, как спрашивают больного:

— Ты можешь отвечать, Громов?

Надька Сердюкова, черная, вертлявая и худая, тоненько пропищала:

— Смотрите, какие нежности...

Но я даже не посмотрел на нее, а только пожал плечами и начал отвечать. Правда, учительница несколько раз просила:

— Громче, Громов. Плохо слышно.

Но все равно отвечал я хорошо и если бы говорил громко, то,

наверное, получил бы пятерку. Но учительница сказала:

— Садись, Громов. Четыре!

И я даже не огорчился. В конце концов, какая разница четыре или пять? Не в том счастье... Разве дело только в отметках?

Домой я шел один.

Туман сгустился, ранние фонари были тусклыми, и стояла такая тишина, что слышалось падение капель с листьев, шаги невидимых людей. Желтые, мутные пятна освещенных окон медленно проплывали мимо... Я старался думать о себе, об отце, но думал об одном: почему Чеснык не пришел в школу?

Дома меня ждала неожиданность — в комнате сидел тот самый старик, который хотел купить у меня ботинки с коньками. От него все так же пахло табаком и водкой, и глаза у него слезились. Старик поднялся мне навстречу и растерянно, заискивающе улыбнулся. Мать смотрела то на старика, то на меня, и я не мог понять, чего она хочет.

— Деточка! — прошамкал старик. — Милая моя деточка! Пожалей ты старого человека... — Он начал вздыхать, тереть грязными морщинистыми кулаками слезящиеся, красные глаза и сюсюкать: — Пожалей, деточка, старого человека! Не сердись на меня.

Все еще ничего не понимая, я посмотрел на мать.

Она нахмурилась и, по-моему, не то что сердито, а как-то безразлично сказала:

— Видишь ли, Алик, этого гражданина вызывали в милицию и пообещали отдать под суд за то, что он скупает вещи у детей и вообще у несовершеннолетних. А он говорит, что он никогда ничего не покупал у детей и не собирается этого делать. Просто он пожалел тебя и решил тебе помочь.

Серые глаза матери были какие-то чужие и, пожалуй, даже злые. Мне стало не по себе.

— Так вот, Алик, — продолжала она, — мне очень важно знать всю правду. Понимаешь — только правду. Действительно ли он... решил купить у тебя ботинки с коньками только после того, как ты его упросил сделать это, или нет? И ты подумай как следует. От твоего ответа многое зависит. И прежде всего его судьба. — Она кивнула на старика.

Мне сразу стало жарко.

Конечно, тогда, на базаре, я был отчаянно рад, что старик согласился купить у меня коньки. Правда, я его не упрашивал, но, если бы он отказался взять, я бы, может быть, и стал упрашивать.

— Знаешь, мама, — сказал я, — это правда. Я просил, чтобы он купил ботинки с коньками.

— Вот спасибо тебе, деточка! — ободрился старик. Обернулся к матери и наставительно добавил: — Я же говорил вам, гражданочка...

— Хорошо... — Мать повела рукой так, словно отстраняла старика. — А ты, Алик, когда разговаривал с ним, жаловался, что у тебя нет отца и что мать у тебя больная?

— Не-ет... — От удивления у меня прямо-таки глаза на лоб полезли.

— Ну как же, деточка, — подался ко мне старик, — как же! Ведь ты так жалостно про маму говорил.

Меня словно подстегнули. Такое зло взяло, что даже пот выступил. Я вытер его и крикнул:

— Неправду вы говорите! Неправду! Я ничего не говорил о маме. Я когда вам дал коньки, вы посмотрели...

— Ну, бог с тобой, деточка, — смиренно перебил старик и весь сжался и сгорбился, — бог с тобой. Может, и в самом деле не говорил про мамочку. Стар уж я стал. Мог и спутать. Может, кто другой говорил. Может... Стар я... — Он вдруг наклонился ко мне и так ласковенько, присюсюкивая, заговорил: — А ты береги мамочку. Одна она у тебя — такая ласковая да пригожая. Учись, деточка, как следует, не огорчай мамочку!

Мне почему-то стыдно было смотреть на этого жалкого старика, зло исчезло, и я даже пожалел его.

Но мать рассердилась и строго сказала:

— Ну, это не ваше дело, какая я! Важно то, что он обо мне ничего не говорил и вас не упрашивал.

— Как же, гражданочка? — выпрямился старик, но сразу же сник. — Ведь он сам сказал только что... Ведь правильно, деточка? Ведь упрашивал?

В ту минуту мне уже и в самом деле показалось, что я его уговаривал, и я горячо сказал:

— Верно, мама! Я действительно просил его купить.

Но когда сказал, то сразу же пожалел об этом. Слишком уж

погорячился — как будто не старика защищал, а самого себя. Но мне все теперь было безразлично: как только достану деньги, уеду. И уже ничто меня не коснется. А старик, не теряя времени, обратился к матери:

— Ну вот! Сами видите. И не берите греха на душу, пожалейте старого человека. Вот и мальчик то же говорил.

И все мне опять стало так противно, что и сказать нельзя. Получалось, что я ходил по базару и всех упрашивал купить мои же вещи. Я не нищий! Но самое противное было в том, что теперь, когда я уже выручил старика, да еще и погорячился, деваться мне было некуда. Сам себя подвел. Потому я стоял, молчал и думал: «А, да все равно, все равно...»

— Достаточно! Идите! — сердито сказала мать старику, и тот нехотя, подозрительно посматривая на меня, вышел. Мать отвернулась и покачала головой:

— Ах, как все это нехорошо, Алик! Ужасно противно...

Чего уж тут хорошего... И, чтобы прикончить все плохое, я спросил:

— Мам, а его судить будут? И в тюрьму посадят?

— Да ну его! — отмахнулась мать. — Типичный спекулянт. Наверное, кулаком когда-нибудь был. Или лавочником. Я вот на тебя смотрю и не могу понять: неужели ты не можешь говорить правду?

Судя по материному тону, я догадался, что она готовится к долгой нотации. Ведь в прошлый раз все обошлось благополучно, но сейчас, раз есть причина, она обязательно должна воспользоваться ею. Я свою мать хорошо знаю. И, чтобы перебить ее и спутать, я улыбнулся и сказал:

— Ну, мам, какие ж могут быть кулаки или лавочники? Они же были еще при царе.

Она обернулась:

— Почему — при царе? Они были и при советской власти.

Тут уж я засмеялся без всякой задней мысли. В самом деле, при советской власти — кулаки и лавочники! Ведь всякий скажет, что этого не может быть. А мать даже не рассердилась. Она тоже засмеялась, потом посмотрела на меня, как на ненормального, и спросила:

— Послушай, а кто был Павлик Морозов?

— Как — кто? Пионер!

— А что с ним случилось?

— Его убили... — начал я решительно и сразу осекся.

— Ну-ну! Продолжай.

Я поперхнулся. Это было настоящим открытием, потому что мне всегда казалось, что при советской власти были только трудящиеся. А оказывается, были еще и кулаки и лавочники. И я совсем тихо продолжил:

— Павлика Морозова убили кулаки.

— Вот видишь! Ты пойми: кулаков и лавочников было очень много. Большинство из них стали честными советскими людьми, а некоторые так и остались в душе тем, чем были. Теперь они постарели, но душонка у них — прежняя. Понял?

— Понял...

— Ах, Алька, Алька! Когда ты поймешь, что жизнь гораздо сложнее, чем ты думаешь...

И зачем я только начинал этот разговор! А мать хоть и видела, что мне и так не по себе, но все равно безжалостно начала выпытывать:

— Ты все-таки скажи толком: упрасивал ты этого старика или нет?

— Ну, видишь ли, мам... я, конечно, не то чтобы просил его...

— А зачем же ты сказал, что упрасивал?

Выкручиваться и выпутываться я уже почему-то не мог и потому проямлил:

— Просто... просто мне его жалко стало...

— Жалко!.. — с отвращением сказала мать. — Ему жалко... Ах, Алька, Алька! Не знаю, чему вас в пионерском отряде учат? Такую дрянь жалеть! На мальчишках деньги зарабатывает. И на что? На водку! Ведь он и сюда пьяненький пришел. А ты — жалко! Нет, Олег, когда я была пионеркой, мы таких не жалели...

— Но, мам...

— Какие здесь могут быть «но»! — возмущенно воскликнула она. — Черт знает что творишь, жалеешь всяких грязненьких людей... — Она вдруг махнула рукой и очень жалобно сказала: — И когда ты хоть немного повзрослеешь?

Удивительный вопрос: неужели мне самому не хочется подрасти? Неужели мне приятно выслушивать всяческие морали?

Взрослые путают, а я отвечай только потому, что я еще не взрослый. Сама же всегда говорит: пожилых людей нужно уважать. А ведь это старик! Как его не пожалеть!

Но чем больше я себя злил и доказывал, что мать сама неправа, тем на душе становилось все противней. Получилось, что я, пионер, спасал от милиции подлого человека.

Глава 9

ИНОГО ВЫХОДА НЕТ

На следующий день я пришел в школу в самом отвратительном настроении. Я до того запутался в своих мыслях и рассуждениях, что даже уроки выучить не смог. Нужно было обязательно с кем-нибудь поговорить, поделиться, а у меня в этой школе не было ни одного настоящего товарища. В классе сидел Рудка Шабалин и читал.

Я боком подошел к нему и спросил, что он читает. Он не ответил.

— Слушай, мне нужно с тобой поговорить, — сказал я.

— Отстань! Мы думали, что ты настоящий парень, а ты...

Я не выдержал и крикнул:

— А что я такого сделал? Ну что? А?

Рудка удивленно посмотрел на меня и не очень решительно сказал:

— Ты сам знаешь...

— Ничего я не знаю!

— Ну тогда жди. Придут Сашка и Женька, и мы на перемене поговорим... — Он помялся и добавил: — Я и сам не всему верю, что про тебя болтают. Но раз мы так решили — значит, все. Жди переменку.

Я молча сел за свою парту.

Чеснык пришел за минуту перед началом урока, оттолкнул меня и молча пролез на свое место. Я как можно мягче и даже заботливей спросил, почему он не был вчера в школе, но Саша не ответил и поджал тонкие губы. У меня все еще было очень плохое настроение, и я несколько раз хотел заговорить с ним, но он не

отвечал и наконец прошипел:

— Отстань, стукач...

Это было совершенно непонятное слово, но что оно означает, я узнать не успел.

Учительница географии, наша классная руководительница Елена Ивановна, как всегда, грубовато и вместе с тем весело сказала:

— Ты что, Громов, и здесь свою историю с географией путаешь?

Пришлось промолчать, а Елена Ивановна, высокая и прямая, остановилась в проходе около нашей парты и, посмеиваясь, добавила:

— Свободный пересказ последних приключений хорош на переменке. А на уроке лучше заняться делом.

Сашка сразу же полез в портфель — видно, за учебником.

Елена Ивановна поправила сидящие пышные волосы и, все так же усмехаясь, погрозила пальцем:

— Ты тоже хорош, Петренко! Друзья какие... Мы еще поговорим, почему вы с уроков уходите.

По классу прошел веселый шумок. Слышно было, как потрескивали парты.

Вдруг Сашка вскочил и крикнул:

— Никакой я ему не друг! И сидеть я с ним не буду! Пересадите меня, Елена Ивановна. Не буду с ним сидеть! Не буду!

Он чуть не плакал, и голос у него взвизгивал.

Класс сидел не шелохнувшись. Только Надька Сердюкова тихонько, как комар, пискнула:

— Вот так товарищи...

И все сразу очень серьезно, даже испуганно посмотрели на нее, а потом на нас.

Елена Ивановна стояла все так же выпрямившись — строгая и красивая. Возле ее карих блестящих глаз то собирались, то распускались морщинки.

— Та-ак! Оказывается, и Саше Петренко могут мешать, — сказала она, уже не улыбаясь, и резко, требовательно решила: — А кому где сидеть, еще посмотрим! Продолжим урок.

И урок шел. Но что на нем было — не знаю. Я старался не смотреть на Сашку, но и слушать не мог. Был как больной. В висках стучали противные молоточки, и голова отяжелела.

И зачем только мать решила переезжать от бабушки? Ну и что ж, что комнатка тесная? Ведь мы-то в ней помещались? Зато какая отличная была старая школа, какие там настоящие ребята! Не то что эти... Только подойдешь к кому-нибудь — все либо нос задирают, либо просто уходят, как будто я прокаженный. Одна только Надькина соседка по парте — краснощекая девчонка с таким круглым лицом, что все называют ее Луной, смотрит на меня как-то жалостно. Но ведь не буду же я дружить с девчонками!

На третьем уроке я не выдержал и спросил у Саши:

— Чего ты на меня дуешься?

Он промолчал и отодвинулся подальше. Сидел он как-то странно, боком, и я впервые заметил, что его худенькое лицо заострилось, а под глазами залегли синяки. И веки были красные, припухшие.

— Ты думаешь, я тебе долг не отдам? Подожди только. Достану и отдам.

— Деньги я с тебя и так получу, — сказал Сашка сквозь зубы. — И за милицию получу.

— За какую милицию? — удивился я.

— Сам знаешь!

— Но я же ничего о тебе не говорил...

Как раз в эту минуту учитель засек наш разговор, и пришлось стоя выслушивать замечание.

А на переменке Чеснык подошел к Маркову и Шабалину и громко, чтобы я слышал, сказал:

— Ну, сил моих нет сидеть с этим стукачом!

Женька и Рудка переглянулись, и к ним сразу подошло еще несколько ребят.

— Он же в милицию на меня заявил, — пояснил Сашка. — Говорил, что я его в шайку втягиваю. А милиция отцу сообщила. — Сашка не договорил, лицо у него как-то странно скривилось — не то жалобно, не то победно. — А отец, когда домой вернулся, так мне дал, что я аж сидеть не могу...

Рудка посмотрел на него с явным уважением и деловито спросил:

— Ремнем?

— Ремнем — это б еще ничего: он широкий, плоский. А он

ремешком от рабочих брюк. Тоненький, засаленный... Как врежет, как врежет!

Жалобы на Сашкином лице уже не было. Он говорил так, словно ему было приятно вспоминать о порке, и, обернувшись ко мне, процедил:

— Это ж его счастье, что у него отца нет... А то б знал, как стучать на своих!

И все посмотрели на меня, как на очень счастливого человека: у меня нет отца, который бы меня порол. Только Женя нагнул курчавую голову и, глядя в пол, глухо спросил:

— А что? Ты его действительно втягивал?

— Я? — очень натурально удивился Чеснык, но глаза у него почему-то забежали. — Я втягивал? Ты что, с ума сошел...

— Нет, ты скажи, скажи! — вдруг сердито перебила его девчонка с круглым, как луна, лицом. — Ты скажи, а не ругайся.

— Вы у него сами спросите, втягивал я его или нет. Буду я с таким возиться... — сказал Чеснык, но вдруг как будто вспомнил что-то очень важное и неприятное и, обращаясь к Женьке и Рудке, добавил: — Ведь шайка, выходит, — это вы...

— Эх ты... — протянул Рудик и косо взглянул на меня.

Женя, наоборот, покосился на Чесныка, но ничего ему не сказал и вдруг спросил у меня:

— Значит, ты все-таки был в милиции?

Ни отвечать, ни просто говорить я не мог, потому что понимал — все оборачивается против меня. Я только кивнул головой, ушел в класс, сел опять на парту и стал думать об одном: каким образом милиция могла узнать, что я имел дело с Чесныком? Ведь когда мы играли — нас никто не видел; а в милиции я о нем ничего не говорил: не мог же я выдавать товарища! Но и сам Сашка не мог рассказать о самом себе. Он не из таких. Откуда же милиция узнала о нем? И при чем здесь шайка? Ни о какой шайке никто нигде не говорил. Не мог же Сашка все это выдумать!

Передо мной была тайна.

Начался урок ботаники, а я все думал и думал о своем и, конечно, когда меня вызвали, отвечать не мог. Весь класс весело смеялся, когда ехидный Альфред Петрович сказал:

— У Олега Громова образовалась пара прекрасных двоек... Интересно, о чем он будет думать в следующий раз?

Что ж, если честно признаться, о двойках, которых за эту неделю нахватал больше, чем за всю четверть в старой школе, я не думал. Мне было не до отметок. Я понял, что такое «стукач». Это значит — доносчик. Вот за кого меня принимают!

Я даже задрожал от злости, повернулся к Чесныку и, глядя прямо в его противные, зеленоватые глаза, скачал:

— Так и запомни: я из тебя все равно котлету сделаю!
Отбивную!

Он отвел глаза, но ответил спокойно:

— Видали мы таких...

— Вот тогда насмотришься! Кто на тебя стучал? Ну, кто?

— Сам знаешь! — уже не так уверенно, но все еще спокойно огрызнулся Сашка.

Говорили мы довольно громко, и ботаник, худой, со взъерошенными черными волосами, поправил на носу свои огромные очки и развел руками:

— Громов! Ты переходишь всякие границы! Это для тебя кончится очень плохо. Запомни!

— Ну и пусть! — почти крикнул я. — Другие эти границы перешли! И им — ничего!

Если бы Альфред Петрович сказал хотя бы одно слово, я, наверное, в эту же минуту стал бы бить Чесныка или начал бы кричать по-настоящему. Вообще натворил бы что-нибудь отчаянное. Но учитель посмотрел, посмотрел, опять поправил очки, молча развел руками и отвернулся.

Было тихо-тихо. Из-за классной двери донеслись звуки песни.

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи.
Вздымайся выше,
Наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!
Стучи! Стучи!

Это в зале шел урок пения.

Учитель опять покачал головой и как-то нерешительно сказал:

— Ну что ж... Давайте продолжим урок.

Никогда Альфред Петрович не казался мне таким длинным, худым и несуразным. Я ненавидел его, школу, Чесныка, ребят и

все на свете и уже точно знал: я сбегу на этой же неделе. Поеду на Дальний Восток и буду там работать и учиться.

По дороге домой я все продумал и решил, что бежать нужно не на поезде — там требуется много денег, — а на пароходе. Из нашего порта корабли уходят в Египет, в Индию, в Китай, а оттуда плывут прямо на Дальний Восток. Поступлю юнгой на пароход, буду работать и доеду. Конечно, это самое правильное решение.

Иного выхода у меня не было.

Когда я понял это, то почувствовал — все уже отрезано: и школа, и дом, и старые и новые товарищи. Понятно, что с таким настроением в школу идти не стоило, все равно ни к чему. И я на следующий день не пошел в школу, а разобрал дома все свое хозяйство: когда уеду, пусть не говорят, что я неорганизованный и неаккуратный.

Глава 10

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ ДЯДЯ МИША

Утром туман пропал. На светло-голубом небе сияло уже низкое, но все еще жаркое солнце. Все было почти как летом. И все-таки что-то не так. Только присматриваясь к окружающему, можно было понять, что, пока стоял туман, в город прокралась осень.

Деревья стали пестрыми и очень красивыми — желтыми, зелеными и золотыми. Воздух был прохладный и чистый, как будто его пропустили через фильтровальную бумагу. И было тихо.

Вначале я даже не понял почему, а потом понял: улетели ласточки и скворцы, не слышно было щеглиного и чижиного щебета. Зато появились синички. Они тихонько тенькали, и от этого теньканья тишина была полней.

Я вернулся со двора и застал дома бабушку. Она смотрела на меня с упреком, и я сразу понял, что мать, конечно, расплакалась и нажаловалась на меня. Бабушка вздыхала и упрекала маму за то, что мы уехали от нее на новую квартиру. Потом обе вместе начали растолковывать мне, какой я плохой. Слушать это всегда не очень приятно, а в то время, когда я уже все решил, было просто не нужно.

Я молчал и вздыхал, а как только они перестали говорить, взял обе клетки — и старую и новую — и пошел на базар. Покупатели находились, но я, видимо, слишком упорно торговался, и поэтому в конце концов клетки пришлось отдавать за полцены. В общем, это правильно говорят: никогда не нужно жадничать.

Начало было все-таки сделано — первые деньги лежали в кармане. И я пошел в порт. У пирса стоял отличный пароход «Антон Чехов». В него грузили всякие вещи. Я подошел поближе, но меня прогнал вахтер. Я зашел с другого края, но все равно и там был вахтер. Тут меня наметил какой-то моряк в пиджаке, надетом на тельняшку, и спросил, что я делаю. Я сказал, что просто смотрю, интересуюсь, как идет погрузка. Ну, разговорились: где учусь, да как, да не курю ли и все такое. Я взял и спросил у него напрямик: как поступить юнгой на пароход? Может быть, другому я бы и не задал такого вопроса, но этот моряк мне очень понравился: загорелый, здоровый и на руках татуировка — звезда и сердце. А на пальцах год рождения и его имя — Миша. И главное, у него глаза очень такие... пронзительные, светлые, прямо в душу заглядывают.

Моряк этот — дядя Миша — подумал немного и спрашивает:

— А что ты умеешь делать?

— Как — что? Все, что скажут...

— Так... Ну, вот я, например, механик и прикажу тебе смазать машину. Ты сможешь?

— Ну... если покажут, так смогу.

— Понятно. Значит, машины ты не знаешь. А слесарить или плотничать умеешь?

— А... разве на пароходе это нужно?

— Чудак человек! — засмеялся дядя Миша. — Пароход — это вроде электростанции или даже целого завода. На нем такие сложные машины, а ты хочешь, чтобы не было мастерской! Ведь большая половина моряков — это народ мастеровой.

Дядя Миша закурил и продолжил невеселый разговор:

— Значит, ты не слесарь и не плотник. В общем, в машинном отделении тебе делать нечего. Посмотрим, чем ты будешь полезен на палубе. Канаты счаливать умеешь? Красить — ну, малярить? Палубу драить?.. Ну, вот видишь — ничего не умеешь. Это, брат, даже странно: такой большой парень, а ничего не умеешь! Эх, ты!

— А слесарить или плотничать умеешь?

Я, должно быть, здорово покраснел, но кто же мог ожидать, что и для юнги требуется какая-нибудь специальность! Чтобы ответить хоть что-нибудь, я пробормотал:

— Нет, почему же... Я дома картошку чищу, подметаю. Вообще кое-что делаю... Посуду мыть умею...

— Ага! Значит, хочешь в камбуз определиться? — с хитрой улыбкой спросил дядя Миша.

— Можно и к коку в помощники, — растерянно согласился я и подумал: лишь бы добраться до Владивостока, а там видно будет.

— Повару в помощники? — удивился дядя Миша. — Но вот беда: у нас, на торговых кораблях, и коки, и их помощники, и официантки — все больше женщины. Они, брат, это дело очень хорошо знают и со своей задачей справляются. Правда, в военном флоте или, к примеру, в экспедиционном — там, конечно, такую работу и мужчины выполняют. Но ведь тебе в торговый флот нужно?

Я уже понял, что на пароход меня никто не возьмет. И в самом деле, кому нужен бесплатный пассажир, который ничего не умеет делать? Настроение у меня испортилось. А дядя Миша так спокойно и даже ласково начал расспрашивать, зачем и почему я решил наниматься на пароход. Ну конечно, если бы я не был так расстроен, то, может быть, сказал бы и не все, а тут взял и рассказал, в чем дело: и о проигрыше, и о милиции, и о делах в классе — хотелось хоть с кем-нибудь поделиться. А дядя Миша не перебивал, не смеялся надо мной, а слушал так внимательно, что хотелось говорить еще и еще. Выслушав, он не стал удивляться, а только поинтересовался, зачем мне обязательно нужно сбегать из дома и обязательно на Дальний Восток.

Тогда я стал рассказывать об отце: о том, какой случай произошел на аэродроме, и о том, как мужественно вел себя отец и как он погиб.

Дядя Миша вздохнул, отвернулся и долго задумчиво смотрел в море. А уже потом положил мне свою разрисованную руку на плечо и спросил:

— Выходит, сирота?

— Нет, зачем же... У меня мать есть.

Мы опять замолкли.

На пирсе грохотали краны, с шипом катились груженные

электровозы и автопогрузчики. Рабочие протяжно покрикивали: «Вира!», «Майна!» Море лениво плескалось о борт «Антон Чехова». Оно было особенно чистое, широкое и будто выпуклое. И пахло свежо и крепко.

Эта чистая даль, этот могучий запах и уже прохладное, но все еще яркое солнце — все-все почему-то мешало говорить. Хотелось думать о чем-нибудь большом, сильном, о таком, от чего в обычное время захватывает дух.

— Замуж она не вышла, мать-то?

— А зачем? — спокойно и даже грустно спросил я.

— То есть как — зачем? — удивился и даже растерялся дядя Миша. — Чтобы у тебя, значит, отец был. Батька.

У меня почему-то сжалось сердце, и я чуть отодвинулся от моряка, но он удержал меня своей сильной, тяжелой рукой и тихо спросил:

— А он у тебя кто ж был, отец-то?

— Старший техник-лейтенант.

— Работяга, значит, вроде нас.

— Нет, зачем же... — как можно вежливей сказал я, стараясь освободиться от его руки. — Он был офицер.

— Чудак ты, брат, как я на тебя посмотрю, — невесело усмехнулся дядя Миша. — А офицер, а тем более техник или инженер, — это, по-твоему, не работяга? Вот погоди, вырастешь — тогда узнаешь, что нигде так много и так хорошо не работают, как в армии. — Он опять вздохнул: — Я вот тоже техником-лейтенантом был. На торпедных катерах ходил. — И уже грустно и сердито закончил: — А теперь вот на этой посудине болтаюсь!

Он отвернулся и опять стал смотреть в море. Солнце прочертило на нем ослепительную дорожку. Она убегала далеко-далеко — наверное, к самому Керченскому проливу и еще дальше: к Босфору и Суэцу... Мимо проплывут зеленые берега неизвестных стран, встречные корабли, возвращающиеся в родные места, острова и рифы. А дорожка поведет все дальше и дальше, в океанские просторы, к самому Владивостоку.

По этой блестящей солнечными бликами дорожке уйдут другие пароходы. И уйдут без меня...

— Вы говорите, что мне на кухне делать будет нечего. А вот Горький, когда был такой, как я, или, может, чуть старше, плавал

посудником. Вот и я сплавал бы... Мне бы только добраться...

Дядя Миша вдруг сжал меня своей огромной ручищей так, что у меня в плече что-то хрустнуло, притянул к себе и сказал:

— Чудак ты, брат! То в царское время было. И потом, не всякий мальчишка может быть Горьким.

— А я и не собираюсь быть обязательно Горьким, — поморщился я.

Он удивленно покосился на меня, снял свою ручищу с плеча и сказал:

— Ну вот что... Дело у тебя, вижу, серьезное. Пойдем-ка мы его и обсудим серьезно. Ты пиво пьешь?

— Нет... — ответил я смущенно. Мне почему-то показалось, что это мой большой недостаток.

— Ну и правильно делаешь. Горькое оно, а толку большого в нем нет. Так что и не привыкай. Из-за него иной раз много неприятностей бывает. Да...

Он говорил, а сам, слегка раскачиваясь, шагал к буфету.

Мы сели за столик, и дядя Миша заказал официантке бутылку сидро, пива и водки.

«Придется платить, — с горечью подумал я. — От клеточных денег отрывать не хочется, а придется...»

Дядя Миша налил мне в стакан сидро, а сам выпил водку и запил ее пивом.

— Пей.

Я выпил сидро. Он налил мне еще стакан.

— А теперь рассказывай, как мужчина мужчине: соврал ты или не соврал, что из-за своего проигрыша решил ехать к отцу на могилу?

В десятый раз я убедился, что, когда со взрослыми говоришь серьезно, они не верят или смеются. А когда начинаешь выдумывать такое, что им нравится, они верят. Теперь мне уже не хотелось говорить моряку всю правду, и я стал что-то мямлить. Дядя Миша рассердился, легонько стукнул ладонью о стол и сказал:

— Ты не крути! Ведь я все вижу! — И добавил мягче: — Рассказывай, рассказывай. В жизни всякое бывает.

Он смотрел на меня своими острыми, пронзительными глазами так пристально, что я, чтобы отделаться от него, нехотя повторил

свой рассказ. Но дядя Миша стал выпытывать подробности, а потом в сердцах заметил:

— Паразит этот твой Чеснык — вот что! Разве ж это по-честному — подпиленным пятакон крутить? Это, брат, никуда не годится.

Он сказал это так искренне и прямо, что я совсем разоткровенничался. Дядя Миша слушал, вертел пустую кружку из-под пива и вздыхал. Когда я рассказал о том, как мать решила, что мне нужен отец, а я заплакал, моряк резко потер руками лицо и, скрипнув зубами, крикнул официантке:

— Принесите-ка еще сто граммов и пива!

Я настороженно замолк. Дядя Миша даже не заметил этого. Он смотрел в море, и его загорелое, мужественное лицо стало таким, словно он неожиданно заболел.

Мы долго молчали, и он наконец задумчиво сказал:

— Матери твоей, должно быть, трудно.

— А чего ей трудно? — удивился я. — Ведь я же ей всегда помогаю.

— Да уж... помощник...

Подошла официантка и, поставив пиво и водку на стол, подозрительно покосилась на меня. Она, наверное, решила, что я тоже буду пить водку. Я смутился, взглянул на дядю Мишу.

Он удивительно изменился. Такие красивые, острые глаза вдруг помутнели и показались мне блеклыми жестянками. Загорелое открытое лицо покрылось багровыми пятнами, а нос налился кровью и навис над противно слюнявыми губами.

«Один хороший человек повстречался, — подумал я, — и тот пьяница».

Дядя Миша поймал мой взгляд, взял стакан с водкой и упрямо спросил:

— Ты чего, брат, смотришь так? А? Не узнаешь?

Он был таким жалким и печальным, а сам я таким одиноким и даже слабым, что я невольно крикнул:

— Не пейте больше, дядя Миша! Не нужно...

Он удивленно посмотрел на меня, и багровые пятна на его лице стали сливаться. Глаза сверкнули тускло и недобро.

«Сейчас драться начнет», — подумал я и стал тихонько подниматься. Дядя Миша схватил меня за плечи своими

железными руками и придавил так, что подо мной, кажется, пискнул стул.

— Ты что ж, брат, удирать собрался? Не нужно. Я маленьких не обижаю... — Он задумался, отпустил мои плечи и печально повторил: — Не обижаю.

Но я на всякий случай встал из-за стола и опять попросил его:

— Не пейте, дядя Миша! Не надо...

Он молчал, и мне показалось, что у него на глазах блеснули слезы. Это было просто удивительно: такой большой, татуированный моряк — и вдруг почти плачет!

Дядя Миша наконец поднял голову, грустно усмехнулся и спросил:

— Значит, считаешь, что пить мне больше не следует? Так, брат?

— Так... — Меня начинала бить мелкая дрожь.

— Ну что ж... Есть не пить, как говорят на флоте.

Он встал из-за стола, подошел к перильцам, которые окружали площадку возле буфета, и выплеснул водку в море. Потом вернулся, посмотрел на пиво и тоже выплеснул его в море.

— Ладно, — сказал он, усаживаясь за стол. — Поговорим, как мужчина с мужчиной. Вот, сам видишь, я твою просьбу выполнил. Пить... не выпил. Ну и ты мою просьбу выполни.

— Какую? — спросил я и сел.

— А вот какую. Навигация, брат, кончается. Сделаем мы еще одну ходку — и в затон. Потому я тебя прошу: до весны, до новой навигации, ты никуда не рыпайся. Дело это безнадежное. Понял? А весной, если у тебя положение не изменится, я тебе помогу. Вот так! Понял, брат?

— Понял...

Дядя Миша был прав: зимой наше Азовское море покрывается льдом, и из него на пароходе не выберешься.

— Ну вот. Потом слушай. Я тебе сейчас помочь не смогу — прогулял все на свете. А как только придем из плавания, а может, и раньше, я кое-что сделаю... Тебя как зовут? — уточнил еще раз дядя Миша.

— Олег Громов.

— А в какой школе ты учишься?

— Во второй.

— А в классе?

— В шестом «А».

Дядя Миша вынул блокнот и записал все, что я сказал.

— Ну вот, Олег Громов. Главное, будь мужчиной. Не пасуй перед трудностями. Мне вот тоже, знаешь, как хотелось выпить, — не выпил, раз ты меня попросил. Я, брат, был военным моряком, а теперь на «торгаше» плаваю. Тяжело, а что поделаешь? Ну вот, давай пять! — Он протянул мне свою огромную руку. — И дай честное слово, что до новой навигации с якоря не снимешься.

Я дал ему свою руку, но подумал, что на Дальний Восток можно проехать и поездом. Значит, обещая дяде Мише не сниматься с якоря, я, в случае чего, его не обману...

Так мы и расстались. Мне было не по себе и почему-то жалко дядю Мишу.

Я думал о нем очень долго и дома совсем не слушал мать, когда она ругалась за то, что я по целым дням пропадаю неизвестно где.

Глава 11

ДО ЧЕГО ДОВЕЛИ ЧЕЛОВЕКА

Утром, когда я еще лежал в постели, мать сказала, что на базар и в магазины я больше ходить не буду.

— Бабушка все купит. А ты только учись.

— Но мне же базар не мешает учиться? — покраснел я.

Мать почему-то тоже смутилась:

— Вообще мне не хочется, чтобы ты имел дело с деньгами...

Тогда я понял: это все бабушка! В тот момент я очень рассердился на нее. Тут дело не в том, что она как будто отгадала мой план — при покупке продуктов брать всего на сто граммов меньше, чем нужно, а сэкономленные таким образом деньги откладывать на дорогу, — нет, меня просто оскорбило, что мне не доверяют. Я так и ответил матери.

Она крепко сжала руки, долго думала и решила:

— Ты, пожалуй, прав... Я всегда верила тебе, и мне хочется надеяться, что ты меня не обманешь.

Она сказала это так, что у меня даже глаза защипало, но я

сдержался.

Когда она ушла, я встал с очень суровым настроением, сразу же пошел на базар и купил все, что было заказано. Сдачу с собой решил не брать — подсчитал все затраты, написал их на бумажке и оставил счет вместе с деньгами на столе. Обманывать мать я больше не мог.

Потому что я все сделал быстро и точно, времени у меня оказалось много, и я спокойно выучил уроки и пошел в школу.

Неподалеку от манежа, из ворот совсем чужого дома, вышел Чеснык и с ним еще двое ребят. Я сделал вид, что не заметил эту троицу, и хотел было пройти мимо. Но Чеснык шагнул вперед, загородил дорогу и, не вынимая рук из карманов, процедил сквозь зубы:

— Не спеши. Поговорить нужно.

Я хотел его обойти, но его товарищи молча придвинулись ко мне с двух сторон. Сашка небрежно подтянул штаны, сплюнул прямо мне под ноги и, не поднимая по-птичьему склоненной набок головы, предложил:

— Гони долг!

Деваться было некуда. Сашкины товарищи были гораздо здоровее меня и держались так уверенно, что у меня сразу пересохло во рту. И все-таки я ответил очень спокойно:

— У меня сейчас нет...

— Гони, гони, парень! — сказал один из его друзей, широкоплечий, с челочкой на лбу. — А то мы сами с тебя получим.

Я внимательно посмотрел на них. Этого широкоплечего я никогда не видел, а второго, слегка рябоватого, с узкими и веселыми глазами на загорелом лице, как будто бы где-то встречал, но где и когда — вспомнить не мог.

— Но у меня нет денег, — повторил я, сжимая в кармане вырученные за клетки три пятерки.

Незнакомые ребята переглянулись и все с тем же недобрым спокойствием посмотрели на Чесныка. Он поймал их взгляд, съежился, присел и испуганно взглянул на меня. На его худеньком лице выступил пот. Я ничего не понимал и смотрел на Сашку во все глаза. А он вдруг зажмурился, размахнулся и смазал меня по скуле. Этого я, конечно, не ожидал, пошатнулся и крикнул:

— А-а! Так вас трое!

— На тебя и одного хватит, — засмеялся парень с челочкой и схватил меня за ту руку, которая сжимала деньги.

Я попытался вырваться, но ведь их трое: забрали пятнадцать рублей и пошли, но не в школу, а в переулок. Широкоплечий с челочкой шел в середине. Он небрежно отдал рябому пятерку и сказал:

— Тебе хватит, Гринь.

— А мне? — робко спросил Саша.

— Подождешь, — ответил широкоплечий.

Они еще о чем-то говорили, но я уже не слышал. Я просто злился, клялся отомстить, но сам понимал, что это невозможно. Лицо горело, особенно левая скула. Я потирал щеки и медленно шел к школе. Меня окликнули, и широкоплечий предупредил:

— Смотри, парень, плати без задержек! А то еще не так схлопочешь.

Что я мог сделать — ведь их трое! Скрипнул зубами от злости и пошел своей дорогой.

В классе все смотрели на меня, как на чужака. Ну и я старался ни на кого не обращать внимания. Да и стыдно было взглянуть на ребят — щеки все еще горели. И вдруг ко мне подошел Женья и спросил, почему я не был в школе в субботу.

— Не был, и все! Тебе какое дело?

— Нет, ты скажи! — упрямо наклонив голову, пристал Марков, и это спокойное упрямство показалось мне еще неприятней, чем насмешливая снисходительность широкоплечего парня.

— Болел... — едва сдерживаясь, буркнул я.

— Тогда давай справку.

— У меня отца нет, а мать не доктор, — сказал я. — Справок мне писать некому.

Женька побледнел, сжал кулаки и, напирая на меня грудью, крикнул:

— Нет, ты принесешь справку! Иначе мы тебя разберем еще не так. Нам надоели твои художества!

Стало почему-то смешно — неужели и этот полезет в драку? Но ведь он — один. И в этом случае я, конечно, не смолчу. Поэтому я спросил у него почти весело:

— А чего ты пристал, интересно? Ты-то кто такой?

— Я — кто? Я — староста! Вот я и требую.

Когда же это он заделался старостой? Как с уроков смываться, так он смывается, а тут — староста...

Вокруг нас уже собрались ребята и подтвердили, что Марков действительно выбран старостой: в субботу было классное собрание. Уже потом, на перемене, ко мне подошла Луна и рассказала, что на собрании меня ругали и требовали, чтобы меня призвали к порядку. Больше всех кричали Марков и Чеснык.

— А я, дура, — сказала Луна и покраснела, — возьми и крикни: ну раз Марков такой умный, пусть он и будет старостой. А ребята взяли и согласились.

В общем, все это было мне безразлично. Но все-таки неприятно... Подумать только, до чего довели — с одной девчонкой и поговорить могу! И то с такой, которая сама себя называет дурой.

Глава 12

ТОВАРИЩИ ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ

Как ни прикидывай, а получалось, что, прежде чем двинуться в путь, нужно рассчитаться с прошлыми грехами. Будет нехорошо, если я оставлю после себя плохую память. Прежде всего вернул Чесныку шесть рублей, те, что мать дала на завтраки. Он взял и даже глазом не моргнул: сидит рядом на парте так, словно меня и не существует. Ну раз он так, значит, и я так же. Все равно в классе ко мне никто не подходит и я ни к кому. Только Луна угощает пирожками, и я покорно ем...

На дворе опять сыро и холодно, а в школе еще не топят. На перемене ребята начали играть в «конницу». Разделились на пары, и один другому сел на шею, а потом устроили «рубку лозы» — стали толкаться так, чтобы сбить противника. Сначала «рубили лозу» своим классом, а потом пошли в атаку на шестой «Б». Конечно, у меня пары не было, и мы стояли с Луной и смотрели. Вот из-за чего плохо дружить с девчонками — с ними никогда как следует не поиграешь. Не сядешь ведь, например, на Луну верхом?

В самый разгар «рубки лозы» в коридор пришла Елена Ивановна и сразу же разогнала «конников». На уроке она начала

ругать весь класс, а потом вдруг говорит:

— Вот вы на собрании жаловались на Громова. А ведь только он не хулиганил сегодня.

И зачем она сказала это! Ведь никто же не хулиганил. Просто играли. И потом, не очень-то приятно, когда ты или хуже, или лучше всех, а тут даже не разберешь — хорошо я поступил или плохо. Пока я думал и краснел, Чеснык крикнул:

— Так это его в милиции научили!

Все захохотали, и тут я не выдержал. Такое зло взяло и на Елену Ивановну и на Чесныка, что я встал и сказал:

— Знаешь что, Петренко, за такие слова ты хоть сейчас, хоть после уроков можешь получить по скуле. Понял? Даже если ты опять с двумя придешь!

Тут Елена Ивановна быстро взглянула на Рудика и Женьку, а потом на Чесныка.

А я добавил:

— И вообще, Елена Ивановна, пересадите меня. Не хочу я с этим типом сидеть, и он сам знает почему.

Елена Ивановна поправила пышные седеющие волосы, выпрямилась и очень многозначительно сказала:

— Хорошо... Мне начинает казаться, что здесь дело гораздо сложнее, чем думают многие.

Она прошла по классу, словно изучая притихших, молчаливых учеников. Ребята смотрели на нее и на меня во все глаза. Но мы оба молчали, точно ожидая чего-то необыкновенного. Елена Ивановна подошла к нашей парте, положила мне руку на плечо и, заглядывая в глаза, спросила:

— Ты больше ничего не хочешь сказать?

Не стану же я рассказывать о встрече у переулка! Это Чеснык может ябедничать и выворачиваться, а я никогда не был и не буду «стукачом». Надо самому научиться переносить трудности.

— Нет, Елена Ивановна, — ответил я, — ничего не хочу. Только пересадите меня.

Она легонько потрепала меня по плечу и неожиданно задумчиво и мягко решила:

— Ну что ж... Ты все-таки молодец.

По классу прошел едва слышный шумок, и тут только я заметил, что за окнами, сквозь низкие, холодные тучи,

пробивается солнце.

На следующем уроке меня посадили с Надькой Сердюковой, а Луну пересадили на мое место, к Чесныку.

На перемене, едва я успел перенести свои учебники на новую парту, ко мне подошли Женька и Рудка и чуть не полезли в драку.

— Ты на нас намекаешь? Да? Так, если хочешь знать, каждый из нас с тобой в одиночку справится! Нам незачем втроем ходить. Подумаешь, Спартак какой выискался!

У нас по истории как раз начали проходить Спартака.

— На вас я не намекал, а у Чесныка можете спросить, с кем он ходит.

Ребята не поверили и опять стали наскакивать на меня. Но тут к нам подошел Шура Нецветайло, самый здоровый и самый спокойный парень в нашем классе, и говорит:

— Ладно! Хватит! Что-то вы одни болтаете, а Громов молчит. Нужно и его послушать.

— Мы не болтаем! — возмутился Женька. — Вы сами слышали, что он сказал.

— Ну, он же не про вас сказал? Вы же втроем на него не налетали?

Женя смутился, а тут еще вмешался Шурин товарищ — Юра Грабин:

— И вообще что-то непонятное получается: с уроков вместе сбегаете, а теперь все на него нападаете. А он, по-моему, смелый парень.

Тут, конечно, и Луна что-то пищала, но я не слушал.

Рудик, как всегда, мрачно замолк, а Женя начал кипятиться и доказывать, какой я плохой товарищ и ученик, но Шура Нецветайло резко перебил его:

— Хватит! Будете к нему лезть — встретитесь с нами! Верно, Юра?

— Как в аптеке на весах, — улыбнулся Грабин так весело и ясно, что даже мрачный Рудик усмехнулся. — И по шее и по носу схлопочете! — добавил он.

Тут уж не выдержали и мы с Нецветайло — засмеялись. А Луна просто заливается. Женька так растерялся, что даже не нашел, что ответить.

В общем, из школы мы шли втроем — я, Юра и Шура, и вдруг

они мне сказали, что теперь у нас будет труд и нужно обязательно сшить халаты или передники.

— Когда это сказали? — удивился я.

— А вот в субботу, когда ты не был на собрании.

— А какой будет труд?

— Всякий: и в кузнице, и в слесарной, и в столярной мастерской.

— А где же они у нас?

— Во флигеле. В том, что ремонтировали.

Как же это я раньше не узнал, что делается во флигеле?

Вспомнились рабочие — плотники в спецовках, которые сгоняли меня и Чесныка с досок, и их замечание, что нас, дескать, мастерская не интересует.

Я нерешительно протянул:

— Фартуки в самом деле будут нужны... А то гимнастерку вымажешь.

Юра сердито махнул рукой:

— Вот еще! Буду я, как девчонка, в передничке ходить! Я даже матери не говорил.

— Я сказал, — вздохнул Шура, — а она как закричит: «На вас не напасешься! То форма им нужна, то лыжные штаны, а теперь еще и халаты». Ну, верно, нас же пятеро. Если на всех халаты — матери, конечно, нелегко.

Я тоже решил не говорить матери про халат. И так у нее из-за меня расходы прибавились.

Но вечером я почему-то вспомнил дядю Мишу, свое безвыходное положение и подумал, что напрасно все-таки нас до сих пор не учили никакому ремеслу. Оно всегда может пригодиться в трудную минуту. Ведь умей я хотя бы малярить — может быть, меня бы взяли на пароход. И я сразу же подумал, что если подучусь немного в школе, то, может быть, и смогу устроиться на пароход, и тогда мне не потребуются деньги на дорогу.

Но мысли эти быстро прошли. Первый раз за все это время мне показалось, что жизнь не так уж плоха. Вот и у меня нашлись товарищи, которые не побоялись вступить за меня в трудную минуту.

УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Все-таки это очень хорошо, когда рядом товарищи. Юра Грабин, оказывается, почти отличник. Но он не задается. Он сам предложил мне позаниматься. А то ведь я за эти дни отстал. Правда, для скромности он сказал, что это ему Елена Ивановна велела, но ведь я-то понимаю, в чем дело, — просто не хотел набиваться. Дела, в общем, пошли на лад. Получил пятерку по истории. Ну, историю я всегда учил, как и географию. Юра погонял меня по алгебре, и я заработал четверку. После того как Грабин и Нецветаило стали мне товарищами, весь класс как-то изменился.

Дело в том, что Луна непрерывно смеется над Чесныком, а когда тот начинает драться, она лупит его портфелем, линейкой, царапается и кричит:

— Староста! Марков! Я тебя выдвигала! Наведи порядок.

Женька шипит на Петренко, но тот на него не обращает внимания. Он вообще странный. С Марковым они, конечно, дружить не смогут. Женька ни за что не простит ему «сухари», а больше Чесныком никто особенно не интересуется.

Он то требует с меня долг, то заговаривает. А я молчу. Такие товарищи мне ни к чему. У меня нашлись и получше.

Мы, признаться, побаивались первого урока труда — я даже чуть не попросил мать сшить мне фартук или халат, но все-таки сдержался. Раз все решили обходиться без спецовок — значит, всё! И вообще нужно еще проверить, что это такое — труд. Ребята-семиклассники, которые уже занимались в мастерских, отвечают нам как-то неопределенно:

— А вот посмóтрите — не возрадуетесь.

— Да нет. Это все-таки интересно.

— Верно! Особенно в столярной.

— В слесарной лучше. Там инструктор законный.

Но никто не говорил о кузнице. А мы должны были идти в кузницу.

Вдруг выяснилось: Марков болен и притащил справку, что у него растяжение какого-то там не то сустава, не то сухожилия. Староста называется... Сердюкова тоже принесла справку, что она

плохо упитанная и ей вредно заниматься трудом. И еще набралось человек пять. Ходят сторонкой, в глаза не смотрят. Вот не понимаю: еще не знают, что будет, а уже ловчат, уже отлынивают. Ну конечно, совесть у них не чиста, вот они глаза и прячут, Мы с Юрой и Шурой от души поиздевались над ними, а потом с классом пошли в кузню. Она, оказывается, тоже помещается во флигеле, только в самом его конце. Помнится, когда я первый раз пришел в эту школу, там был сарай.

Шли весело, а когда вошли в кузницу — стало как-то страшно. Пол земляной, стены хоть и побеленные, а уже в копоти. Под самым потолком — крохотная лампочка. Тут же два горна. Один у стены — видно, старинный — постоянный, и возле него большой кожаный мех. А другой, переносной, — посредине. Возле каждого горна по две наковальни и на таких подставочках всякие инструменты: щипцы, молотки и кувалды. Кувалды — это такие очень большие молоты. Наверное, по пуду весом.

А пахло в кузне серой и железом. Нас встретил инструктор — высокий, жилистый, с сивыми усами. Он покачал головой и вздохнул так, словно сам не верил, что из нас что-нибудь получится.

— Ну, так вот, значит... — сказал инструктор. — Зовут меня Иван Харитонович, а учить я вас буду на ковалей... на кузнецов, значит. Вам это как? Нравится?

Мы все молчали. Конечно, когда на уроке пения мы лихо кричали:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи, —

все казалось не страшным и даже нравилось ковать ключи счастья...

Инструктор вздохнул еще раз и стал качать ногой маленький горн. Примусной горелкой загудело синеватое пламя, запахло мелким курным углем. Ни на кого не глядя, Иван Харитонович взял молоток и железный прут.

— Ну вот. Это, значит, горно, — сказал он. — Малое. Переносное... А это, значит, молоток. Кузнечный. Малый. — Он покачал молотком и дал нам потрогать его. — А это, — он показал на прут, — выходит, железо. То есть, говоря по-научному,

материал. А по-нашему — прут. Железный, значит, прут. И вот с него нам нужно соорудить кочергу. Отковать, значит. Знаете, что такое кочерга? Вот... Вот мы их и наделаем. А зараз посуньтесь немного, я вам все это покажу.

Мы подвинулись. Иван Харитонович сунул прут в переносный горн, щипцами подгреб уголь. Мы робко смотрели на голубоватое пламя, на инструктора и глупо улыбались: ничего особенного, ничего интересного. Вдруг Иван Харитонович как-то подобрался, с его худого лица сошло выражение неверия и скуки. Оно сразу стало красивым и молодым. Он выхватил раскаленный, брызжащий искорками прут и весело, задористо крикнул:

— Посунься!

Мы шарахнулись к стенам. Загрохотали железки — кто-то шлепнулся на кучу лома.

Инструктор шмякнул прут о наковальню, и во все стороны полетела алая окалина. Глухо, будто по крутому тесту, застучал молоток. Мы смотрели на раскаленный конец прута, но видели почему-то всего инструктора — его радостное и в то же время ожесточенное лицо, мускулистые, в черных волосиках руки, ловкую, сильную фигуру, замечали каждое его движение — расчетливое и удивительно красивое.

Иван Харитонович резко обернулся, сунул прут в черную воду, выхватил его оттуда, и мы увидели парующую, сизую, пахнущую чем-то кислым, но все-таки настоящую кочергу.

Мы не выдержали: мальчишки заорали, а девчонки пронзительно завизжали. Ведь на наших глазах случилось настоящее, без всякой подделки чудо. Только что, минуту назад, был прут, или, по-научному говоря, материал, и вдруг — кочерга!

Инструктор довольно посмеивался и уже не казался скучным. Оказывается, он был довольно симпатичным и, уж конечно, самым сильным человеком.

— Ну, не верезжить... Це ж только полдела. Зараз мы ей ручку приляпаем. Будет, значит, форменная кочерга.

Он разогрел другой конец прута и несколькими точными ударами сделал на нем кольцо-рукоятку. Кочерга стала форменной и пошла по рукам. Инструктор с добродушной гордостью следил за нами, а потом сказал:

— А теперича, хлопчики, кто хочет, значит, стать к наковальне?

Тут поднялось столпотворение. Все кричали, толкались и хватались за инструмент. Я сразу понял, в чем дело, и бросился к самой крайней, стоящей у постоянного горна наковальне и захватил место. Рядом пристроился было Чеснык, но его немедленно оттолкнула Луна. Чеснык хоть и покричал, но уступил: все-таки он ее побаивался. Остальные ребята вначале топтались у наковальни, что стояла у переносного горна. Иван Харитонович еле навел там порядок и выбрал первых кузнецов. Потом перешел к нам, увидел Луну, и лицо у него стало грустным. Он почесал затылок и сказал:

— Не девочье, не девочье это дело. Придется тебе отдать молоток.

Луна чуть не заплакала, но молоток отдала. Его сейчас же подхватил Чеснык, но Иван Харитонович отстранил и его:

— Хлипковатый ты парень. погоди. В другую очередь пойдешь.

Потом дошло дело и до меня. Иван Харитонович посмотрел так, что у меня аж под ложечкой заныло, но промолчал. Нельзя же было отставлять от наковальни сразу двух учеников только потому, что они «хлипкие». Иван Харитонович вздохнул и сказал Чесныку:

— Становись до него в подручные.

Сашка аж позеленел от злости, надулся и с ненавистью уставился на меня.

Но инструктор не заметил этого:

— Будешь инструмент подавать, уголь в горне мешать.

Луну он поставил качать мех. Ну, в общем, девять человек — четверо ковалей и четверо подручных — стали к наковальням и одна Луна — к меху. Иван Харитонович сообщил, что крючок на кочерге будут ковать ковали, а ручки — их подручные.

Чеснык после этого порозовел, и глаза у него заблестели хитрым, злым светом.

Ну, разогрели мы пруты — Луна качала так, что от нее самой жар во все стороны пошел, — я взял молоток и вдруг почувствовал, что у меня во рту все пересохло.

— Давай, — сипло шепнул я Чесныку.

Тот лихо выхватил прут, шмякнул его о наковальню и передал мне. До чего же стало страшно... Раскаленное добела, пышущее жаром железо разбрасывало звездочки, тяжелый молоток не

слушался. Я еще ни разу им не ударил, а уже вспотел так, что даже рубаха к спине прилипла.

Ударил первый раз — маленько криво. Примерился — и во второй раз получилось лучше. На душе отлегло, и я смелее стал лупить по пруту молотком. Сердце уже не колотилось. Мне казалось, что лучше меня не работает никто, и почему-то очень хотелось, чтобы это заметила Луна. А тут еще подошел Иван Харитонович, довольно хмыкнул и сказал:

— А теперь, значит, оттягивай ее. По кончику, с напуском.

Я не совсем понимал, как это «с напуском», но «оттягивать» научился сразу — бил по кончику и оттягивал, как бы отпускал молоток от себя. Багровеющий металл удлинялся...

Я так увлекся этой замечательной работой, что не заметил, как Чеснык обогнул наковальню и подошел ко мне.

Тусклая лампочка под потолком заволоклась копотью, в кузнице было темно. Я наклонялся все ниже и ниже, чтобы рассмотреть, куда и как нужно было ударить. А бить приходилось все сильнее и сильнее — ведь прут остывал и становился не таким мягким, податливым, как вначале. Очень хорошо помнится, что, когда я размахнулся с особенной силой, меня кто-то чуть-чуть, самую малость, подтолкнул. Рука уже не могла остановить молоток, а тело само по себе слегка развернулось в сторону. Удар молотка пришелся не по пруту, а по стальной, испещренной выбоинами, блестящей поверхности наковальни.

В общем, сталь молотка ударилась о сталь наковальни.

Уже потом я вспомнил, что блестящие, стальные шарики от подшипников лучше всего прыгают на самых крепких камнях...

А в тот момент я ничего не вспоминал, потому что молоток отскочил от наковальни, как стальной шарик от камня, и у меня из глаз брызнули искры, как от перекаленного прута, или, по-научному говоря, материала.

ОЧЕНЬ ТРУДНЫЙ КЛАСС

Очнулся я в углу, на куче железного лома. Инструктор сидел на наковальне и качал головой так, словно у него разболелись сразу все зубы. Девчонки тревожно перешептывались в углу. Только Луна возилась возле меня и кричала на ребят:

— Скоро вы там? Давай быстрее!

Луна терла мне лоб какой-то медяшкой, гайкой и еще чем-то. Потом ребята притащили крапиву, подорожник и остролистую «собачью травку». Я хотел подняться, но перед глазами все плыло. Луна сердито сказала:

— Лежи!

И я почему-то подчинился.

Она стала жевать всякие травки, и на глазах у нее навернулись слезы. Потом положила мне эту жвачку на лоб и завязала ее своим пионерским галстуком — ни бинта, ни даже тряпочки ни у кого не оказалось.

Растерянный Рудик Шабалин робко спросил:

— Слушай, Алька! (Я подумал, что он обращается ко мне, и приподнял голову, но Луна сейчас же нажала на нее рукой.) — Кто тебя учил...

— Кому Алька, а тебе Петрова! — отрезала Луна, и я вспомнил, что Луну девчонки называли Алей.

Это показалось хорошей приметой — ведь меня с детства тоже называли Аликом, и я спокойно прилег.

— Ну ладно... — смутился Рудик. — Кто это тебя учил такой жвачкой лечить?

— А тебе какое дело? — вспылила Луна и встала на ноги. — Ты-то чего ввязываешься? Иди к своему Чесныку, кровь ему с носа утри.

Рудка вспыхнул, круто повернулся и ушел. Шура Нецветайло тяжело вздохнул и спросил:

— Слышь, Аль, а может, правда... не того... жвачка-то...

— Ты, Нецветайло, ничего не понимаешь. Это так бабушка моя всегда делала. Понял?

— Чеснык тоже разбился? — слабым голосом спросил я.

Луна терла мне лоб какой-то медяшкой.

Ребята сначала растерянно переглянулись, а потом расхохотались.

— Он на Шурку наткнулся! — весело сказала Луна. — Ну и немножечко покалечился...

Все засмеялись еще сильнее, и даже девчонки подошли к нам. А Нецветайло покраснел и протянул:

— Ну ладно вам... Хватит...

— Хлопчики, милые вы мои... — жалобно сказал Иван Харитонович. — Не кажить не кому, шо тут зробилось. Уволять меня, а то ж стажу прерывка. А мне на пенсию скоро — прибавки лишусь.

Тут уж было не до наших бед. Перед нами был растерянный, очень взрослый, почти старый, симпатичный человек, который мог пострадать из-за нас. Но никто из ребят решительно не знал, что нужно делать, чтобы помочь Ивану Харитоновичу.

В кузницу вбежал хмурый Рудик.

— Дождались... Петренко с Марковым директора ведут. И еще кто-то с ними... Кажется, завуч.

Мы молча и растерянно переглянулись.

— Ну вот, радуйся теперь за своих дружков! — язвительно сказала Луна Рудке Шабалину, потом наклонилась ко мне и очень ласково спросила: — Ты можешь встать, Громов?

Я начал подниматься, но Петрова уже настойчивей спросила:

— Нет, не просто встать. А ты сможешь у наковальни стоять?

Ни я, ни ребята не поняли Альку. А она вдруг рассердилась:

— Что вы за непонятливые такие! Неужели мы Ивана Харитоновича выдадим? Нужно сейчас же стать к наковальням и работать, как будто ничего не случилось. И Громов пусть работает. Если его спросят, что с ним, он скажет, что на переменке играл в футбол и упал. А мы все подтвердим... Верно, девочки?

Все сразу стало на свое место. Я поднялся и, пошатываясь, подошел к наковальне. Алька стащила с меня свой галстук со жвачкой, быстренько вытерла лоб от зелени и скомандовала Шуре:

— Нецветайло, становись к мехам!

И огромный, неуклюжий, как медведь, ненавидящий девчонок Шурка покорно пошел к мехам, а Аля превратилась в моего подручного.

Когда в кузницу вошли Чеснык и Женька, директор школы Дмитрий Алексеевич и завуч Шушина — старенькая учительница математики, с острыми серыми глазами и тонкими, всегда поджатыми губами — мы уже стучали молотками. У меня болел лоб, пересохло во рту, но я все-таки оттягивал второй конец прута, чтобы сделать форменную кочергу.

Луна суетилась и все время спрашивала:

— Загинать ты сейчас будешь? Тебе оправку подать?

Когда она узнала, что для обжима будущей ручки требуется оправка, я просто удивляюсь. И что меня сразу поразило — это то, что она совершенно не обращала внимания на наше начальство.

Директор и завуч молчали. Зато не выдержал Марков и строго спросил:

— А почему Громов работает?

— А что же ему не работать? — вызывающе ответила Аля.

— Что тут у вас случилось?.. — несколько озабоченно, но миролюбиво протянул директор.

Высокий, широкоплечий, со строгим и в то же время добродушным лицом, он не казался ни страшным, ни сердитым. Его сильный голос сразу перекрыл кузнечный шум, и все, как по команде, прекратили работу. Юра Грабин подвинулся поближе к директору, быстро, едва заметно взглянул на ребят и невинно переспросил:

— У нас случилось?

Мальчишки нерешительно и настороженно загалдели:

— У нас ничего не случилось!

— Может, в другой группе?

Девчонки затараторили и запищали:

— Просто плохо, что так мало наковален! Делать нечего.

— Девочкам и здесь ничего не дают...

— Ой, как тут интересно!..

Но Шушина сразу раскусила наши уловки:

— Ну, довольно притворяться... Громов, покажись-ка.

Я вышел из-за наковальни и подошел к завучу. Ноги под коленками вздрагивали — должно быть, от слабости. Шушина придирчиво осмотрела мои уже перепачканные углем брюки, гимнастерку, лицо, а когда увидела лоб, то сразу отвернулась и мельком, снизу вверх, взглянула на директора. Дмитрий

Алексеевич отвел взгляд, и лицо у него стало строгим, а меж мохнатых бровей залегли две глубокие складки.

Завуч торжествующе спросила:

— Что это у тебя на лбу?

— Шишка... наверное, — ответил я и потрогал все еще мокрый от жвачки лоб.

— Я вижу, что шишка. Но как и где ты ее получил? Вот в чем вопрос.

— Я... — Мне очень не хотелось врать, но рядом очутилась Алька, строго посмотрела на меня, и я покорно ответил: — Играл в футбол... на переменке... ну и вот... упал...

Иван Харитонович шумно вздохнул. Все молчали. Дмитрий Алексеевич покосился из-под мохнатых, сдвинутых у переносья бровей на инструктора и тихонько кашлянул.

Завуч сказала:

— Что-то я не помню... — в ее голосе прибавилось ехидства, — чтобы вы на переменке играли в футбол.

Ох уж эта завуч! Недаром она на каждой переменке торчит у окна учительской. Вероятно, все поняли, что мы попались. Но спасение пришло оттуда, откуда его никто не ожидал.

— Да ведь видно же, что он действительно носом землю пахал, — сказал директор и пожал широкими плечами. — Даже лоб у этого героя до сих пор зеленый.

Завуч внимательней посмотрела на мою шишку, и впервые на ее лице мелькнуло сомнение. Тут наши девчонки как с цепи сорвались. Они вдруг стали жаловаться на мальчишек:

— Ведь они же как сумасшедшие гоняют!

— Его из ворот прямо на руках вынесли!

— И вообще наши мальчишки, кроме футбола, ничего не признают!

И даже Иван Харитонович перестал вздыхать...

Но вмешался Марков:

— Мы сегодня в футбол не играли, — строго сказал он.

Девчонки с ужасом уставились на старосту. Даже Чеснык отошел в сторону.

Один Марков, бледный и решительный, был совершенно спокоен: ведь он говорил правду. Ему нечего было бояться.

— Интересно, Марков, — довольно ехидно спросила Луна, — а

откуда ты знаешь, что они не играли в футбол?

— Я видел. Я староста класса и все время с ребятами.

— Как же ты все время с ребятами, если у тебя есть справка, что ты освобожден от труда? — еще более ехидно спросила Алька и наклонилась вперед так, словно собиралась побежать. Но ее круглое, с крохотными веснушками лицо было спокойно, только глаза горели. — Ведь у тебя там что-то растянато — нога или рука... Значит, ты и в футбол играть не мог.

Женька начал краснеть, и весь класс вдруг залился отчаянным, даже неестественным смехом:

— Ай да староста!

— Симулянт!

— Тише, ребята! — прикрикнула Шушина, и мы примолкли.

Но из угла, от кузнечного меха, словно вдогонку раздался глухой голос Шуры Нецветайло:

— Ему мама с папой... штанишки надевают... до сих пор.

Так смеяться, как смеялись ребята в эту минуту, — ну, это представить себе невозможно. У меня даже дрожь в коленках пропала и лоб болел не так сильно.

Марков чуть не плакал. Директор кусал губы, сердито хмурился, но в его серых, глубоко сидящих глазах плясали веселые искорки. И от этого всем было особенно хорошо.

Наконец директор крикнул:

— Тише, ребята! Значит, ничего страшного у вас не произошло?

— Нет!

— Конечно, нет!

Пожалуй, в этот момент никто не врал, потому что я все-таки стоял на ногах и даже почти отковал ручку кочерги.

— Так. Один разбил себе лоб в футбольных воротах. Ну, а как второму нос расквасили? — спросила завуч.

Все как-то невольно посмотрели сначала на Сашу Петренко, а потом с надеждой и немножечко испуганно на Луну. Она словно ждала и этого вопроса и этих взглядов и немедленно переспросила:

— Кому расквасили нос? Это — Петренко? Но он же вообще у нас слабенький... Даже драться один на один не умеет.

— Да, — широко открыв свои большие голубые глаза, сказал Юра. — Он очень слабенький. Его всегда третьегодники из

седьмого класса защищают.

Завуч, видимо, поняла, что ее разыгрывают, но продолжала возмущаться:

— Тем более! Мальчик слаб, он даже обороняться не может, а в вашем классе за него некому заступиться. Вот и разбили ему нос.

— Это верно, — спокойно и даже как-то печально подтвердил Юрка. — Он слабенький. Оттого и на второй год остался.

Побледневший — даже конопатки на носу выступили — Чеснык прошипел сквозь сжатые зубы:

— Замолчи, Юрка!

— Сашенька, — повернулся к нему Юрка и развел руки, — я же тебя защищаю! Ты ведь сам не мог — побежал старосте жаловаться. Ты же слабенький! — и засмеялся.

— И староста у нас тоже слабенький, — поддержала Алька и, уже не выдержав, сквозь смех dokonчила: — У него ножка растянута.

— Аля, не смейся, — все так же серьезно сказал Юрка. — Ему сам папа справку выписал.

Но ребята почему-то не смеялись. Они смотрели на директора и на завуча. Дмитрий Алексеевич казался странным — щеки надуты, губы сжаты, и весь красный как рак, а на глазах слезы. Не поймешь: не то смеяться ему хочется, не то он сердится. А Шушина, наоборот, побледнела, сцепила пальцы и выставила вперед локти, словно защищаясь от кого-то. Не разжимая пальцев, она резко, раздельно спросила:

— Я хочу знать, кто разбил нос... Как твоя фамилия? — обратилась она к Саше.

— Ну, Петренко... — ответил Чеснык и стал ковырять ботинком песчаный пол кузни.

— Так вот: кто разбил нос Петренко?

Все молчали. У дальней стены сопел не то Нецветайло, не то кузнечный мех.

— Я еще раз спрашиваю: кто разбил Петренко нос?

Все снова промолчали.

И вдруг Чеснык выпрямился, потом отвернулся и через плечо сказал:

— А мне никто носа не разбивал. Если нужно, я сам разобью... кое-кому. И получу с кого нужно.

— Какой получатель! — презрительно протянула Аля.

Чеснык резко повернулся к ней и сжал кулаки. Дмитрий Алексеевич как-то сразу успокоился и перестал краснеть. Он выпрямился во весь свой могучий рост и строго прикрикнул:

— Прекрати ненужные разговоры, Петренко! Отвечай точно: кто тебе разбил нос?

— Никто мне не разбивал, — опять отвернувшись, ответил Чеснык.

Нет, директор был уже совсем не тот, что минуту назад. Он стоял теперь перед нами не красный, будто смущенный, а с сурово сдвинутыми бровями, широкоплечий и высокий. Даже его серый в красную полоску костюм показался совсем новым.

— Староста, — сказал директор, — ты пришел в канцелярию и сообщил, что в кузнице чуть не убили Громова и избили Петренко.

— Он врет, что ему не разбивали нос! — как-то странно взвизгивая, крикнул Женька. — Я сам видел, что у него нос был в крови!

— «Ви-идел»! — презрительно протянул Чеснык. — Люди работают, а он справочкой прикрылся и ви-идел! Никто мне нос не разбивал — и все! — Чеснык опять поковырял ботинком землю и объяснил: — Болезнь у меня такая... Малокровием называется. Вот иногда кровь из носа и течет...

Потом он смело протиснулся между ребятами, и те пропустили его. А на Женьку смотрели с презрением. Ведь в самом деле, как это противно: все ребята работают, а несколько маменькиных сынков и дочек околачиваются в классе! Ручки боятся испачкать.

И сразу нашего старосту словно отрезало от класса.

А Женька — он же упрямый — все равно стоял на своем и твердил, что он говорит правду. Ребята молчали. Тогда директор обратился к Ивану Харитоновичу.

Уже не столько растерянный, сколько смущенный, наш инструктор говорил так неопределенно, что даже мы, всё знавшие, поняли только то, что Громова «...значит, никто не убивал, а он сам... А когда, значит, Петренко ушел — никто не видел».

— Правильно, — опять вмешалась Аля. — Петренко уходил.

Дмитрий Алексеевич, пряча блеснувшие глаза, распорядился:

— Ну хорошо, продолжайте урок. Мы видим, что ничего

страшного действительно не произошло... Иван Харитонович, зайдите ко мне после уроков.

Они повернулись и ушли, а весь класс потихонечку стал выглядывать в двери. Шушина что-то горячо доказывала директору, а он смотрел в сторону.

Вскоре началась переменка, и мы пошли в класс.

На уроке истории я еще кое-как отсидел, а с последнего урока ботаники решил уйти — голова просто разламывалась и при этом кружилась.

Когда Луна заметила, что я собираю книги, она вдруг разозлилась и закричала:

— Ты что, с ума сошел — опять с урока уходить?

— А если голова разламывается?

— А ты свою голову собери по кусочкам и надень на место, — сказала Аля. — Ты уйдешь, а весь класс окажется вруном? Ты этого хочешь? Так? Да?

— Почему весь класс? — вмешался бледный Женя. — Весь класс, как попугай, повторял твою ложь.

Мы все так и замерли. Луна посмотрела на старосту широко открытыми глазами. Пальцы рук, которыми она ухватилась за край парты, побелели. Так, не сводя взглядов, они долго смотрели друг на друга, и Аля все-таки сдалась. Она медленно села на парту и глухо произнесла:

— Знаешь, Громов, если хочешь уходить с уроков — уходи.

Я вынул из портфеля книги и сел на свое место. В это время в класс вошел Альфред Петрович, поздоровался, как всегда понюхал воздух и потрогал уже заклеенные оконные рамы, потом вздохнул, поправил очки и, откинув назад длинные волосы, обратился к нам:

— Ну-с, что-то вы сегодня очень тихие... Проверим. Петрова! Что тебе известно о двудольных?

Аля медленно поднялась — бледная, с твердо сжатыми губами, с широко открытыми глазами. Она смотрела на учителя и молчала. Молчала так, что все поняли — с ней творится что-то необычное. Понял это и Альфред Петрович. Он кашлянул, поправил очки, потянулся было к журналу, чтобы, наверное, поставить Алье кол, но раздумал.

— Ну что ж... Садись, Петрова. Кто же ответит на этот вопрос?

Почти весь класс поднял руки. И ребята и девочки умоляюще смотрели на учителя, точно своим ответом хотели спасти Луну, защитить ее. Но Альфред Петрович остался верен себе. Он не вызвал ни одного из тех, кто поднял руки, а посмотрел на меня, хотя я надеялся, что сегодня он меня обойдет. Но ведь известно, что стоит однажды получить «гуся» (так у нас называют двойки) по какому-нибудь предмету, как потом от них не отвяжешься.

— На этот вопрос ответит нам Громов, — сказал учитель и подошел почти к самой парте, словно издалека он меня плохо слышит.

Не только Альфред Петрович смотрел на меня — смотрел весь класс. И я не знаю почему, но почувствовал, будто держу экзамен за всех. За тот самый нелюбимый класс, который так отталкивал меня и смеялся надо мной.

Стою, покачиваюсь, голова гудит, лоб ломит, а перед глазами плывут разноцветные шарики. И думать почти не могу, а просто чувствую — подвести класс, Алю я не имею права.

— Итак, Громов, что тебе известно о двудольных?

Я потер шишку, и откуда-то приплыла первая фраза:

— К семейству двудольных относятся: горох, чечевица...

Я говорил медленно, словно вытаскивая застревающие слова, и, когда было особенно трудно, тер шишку. Это почему-то помогало.

— Ну что ж... — пожал плечами Альфред Петрович, когда я кончил отвечать. — Правильно. Садись.

Он подошел к столу и раскрыл журнал:

— К двум предыдущим двойкам прибавилась четверка, — и пошутил: — Видимо, Громов удачно пробивал лбом гранит биологической науки: у него даже шишка зеленая.

Он поднял голову и прислушался, надеясь, что, как всегда, класс посмеется надо мной, поддержит его шутку. Но ребята молчали. Альфред Петрович смущенно и растерянно забросил назад свои длинные волосы, зачем-то поправил лацканы пиджака и пробормотал:

— Очень трудный класс. — А потом, уже спокойней, добавил: — Ну что ж... Продолжим урок.

Урок шел. Класс молчал.

ВО СНЕ И НАЯВУ

Всю ночь мне снились страшные сны. То будто бы я прыгал с крыши высокого дома прямо на асфальтированный двор, но не падал, а летел. Вначале куда-то в сторону, мимо темных окон, а потом все выше и выше, поднимаясь над городом. Меня догоняли ласточки, косились глазами-бисеринками и удивлялись: «Откуда взялась такая большая и важная птица?»

А то чудилось мне, что, ныряя с вышки, я врезался головой в илистое дно и завяз в нем. Кругом зеленоватая вода, плавают рыбы и недоуменно разводят плавниками: «Вот попался так попался! Ведь не вылезет». Воздуха уже не хватает, в висках стучит, хочется кричать, но нельзя: кругом вода.

Утром меня разбудила мать и сказала:

— Алик, ты не ходи сегодня в школу.

Мне и раньше очень не нравилось мое девчоночье имя, и поэтому я пробурчал:

— Не зови меня Аликом! И так все смеются.

— Хорошо, хорошо... — еле заметно усмехнулась мать, и лицо у нее стало грустным, как будто она потеряла что-то очень ей нужное и дорогое. — У тебя же огромная шишка. Полежи сегодня.

Впервые мать оставляла меня дома. Это показалось подозрительным, и я пробурчал:

— А чего — шишка? Нормальная.

— Какая же нормальная? — всплеснула руками мать. — Ведь ты всю ночь стонал и метался.

— Да уж, стонал... — обиделся я.

Я твердо помнил, что во сне я все время молчал. Ведь когда увязнешь головой в ил, не очень-то покричишь. Мать всегда что-нибудь придумает. Но спорить с ней уже не хотелось — все-таки приятно проболтаться денек-другой на положении больного.

Мать ушла на работу и оставила возле кровати блюдечко моего самого любимого сливового варенья. Когда оно кончилось, стало как-то не по себе. Я начал вспоминать всю свою жизнь, потом подумал об Але, о ребятах и почувствовал, что бока болят, голова

гудит и вообще все плохо.

Я поднялся с постели и сразу понял — сидеть дома не имею права. Ведь если не идти в школу — и ребята, и главное, учителя и директор поймут, что я заболел после вчерашнего. Тогда все Алькины хитрости откроются.

Но еще до начала уроков я пожалел, что пришел в школу. Ребята даже из чужих классов подходили ко мне и осматривали шишку, а некоторые даже щупали ее руками, качали головой и с легкой завистью говорили:

— Вот это да-а! Здоровá!

Шишка действительно получилась удивительная. Огромная, сине-багровая, с голубоватым и светло-желтым отливами, она торчала, как боевой рог.

Женька долго смотрел на нее и разозлился:

— И ты еще говоришь, что играл в футбол!..

— А тебе, собственно, какое дело? — спросил Юра, который все время крутился возле меня.

— А такое, что врать не нужно!

— Не ты же соврал!

— Я-то не соврал, а вот нашлись такие, что соврали и весь класс подбили.

Тогда с места поднялась Луна и спросила:

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что ты трепачка! То, что у нас не класс, а собрание трепачей! И я, как староста, все равно выведу вас на чистую воду!

И тут случилось то, чего мы не могли ожидать: те самые ребята, которые вчера не были на труде, и даже еще несколько таких, которые были, вдруг напали на Альку и на всех нас. Они, как и Марков, стали кричать, что мы поступили нечестно, что мы только мешаем им заниматься как следует.

— Смотри, какие сознательные стали! — удивленно пробурчал Юра. — И всего только за одну ночь.

Пока мы ссорились, Аля молчала. Потом она крикнула:

— Стойте, ребята! Ведь вы забыли, что я сделала это для спасения Ивана Харитоновича!

— Спасения? — взвился Марков. — Неужели ты думаешь, что его могли снять с работы за то, что этот хулиган наставил себе шишку? Ты не Ивана Харитоновича спасала, а своего ухажера. Это

же все знают.

Стало очень тихо. Я чувствовал себя, как во сне: вначале полетел куда-то вниз, потом в сторону... Но до своей цели — ненавистного Женькиного лица — я не долетел. На одной руке у меня повисла Луна, а на другой — Юра.

— Не связывайся с ним, — убеждал он.

— Не трогай его, Громов, — сказала Алька. — Я сама знаю, что делать.

Бледный Марков прижал кулаки к груди. Все по-прежнему молчали, и Женька не заметил настоящей опасности. Сзади подошел Шура Нецветайло, схватил его за шиворот и молча поволок к двери.

Должно быть, от неожиданности Марков вначале просто волочился, как кукла, а потом стал дергаться и хрипеть:

— Пусти!.. Все равно будет известно! Пусти!..

— Сейчас за дверь выброшу, а потом пушу, — добродушно ответил Шура. — Тогда извещай кого хочешь.

Он закрыл за Марковым дверь, отряхнул руки, точно они были в муке, и подошел к Чесныку, который все время стоял в сторонке.

— Тебя тоже выбрасывать или ты сам пойдешь?

— Да нет, ребята... Я же ничего такого...

— Я спрашиваю... тезка? Сам пойдешь или выбросить?

Чеснык облизал губы и недобро взглянул на меня:

— Ладно. Я сам пойду. Но мы еще посмотрим...

И он медленно, точно нехотя, вышел из класса.

Тогда из-за парты поднялась Аля Петрова:

— Вот что, ребята! Женька хоть и паршивый человек, а прав. Я пойду к директору и все расскажу сама, — и выбежала из класса.

Нецветайло шумно вздохнул и уныло произнес:

— Выгонят меня из школы... — Он пожал широкими плечами и почесал пятерней в затылке. — Что матери скажу?..

Ему никто не успел ответить, потому что прозвенел звонок и в класс вошла Елена Ивановна с огромной кучей тетрадей под мышкой. Она положила их на стол, вытерла платочком лоб, а потом уж, как всегда, слегка насмешливо сказала:

— Вы что же не на местах?

Растерянные и смущенные, ребята стали рассаживаться по партам, и Елена Ивановна добродушно посматривала на них.

Когда все успокоились, она спросила:

— Что же у вас опять произошло, мой знаменитый шестой «А»?

— Тут такие неприятности... — протянул Юра Грабин.

— Печально. Будете переживать, или начнем урок? Где староста?

— Вот потому и неприятности, — пояснил Юра и так смешно развел руками, что всем стало немного веселей, — что старосты нет.

Елена Ивановна на мгновение строго свела брови, но потом, словно вспомнив что-то, все с той же легкой, добродушной улыбкой обвела взглядом класс.

— Понятно. Очередной бунт. Ну хорошо. Вы бунтуйте, а я начну раздавать домашние работы.

Ну, а кто же удержится от желания поскорее узнать, какая отметка у него в тетради? Так все и наладилось. Вообще, когда рядом Елена Ивановна, все на свете переносится легче. Никогда она не кричит, не сердится, и получается хорошо.

Незаметно окончился урок. Мы опять вспомнили о своих классных делах и высыпали в коридор.

Глава 16

ДРАКА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

В коридоре, у дверей в класс, стоял Марков. Он спокойно пропустил нас, и некоторые из тех, кто бежал выручать Алю, остановились. Остальные побежали к канцелярии. Альки там уже не было.

— Наверное, она в кузне, — решил Юра, и мы бросились туда.

Но и в кузне Али не было. Возле наковальни, на обрубке бревна, сидел Иван Харитонович — худой, прокопченный и, как всегда, немного грустный. На наковальне лежали огурцы, помидоры, яйца, колбаса и хлеб. Мы вошли так тихо, что Иван Харитонович не заметил нас. Он накалывал кончиком ножа то кусочек помидора, то кружочек колбасы и сосредоточенно жевал, изредка печально и задумчиво покачивая головой.

«Неужели его все-таки уволили?» — подумал я и разозлился и

на Женьку и на Луну, которая так поспешно выдала всех.

Кто-то из ребят осторожно кашлянул. Иван Харитонович вздрогнул и, увидев нас, улыбнулся:

— А-а-а... хлопчики! Заходите, заходите...

Мы подошли к наковальне и тут только заметили, что Иван Харитонович вовсе не грустный, а просто задумчивый.

— Ну вот все и обошлось, — сказал он. — Директор поругал, а даже выговора не дал. Но, говорит, продумайте... — Иван Харитонович поднял нож с огурцом на острие, — продумайте, як лучше навчить, и это — правильно. Тут думать нужно крепко. Потому что ковалем, чи той, кузнецом, быть не всякому, значит, доступно. Коваля мало навчить. Ему треба еще и своей головой работать. Думать. И не только головой — он еще и руками должен действовать. А этому, хлопчики, не всякий навчиться может. К этому, значит, талант нужен...

Он говорил так много, что стало скучно. Потом Иван Харитонович сказал, что теперь в кузницу мы придем не сразу. Сначала поучимся работать с холодным железом в слесарной мастерской.

— Это вроде приготовительный класс для вас. А потом уж, значит, вас и до огненного дела допустить можно будет. Потому что если настоящий коваль, так он слесарное дело знает. Оно ему — раз плюнуть. А вот слесарю коло огня — извинить!

Он с хрустом разжевал огурец, закусил яйцом и подморгнул:

— А вы заходите, значит. Я вас понемножку навчу. Потому что вы хлопчики сто́ящие. С вас еще может настоящий рабочий класс выйти, потому как не позволяете ледачим лодырям рабочую честь ронять. Это дуже хорошо!

Как будто все было в порядке, но почему-то стало не по себе, словно кто-то обманул нас. Получилось, что Женька прав. Женька, который не хочет ходить на уроки труда. А наша Луна, настоящий товарищ, оказывается, сделала все неправильно. Выходит, ей не нужно было выручать инструктора — ведь директор даже выговора ему не сделал.

Мы думали над всем этим, медленно возвращаясь в класс. И, конечно, опоздали на урок. Учительница истории выругала нас и напала на старосту. Но Марков надулся и ответил, что с таким распущенным классом работать невозможно.

— Да? — удивилась учительница. — А по-моему, ребята неплохие. Но мне кажется, что в этом классе получается, как в старом присловье: все идут не в ногу, а один только староста шагает в ногу.

Женька аж дернулся, но промолчал и сел на место. Потом я уже не смотрел на него, потому что Аля сидела за партой одна — Чесныка не было — и казалась очень грустной и в то же время сердитой. Но и на нее я смотрел недолго — вызвала учительница. Отвечал я здорово, потому что вообще люблю историю, и честно заработал пятерку.

А учительница похвалила:

— Ну что ж, Громов, лично я на тебя не в обиде. Мой предмет ты знаешь.

Выходило, что кто-то на меня все-таки в обиде. Но кто именно? Узнать этого не удалось, потому что в этот день было не до переживаний. Все хотели узнать, что говорила Аля у директора и что он ей говорил. Но она упорно молчала.

Как-то получилось, что из школы мы шли вчетвером — я, Шура, Юра и Луна. Недалеко от манежа нам наперерез вышли трое ребят и остановились на дороге. Они пошептались, и один из них, самый низенький и щуплый, двинулся к нам. Мы еще издалека увидели, что это был Чеснык, но какой-то странный — напуганный и отчаянный в одно и то же время.

Он подошел ко мне боком и, толкнув плечом в грудь, прошипел:

— Ты опять на меня накапал!

Голос у него вздрагивал, на носу между конопатками выступил пот, а глаза трусливо щурились. Мне было не только не страшно, а просто интересно посмотреть на такого Петренко. Но рассмотреть его не удалось: Нецветаило молча оттолкнул его. Чеснык плаксиво закричал:

— А-а, так ты еще и драться!..

И почти сейчас же к нам подошли двое ребят — те самые, что когда-то били меня возле манежа. Рябоватый, ловкий парень прищурил острые глаза и со злым презрением сказал:

— Что ж ты, капаешь, да еще дерешься?

Я сразу понял, что будет драка, и отрезал:

— Ни на кого я не капал! Никому ничего не говорил!

*К нам подошли двое ребят — те самые, что когда-то
били меня возле манежа.*

Все немножко поостыли и начали просто переругиваться. Я оглянулся, не увидел Альки и подумал: «Струсил Луна, сбежала». Но, когда «святая троица» поняла, что драться с нами не очень-то весело — Нецветайло здоровее каждого из них, — и решила отойти, оказалось, что Аля все время стояла за моей спиной.

— Если бы они только полезли, я бы сзади им знаешь как стукнула! — серьезно объяснила она.

Мы переглянулись и радостно рассмеялись. Аля, оказывается, настоящий товарищ.

А те трое решили, что мы смеемся над ними, и издалека крикнули:

— Ты деньги гони, Громов! Мы все равно с тебя получим!

Я не ответил, и ребята сразу же пристали ко мне:

— Что за деньги?

— Ты что, должен им?

Я долго не хотел объяснять, в чем дело, но ребята правильно решили, что скрывать от друзей свои несчастья — нечестно. Тогда я рассказал все. Ведь Шура, Юра и даже Аля — настоящие друзья. Они поняли всё и задумались. Тут нас удивила Луна. Она поморщилась и передернула плечами:

— Не понимаю. Это выходит, как у бывших дворян — карточный долг. Долг чести... Но ведь вы-то не дворяне?

— Видишь ли, Аля, — пояснил Юрка, — Громова никто не заставлял играть. Он сам напросился на игру. И если проигрался, то должен платить. Вот если бы Чеснык обманул его, тогда другое дело. А здесь — все правильно. Хочешь не хочешь, а платить нужно. Понимаешь?

— Нет, не понимаю, — опять передернула плечами Аля. — Что бы вы ни говорили, все равно тут что-то нехорошее.

— А чего ж хорошего, — притворно вздохнул Юра, — проиграться-то?.. Но платить нужно.

И, несмотря на то что Аля возражала, мы решили, что хотя Петренко и паршивый парень, но платить ему я обязан. Иначе нельзя. В таких делах даже самые лучшие девчонки ничего не понимают.

БУРНОЕ СОБРАНИЕ

Сегодня после уроков у нас было собрание. И хотя сегодня же я получил пятерку по геометрии и четверку по русскому, но боялся здорово: ведь двоек-то у меня тоже немало. А за двойки как начнут косточки перемывать — не возрадуешься! Наша классная руководительница Елена Ивановна — добрая-добрая, но в работу как возьмет — только держись!

Но оказалось, дело было не во мне одном. Начали говорить о дисциплине в классе, об отметках. О том, что вообще у нас мало порядка. Как будто его больше в других классах! Мы же видим: все балуются. Но, оказывается, у нас хуже всех, потому что «некоторые наши ученики даже в милицию попадали».

Все, конечно, смотрели на меня.

Честное слово, только за одно то, что та женщина — старший лейтенант из милиции — оказалась такой болтливой, ее тоже нужно забрать в милицию. Вот тогда бы она узнала, как это приятно сидеть на собрании и чувствовать на себе насмешливые взгляды всего класса!

Потом начали перебирать все наши прегрешения и, конечно, без меня обойтись не смогли:

— Громов уходил с уроков.

— На труде с ним произошел неприятный случай, и его пытались скрыть.

Опять, конечно, смотрели на меня, а потом на Луну. Очень это приятно — сидеть, краснеть и видеть, как Марков надувается, будто индюк! Радует, что все получается так, как он хотел.

А тут, как назло, пришел директор и сел за стол рядом с Еленой Ивановной. Совсем хоть проваливайся сквозь землю! Поставят тройку за поведение — куда тогда деваться? Выгонят из школы — и точка. И что за ерунда такая?.. С тройкой по любому предмету в любой класс переводят, а с тройкой за поведение выгоняют из школы. Это, по-моему, неправильно.

Потом встал уважаемый староста и начал нас упрекать за то, что все мы разболтанны, все друг друга покрываем и не даем ему работать как следует.

— Руководить тебе не позволяют? — добродушно, даже сочувствующе спросил директор.

— Вот именно! — обрадовался Женя такой могучей поддержке. — Я хочу руководить как следует, а они не дают. Мешают. Тогда, спрашивается, зачем же меня выбирали старостой, если никто не хочет подчиняться? — И, надуваясь спесью, убежденно крикнул: — Тогда лучше меня переизбрать!

Дмитрий. Алексеевич искоса посмотрел на него и очень серьезно спросил у всего класса:

— А что, ребята, может быть, и в самом деле лучше переизбрать старосту?

Мы сначала опешили, потому что непонятно было — шутит директор или говорит серьезно. Но у него в глазах, как когда-то в кузнице, опять забегали смешинки, и ребята закричали:

— Переизбрать! Переизбрать!

Нужно было посмотреть в эту минуту на Маркова! Он то краснел, то бледнел. Иногда он порывался сесть на место, но тут же снова выпрямлялся. Он был и смешон и жалок, и ребята не только понимали, но и видели — такой староста им не нужен.

Но, когда начали предлагать кандидатуры, все растерялись — ни одна не подходила. Вначале предложили Нецветайло, потому что он самый сильный и всех сможет заставить делать так, как нужно. Но потом решили, что его избирать нельзя: все-таки Чесныку-то нос разбил он. Предлагали Сердюкову — отличница, примерное поведение. Но даже девочки решили, что она не справится. Предлагали и Юру Грабина, и Рудика Шабалина, и многих других, но у всех, оказывается, были крупные недостатки либо в поведении, либо в учении, и поэтому настоящими старостами трудного класса они быть не могли.

И вдруг, когда уже некого было выдвигать, с задней парты пробасил Нецветайло:

— А я думаю — Альку...

Все опять посмотрели на меня, и в глазах у ребят мелькнуло веселое ехидство, но Нецветайло передохнул и добавил:

— Петрову. Она сможет.

Кто-то хихикнул, кто-то разочарованно протянул: «Ну-у», — но они быстро затихли, будто начиная понимать, что никто другой, кроме Луны, не может быть старостой нашего класса.

Она сидела растерянная, потому что совершенно не ожидала этого, и я впервые как следует ее рассмотрел.

У нее круглое лицо с очень румяными щеками. Глаза у нее серые, самые обыкновенные — с коричневыми крапинками на радужке. Нос прямой, но на конце широковат и слегка вздернут. Косички жидкие, и она носит их крендельками. В общем, очень обыкновенная девчонка. И все-таки она чем-то выделяется среди всех остальных. И учится хорошо. Не то чтобы круглая отличница, но тройки у нее — явление редкое, и когда она их получает, то надувает пухлые губы и, кажется, вот-вот заплачет...

— Ребята, — заикаясь, сказала Аля, — я не могу быть старостой. Вы знаете... Дмитрий Алексеевич тоже знает...

Кто-кто, а мы-то действительно знали, в чем дело, и поэтому начали кричать, что это ничего не значит: соврала-то она ведь не для себя, и потом — всего один только раз. Да еще сама и призналась.

— Нет — значит! — краснела Луна. — Все равно значит! Вот спросите у Дмитрия Алексеевича.

Директор едва заметно улыбнулся и подтвердил, что это действительно кое-что значит.

— Давайте этот случай разберем поподробней. Громова («Опять Громов!» — подумал я) подтолкнули, и он разбил себе лоб. Вы решили это скрыть. Допустим, что это удалось. Что бы получилось? А получилось бы то, что и в других классах могли бы быть такие же несчастные случаи. Почему? Да потому, что я с самого начала допустил ошибку — разрешил вам, еще не умеющим владеть молотком, работать в кузнице. Это раз. — Директор загнул палец. — Во-вторых, мы не учли, что наковален очень мало и, значит, бóльшая часть учеников все равно будет стоять без дела или вертеться под ногами у работающих. Тут не хочешь, а подтолкнешь. И, в-третьих, Иван Харитонович, отличнейший мастер, раньше никогда не работал в школе, да еще сразу с целым классом. А это тоже нелегко. — Директор поднял руку с тремя загнутыми пальцами. — Вот видите, товарищи (как странно и приятно было слышать это взрослое обращение), когда вы пытались скрыть одну ошибку и спасти Ивана Харитоновича, — а нужно вам сказать, что увольнять его никто не собирался, — вы все вместе замазали три другие крупнейшие ошибки. И не

откройся они — было бы плохо и вам и другим. Но, когда Аля Петрова пришла и все рассказала, как было, мы, педагоги, поняли свои промахи и теперь исправляем их. Ведь политехнизация — дело новое, ребята, и тут ошибки вполне возможны. И вы, наверное, уже знаете, как мы их исправляем.

Мы знали, но не все. И Дмитрий Алексеевич рассказал, что в кузнице будет поставлено еще несколько новых наковален, а на помощь Ивану Харитоновичу придут те наши старшеклассники, которые работали этим летом в колхозных кузницах. И уроки по труду теперь будут не одинарные, по одному часу, а сразу двойные, по два часа. И каждый класс будет работать в одной мастерской по четвертям. Одну четверть — в слесарной, одну — в столярной, а потом — опять в слесарной и так далее.

— Теперь вы видите, ребята, что самая горькая правда все-таки лучше благородной лжи, потому что правда помогает исправлять ошибки, а ложь усугубляет их, — сказал Дмитрий Алексеевич. — Так говорим мы, коммунисты. А ведь вы — пионеры, наша будущая смена. Вот вы сразу и учитесь быть правдивыми во всем — в малом и большом.

Класс молчал: все думали. И получилось что-то непонятное. Выходило, что Аля Петрова все-таки неправа, а Женька прав. Но ведь и Женька неправ — он отлынивал от труда и тоже врал, будто у него что-то там болит. Лично я разобраться во всем этом не мог и даже загрустил: мне показалось, что после такого выступления директора Луну ни за что не выберут старостой. Конечно, если бы Дмитрий Алексеевич сказал хоть словечко в ее защиту, тогда бы все голосовали за нее. Но директор молчал и со своей всегдашней мягкой, еле заметной усмешкой посматривал на нас из-под густых бровей. А так хотелось, чтобы кто-нибудь подсказал, что же нужно делать, на что решиться...

— Вот вы говорите — пионеры, — протянул вдруг Юра. — А у нас даже вожатого нет. Даже галстуки и то не все носят. Сами посмотрите.

Кто-то схватился за воротник, кто-то, гордый, оглянулся по сторонам. К стыду, оказалось, что больше половины учеников было без пионерских галстуков.

Дмитрий Алексеевич огорченно покачал головой:

— Да, это не дело. Но ведь вы же знаете, что ученики старших

классов до вчерашнего дня были на уборочных работах в колхозах. Как только они начнут занятия, бюро комсомольской организации выделит вам вожатого. Но, ребята, а сами-то вы что ж? Маленькие, что ли? Неужели сами не можете выбрать звеньевых, совет отряда и начать работу?

Ребята жались и молчали. Кто-то сказал:

— Неудобно как-то... самим-то...

— Конечно! Нескромно как-то...

— Почему неудобно? — удивился Дмитрий Алексеевич. — Вам просто нужно смелее действовать. Ведь это же ваше кровное дело — вот и умейте его решать. И то, что вы его не решаете, ничего общего со скромностью не имеет. — Он вдруг остыл и, переглянувшись с Еленой Ивановной, добавил: — А против Петровой я ничего не имею. Если вы ей верите, то, по-моему, она будет хорошим старостой. Если, конечно, не захочет только «руководить», как Марков, и если вы ей поможете.

Но класс молчал.

Тогда поднялась Елена Ивановна:

— Нужно выбрать старосту. Пока есть только одна кандидатура — Петрова.

Все по-прежнему молчали. Наконец кто-то из тех, кто запасся справочкой, чтобы не ходить на уроки труда, протянул:

— Она же соврала...

И все вздохнули, точно сами были виноваты в этом.

— Правильно, — сказала Елена Ивановна. — Но она нашла мужество признаться в этом. У других такого мужества не нашлось! — жестко закончила она.

Лично я вздохнул так, словно гору с плеч свалил. Ведь действительно: была виновата и сама исправилась. А вот Женька и другие белоручки не только не сознаются, но еще и стараются стать выше всех, командовать. Руководить, одним словом. И я, совсем ни о чем не думая, крикнул:

— Возражений нет!

— Понятно! — засмеялся Женька Марков.

Но его никто не поддержал, и он, иронически усмехаясь, отвернулся. Впрочем, ему не нужно было делать этого — на него все равно уже никто не смотрел. Все поднимали руки.

Вот так Луна и стала старостой.

Из школы нас шло не четверо, как в прошлый раз, а уже человек десять. И мальчишки и девчонки так и кружились вокруг спокойной и даже печальной Али. Несмотря на то что мне очень хотелось подойти к Луне, я пошел в сторонке. Юра заметил это и спросил:

— Ты что ж? Не рад, что Альку выбрали старостой?

— Нет, почему же... — вздохнул я.

— А почему же ты грустный?

— Я не грустный, я просто думаю. — Мне не хотелось рассказывать даже ему, что у меня на сердце.

Как-то почти незаметно я отстал, а потом свернул в переулок и остался один. Зажигались первые звезды. Было холодно и сыро. Вовсю звенели трамваи, и издалека доносилась радиопередача. Люди шли гулять на главную улицу, шли в кино и в театр.

В переулке было шумно и весело, а я вздыхал все чаще и чаще. И, наконец, по-настоящему задумался вот над чем: почему Дмитрий Алексеевич так смело признал свои ошибки? Почему он не боится сказать, что плохо и что хорошо? Может быть, потому, что он — коммунист? И почему мы, ребята, стараемся выкрутиться, вывернуться, постоянно что-нибудь да скрываем? Может быть, потому, что забываем, что мы — пионеры?

И я решил: будь что будет, а врать больше не стану.

Глава 18

„ВО ВСЯКОМ ДЕЛЕ ТАЛАНТ НУЖЕН“

Прошло несколько спокойных дней. Как всегда, с утра я ходил на базар, оставляя дома на столе счет и сдачу, и даже уроки приучился готовить сразу, не откладывая. Да и делать, кроме уроков, было нечего — осень затянулась. Иногда днем еще сияло солнце, а вечерами всходила огромная холодная луна. Но потому, что на новой квартире у меня не было еще настоящих товарищей, даже в такие отличные вечера не хотелось ходить гулять. Я оставался дома и читал.

Мама стала посматривать на меня искоса и часто клала руку на мой лоб:

— Мне кажется, что у тебя температура...

— Нет у меня температуры! — почему-то начинал злиться я и мотал головой, чтобы она убрала руку.

— Нужно сходить с тобой к врачу — мне кажется, что у тебя малокровие.

— Нет у меня никакого малокровия!

— Странно... Почему же ты не ходишь гулять?

— Не хочу я гулять — вот и не хожу!

— Совершенно тебя не понимаю, — растерянно говорила мать.

Ну чем я мог ей помочь, если сам себя не понимал толком! Мне действительно не хотелось гулять, и меня по-настоящему никто, кроме некоторых школьных товарищей, не интересовал.

Как раз в это время в школе меня не вызывали, и только по литературе я заработал пятерку. Теперь у меня по этому предмету две двойки, четверка и две пятерки. За четверть тройка обеспечена.

Настроение почему-то стало хорошим, и на перемене мы затеяли «рубку лозы». Вдруг Алька начала кричать на меня, что я организую дурацкие игры. Мы очень удивились, потому что «рубка лозы» никогда не считалась у нас дурацкой игрой. В конце концов ребята поругались с Луной.

Она ехидно спросила:

— Что же это получается? Пионерские галстуки надели, а хулиганите еще больше!

И верно! Когда я осмотрелся, то увидел, что большинство ребят в пионерских галстуках. От этого они казались праздничными, торжественными, и я понял, почему настроение у всех было очень хорошим, и ничего не было удивительного в том, что мы решили поиграть. Но Аля это настроение испортила: играть стало как-то неудобно.

Юра Грабин вздохнул и протянул:

— Кажется, мы обещали поддерживать своего старосту... — Он подошел ко мне, вздохнул еще печальней и, скорчив гримасу, закончил: — К сожалению.

Глядя на Юрку, я не мог не засмеяться. Луна вдруг покраснела, передернула плечиками и, круто повернувшись, ушла в класс.

— Кстати, — спросил Юра, — как ее называть: старостой или старостихой?

Ребята начали смеяться, но мне почему-то было не смешно.

После третьей перемены я немного задержался возле парты Нецветайло, и Аля опять закричала:

— Громов! Когда ты начнешь исправляться?

— Воспитывает... — иронически скривив губы, вставил Марков.

И я не сумел ему ответить.

Два последних урока был труд, и мы пошли в слесарную мастерскую.

В мастерской очень чисто, светло и просторно. Слева и прямо перед входом вдоль стен, под большими окнами — обитые железом верстаки, а к ним привинчены тиски. Возле колонн, разделяющих помещение пополам, — два сверлильных станка. За ними — возле третьей, глухой стены — точило.

Инструктор Петр Семенович — толстый, здоровый и лысый — сразу же объяснил, что тиски, похожие на букву «У», — кузнечные (видно, Иван Харитонович правду говорил, что настоящие кузнецы получше слесарей, потому что для них и слесарное дело — раз плюнуть...), а другие, похожие на мясорубку, — слесарные. Понятно, что все постарались занять кузнечные тиски.

Петр Семенович сразу показал нам инструмент — молоток и зубило, объяснил, для чего они служат, как их сберегают и готовят к работе, и тут же заставил записать их размеры. А потом говорит:

— Скоро зима, ребята. Большинство из нас катается на коньках. Так вот, давайте делать пластинки для коньков.

— Ну-у, интерес!.. — протянул Юра. — Кто ж теперь на пластинках катается?

И правда, у большинства ребят коньки приклепаны прямо к ботинкам.

— Вот и плохо, — серьезно сказал Петр Семенович. — Ведь на таких коньках катаются только те, у кого денег много и кому делать нечего.

Все так и ахнули.

— Почему это — делать нечего?

Инструктор не растерялся:

— Давайте рассчитаем. На новые коньки с ботинками нужно по крайней мере рублей семьдесят, а то и все сто. Сезон покатался — и выбрасывай. Нога-то у вас растет. Правда, можно купить сразу на номер больше, на вырост, но какой же чудак будет кататься на

таких коньках? Нога в больших ботинках ерзает, подворачивается. Не катание, а одно мучение. А на пластиночных коньках можно кататься два, а то и три сезона. Выходит, они дешевле раз в пять. Но дело не только в деньгах. Коньки с ботинками очень громоздкие. В портфель их не положишь, нужен специальный чемодан. Значит, прежде чем идти кататься, нужно сначала зайти домой за коньками, а потом тащиться с ними на каток. На это потребуется час. На катке начинается переодевание. Опять полчаса. Переоделись — очередь в раздевалке: опять полчаса теряй. Вот и получается, что, пока соберешься покататься, часа два и пропадает. Как раз тех самых, которые нужны для уроков. А потом с катка придешь — уже заниматься не хочется. Так ведь?..

— Та-ак, — зачарованно протянул Шабалин.

— Теперь вам понятно, почему я говорю о тех, кому делать нечего?

Глаза у Петра Семеновича карие, живые. Лысина поблескивает, и весь он какой-то свой, домашний, как будто его сто лет знаешь. Говорит не смущаясь, весело. И главное, правильно говорит.

— Понятно! — засмеялись ребята.

— А что же нам делать?

— Слушайте! То ли дело, когда коньки с лапками! Сунул их в портфель — там же специальное отделение для них есть — и катайся, когда хочешь и где хочешь: хоть на улице, хоть на море. И на катке переодеваться не нужно. Привинтил их к ботинкам — и точка.

— Петр Семенович, лапки не держат! — жалобно протянул Грабин, и его сейчас же поддержали другие ребята.

— У нас же на ботинках подметки резиновые!

— Не у всех!

— Ну, у большинства.

— Правильно, ребята, подметки резиновые. Они носятся дольше. И лапки на них действительно держатся плохо. Но, ребята, со мной не пропадете. Я вас научу так переделывать коньки, что они у вас и на пластинках с лапками будут держаться лучше, чем приклепанные. Это точно! Ну конечно, у кого нога не растет или кому денег родительских не жалко, или, может быть, он себя чемпионом считает — тот, конечно, пусть пластинки не делает. Такому я другую работу придумаю. А всех остальных —

прошу начинать. Прежде всего разметка!

Инструктор роздал ребятам полоски ржавого толстого железа и остренькие шильца.

— Это карандаши для металла — чертилки. Получайте угольники и циркули и разделите каждую полоску железа, или, иначе, заготовку, точно на две половины. Сумеете?

Чего же тут не суметь? На уроках геометрии мы учились делить прямые на две равные части.

Но, прежде чем начать работу, полюбовались металлическими, сияющими угольниками, попробовали, как действуют массивные, с закаленными кончиками циркули, и только после этого разделили полоски точно на две половинки черточкой. Рисклой, как назвал ее инструктор.

— А теперь зажимаете заготовку так, чтобы губка тисков была как раз на риске, и начинаете работать. — Он, не глядя, с размаху ударил молотком по крохотному, величиной с две копейки, концу зубила. — Тут, главное, зубило держать еле-еле, точно тебе его и держать не хочется. Для чего это нужно, спросите? А вот для чего. Во-первых, если промахнешься и стукнешь не по зубилу, а по своей руке — будет не так больно. А во-вторых, сжимая зубило, напрягаешь руку. Она быстро устает и начинает дрожать. И тогда промахнуться — раз плюнуть.

Он опять с маху, глядя только на острый, режущий кончик зубила, а не на то место, по которому бил, ударил молотком. Полоска была перерублена.

— Мы так не сумеем! — запищали девчонки.

Ребята хмуро молчали. У меня, например, ёкало сердце. То лоб себе расквасил, а теперь рука в опасности: попробуй попади молотком по такому крохотному кружочку! А Петру Семеновичу хоть бы что. Он зажал в тиски новый кусок железа и весело объяснил:

— Конечно, так, как я, вы сразу рубить не сможете. Я даже думаю, что кое-кто из вас обязательно стукнет себе по руке и, может быть, ему будет больно. Так я сразу предупреждаю: аптечка вон, на столбе.

Все оглянулись и увидели, что на столбе-колонне действительно висит ящик с красным крестом на дверце.

— Так вот, в аптечке есть йод, бинты, но хочу вас

предупредить: на одних лекарствах далеко не уедешь. Нужно еще и научиться сдерживаться. Без такого умения рабочего человека не бывает.

Настроение упало. Как назло, солнце зашло за низкие, слоистые тучи, и большая пустоватая мастерская показалась не такой уж красивой. Многие ребята потупили глаза и стали интересоваться сверлильными станками и даже точилом. Мне, признаться, стало невесело. Если уж в этой мастерской заранее приготовили целую аптеку, да еще и повесили на самом видном месте, значит, работать здесь и потрудней и поопасней, чем в кузнице. А Иван Харитонович еще говорил, что это приготовительный класс.

Инструктор посмотрел на наши грустные лица и засмеялся:

— Что? Струсили? Да, братцы, это вам не голубей гонять! Это, милые мои, работа не для трусов. Здесь должны быть только смелые люди. Такие, что и в работе не испугаются и в бою не отступят...

Когда тебя заранее объявляют трусом, это очень обидно. И поэтому ребята осторожно, словно нехотя, опять собрались возле верстака.

— Я не думаю, — звонко, вызываяще сказал Женя Марков, — чтобы ваша работа воспитывала героев!

Петр Семенович очень серьезно посмотрел на Маркова и ответил:

— И правильно, что не думаешь. Рабочие профессии закаляют людей, учат их не только делать нужные вещи, но и быть мужественными, смелыми, уметь переносить трудности, жить и работать в коллективе, быть настоящими друзьями. А из труса рабочие профессии героя не сделают. Нет... Это ты правильно решил.

Разговор становился интересным. Женя понял, что инструктор подсмеивается над ним, и решил не сдаваться: он ведь упрямый.

— Я все-таки думаю, что для того, чтобы быть слесарем, нужно не очень многое. А вот чтобы стать инженером или артистом...

— Верно. Верно ты говоришь, — перебил его Петр Семенович. — Чтобы стать инженером, и в самом деле нужно побольше знать, чем знает слесарь. Верно! Но ведь я не об этом говорил.

— А о чем же? — искренне удивился Женька.

— А о том, что рабочей профессией может овладеть только настоящий человек. Не трус и не белоручка. И я говорил, что такая профессия помогает стать... настоящим человеком. Понятно?

— Нет! — вызывающе ответил Женька.

— Так я поясню. Настоящий человек — летчик Маресьев, прежде чем стать летчиком, тоже был рабочим человеком. Понял? А мы, слесаря, гордимся тем, что председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов — слесарь. Из Луганска. Понял? И секретарь Центрального Комитета нашей партии Хрущев — тоже слесарь. Из Донбасса. Понял? Как думаешь, где они свои характеры закаляли? А? На производстве, дорогой: на заводах, в шахте, среди рабочего класса — вот где они свои характеры оттачивали! Ну, а потом, ясно, учились. А закалку жизненную они вот здесь, — Петр Семенович похлопал рукой по тискам, — вот за такими самыми тисочками получали.

— Ну, знаете, — упрямо возразил Женька, — для таких людей прежде всего нужен талант.

— Конечно! Во всяком деле талант нужен. Понял? Вот ты, например, знаешь, как рубить железо с музыкальным сопровождением?.. Не знаешь? Ну, тогда посмотри!

Инструктор ударил по зубилу, потом опустил молоток на тиски и повернул его как-то так, что он издал сразу несколько звуков. В это же время Петр Семенович постучал зубилом по тисочным губкам. И все услышали, что зубило с молотком отбивают самую настоящую «Барыню», да еще и с перебором. Отбивают быстро, на разные голоса, ловко вторя друг другу.

Петр Семенович засмеялся:

— А теперь слушайте «Светит месяц».

И он с серьезным выражением лица сыграл на тисках «Светит месяц», а потом опять засмеялся.

— Вот, ребята, учитесь — на старости лет пригодится! Будете на сцене выступать, как артисты, — он подмигнул Женьке, — или в цирке. Там, знаете, и на пиле играют, и на бутылках, и вообще черт знает на чем. А вы будете на зубиле с молотком играть. Вот так-то! А вы говорите — талант! Талант — он всем нужен!

Мы, конечно, хохотали и смотрели на него, как на колдуна, и даже на Маркова не могли обижаться. Ведь Петр Семенович разбил не только Женьку, но и всех нас. Очень захотелось

закалить свой характер не где-нибудь, а именно за этими тисочками. А инструктор уже бегал по мастерской — живой, толстенький, поблескивающий лысиной и темными глазами навывате, и весело покрикивал:

— Начнем, ребятки! Время — деньги! Временем дорожить нужно!

Ну и началось! Конечно, все сначала попытались сыграть на тисках «Барыню» или хотя бы выбить дробь, но вместо этого сразу же набили пальцы. А Петру Семеновичу хоть бы что.

Он знай себе покрикивает:

— Довольно, музыканты! Команды «дробь выбивать» не было. У кого рука покалечена — беги в аптеку, если совесть позволяет.

Постепенно веселье прошло, и мы начали рубить.

Просто ужас какой-то! Целишься, целишься по зубилу... хлоп! — и по руке! Кто-то даже взвыл от боли, но все сразу закричали:

— Давай в аптеку!

— Скорую помощь!

Ну разве побежишь тут за йодом?

В общем, только на втором уроке дело пошло на лад, и я перерубил свою полоску железа. Смотрю, а девчонки мучаются. Я подошел к Луне и говорю:

— Давай я тебе покажу. Я уже кончил.

А она как фыркнет! Как кошка, честное слово!

— Нужен ты здесь, такой показчик! Опять шишку набьешь!

Я покраснел и ушел. Чего она на меня злится — просто не понимаю. Другие ребята помогали девчонкам, и те ничего, а эта никого не допустила. Неужели и она будет задаваться так же, как и Женька Марков?

А когда мы двинулись домой, оказалось, что она пошла другой дорогой.

Я так ничего и не понял...

В КОНЦЕ КОРИДОРА

Староста беспрерывно придирается ко мне — просто житья нет: «Громов, не кричи!», «Громов, не балуйся!», «Громов, ты что? Опять хулиганить собрался?» Я даже бегать перестал — хожу пешком, а она все равно придирается. Это надоело, и, когда мы оказались вдвоем в дальнем конце коридора, я прямо сказал:

— Знаешь, Алька, ты лучше не лезь! А то я не посмотрю, что ты девчонка и старо...

— Старостиха?.. — подсказала она совсем не сердито.

— Ладно тебе! Я не посмотрю, что ты староста и девчонка, и набыю тебе...

— Зубы? — совсем весело осведомилась она.

Она, оказывается, просто издевалась надо мной, просто смеялась. А за что? Почему... почему она так?

У меня неожиданно перехватило горло и зачесались глаза, но я, конечно, сдержался. Что бы с тобой ни происходило — не смей распускаться при девчонках, и я ответил:

— А ты думаешь как? Конечно... Что ж, думаешь, это по-товарищески — так придираться?

— Эх, ты... — обиженно протянула Аля.

— Что — я?

— Ничего! Просто ты — трус!

— Ты что, с ума сошла, что ли? — разозлился я.

— Ну, а кто же ты, как по-твоему? Сказали тебе, что ты мой ухажер, так ты назло стараешься показать, что все это неправда. Струсил! И хулиганишь и смеешься надо мной. А когда меня старостой выбрали, даже не подошел. Удрал! Конечно, ты трус! Настоящий трус!

Она выпалила все это одним духом, сверкая глазами, сжимая кулачки. Я сначала растерялся, потом как-то обмяк и даже как будто почувствовал себя виноватым, а потом тоже отчаянно разозлился и заорал:

— Значит, я трус?

— Трус! Трус! — почему-то шептала она и, должно быть, от злости прищуривала глаза.

— Ну, тогда получи! — крикнул я и ударил ее по уху. — Ничего и никого я не боюсь! Поняла?

Глаза у нее широко открылись, она побледнела, но лицо было уже не злое или обиженное, а скорее удивленное. Мы, наверное, целую минуту смотрели друг на друга. По моей спине забегали мурашки, а в животе стало холодно и пусто. Мне очень захотелось попросить у нее прощения, утешить, сказать, что ударил я почти нечаянно, потому что она сама меня довела до этого... Но я ничего не мог ни сказать, ни сделать. Я просто стоял и думал, что теперь мы с Луной настоящие враги. А мне этого очень не хотелось.

Аля, тоже ничего не говоря, вдруг повернулась, заревела и побежала. Мне хотелось броситься за ней, догнать и, может, тоже разреветься. Но ведь, что бы с тобой ни случилось, умей сдерживаться. И, когда я уже почти сдержался, ко мне подошел Чеснык и, глядя куда-то в сторону, несмело сказал:

— Олег... ты не думай... У меня такое положение...

Все, что было у меня в ту минуту на сердце, все перекипело в какую-то бешеную злобу, и я резко бросил:

— Плевать мне на твоё положение!

— Ну, Олег, — уже совсем покорно сказал Чеснык, — мне деньги нужны... У меня такое положение...

— Я у тебя деньги сразу брал?

— Не-ет... по частям.

— Ну вот по частям и отдавать буду! Иди отсюда!

Чеснык потоптался возле меня и вздохнул:

— Ты какой-то бешеный... Альку побил за что-то...

Я схватил его за гимнастерку и притянул к себе:

— Если ты хоть кому-нибудь скажешь, что ты это видел...

Понял?

Чеснык не сопротивлялся и не возмущался. Под его запавшими глазами залегли синие тени, нос обострился, и весь он был такой несчастный, такой загнанный, что мне даже бить его не захотелось.

Я просто оттолкнул Чесныка и уже почему-то без злости сказал:

— Иди, но смотри!..

Он горько усмехнулся:

— Что ж... промолчу. Я все время молчу... — Голос его дрогнул, и

на глазах навернулись слезы. — А если бы кто-нибудь знал мое положение...

Он махнул рукой и пошел к классу. Ноги у него странно подгибались и узкие плечи были опущены.

«Наверное, отец выпорол», — подумал я, и мне еще больше стало жалко себя, Алю, Чесныка. Но я опять сдержался и пошел в класс.

Луна уже не плакала. Она сидела на своей парте, рядом с Чесныком, и не смотрела на меня. Моя соседка, Надька Сердюкова, ехидно прошипела:

— Альку кто-то побил, а ты и заступиться не можешь...

— А хочешь, и тебя побью? — предложил я, и Надька испуганно отодвинулась на самый краешек парты.

На последнем уроке я сидел как на иголках — хотелось поскорее выйти из школы, догнать Алю в переулке и все по-честному рассказать ей. Мне же не хочется ссориться с ней! Никак не хочется! Все-таки она лучше всех девчонок из нашего класса.

Однако бежать в переулок не пришлось. В класс пришел высокий рыжеватый старшеклассник и сказал, что его зовут Аркадием и что комитет комсомола назначил его пионервожатым. Поэтому сразу после уроков начался пионерский сбор. Аркадий сообщил, что он любит коньки и вообще всякий спорт. Тогда мы предложили организовать хоккейную команду. Девчонки, правда, говорили, что лучше заняться фигурным катанием — это красиво, но мы все равно их перекричали и решили организовать команду. Потом надумали сходить на экскурсию на металлургический завод.

— Это, понимаете, ребята, очень важно, — сказал Аркадий. — Проходит настоящая политехнизация школ, а наша пионерская организация как-то в стороне от этого дела. Вот мы и начнем.

И мы решили, что начнем.

Потом просто разговаривали, и Аркадий рассказал, как они работали в колхозе. Оказывается, они убирали картошку. Им и норму давали, и соревнование они организовывали, и даже зарабатывали понемногу. Это, честное слово, просто интересно. Вожатый сказал, что и мы, когда будем в восьмом классе, тоже поедем на картошку или еще куда-нибудь.

— Там, ребята, здорово! — восхищался Аркадий. — Никто над

тобой не стоит, не командует. Живем прямо по хатам, у колхозников. Поработаем — танцы организуем, песни. А красота какая! Воздух! Я на будущий год ружье с собой возьму и поохочусь: дичи там уйма!

Сбор уже кончился, а мы все еще торчали возле Аркадия, который рассказывал о своем колхозном житье.

Так я и не заметил, как ушла Аля...

Глава 20

МЫ ПОКАТИЛИСЬ ВНИЗ

Несколько дней Луна гордо проходила мимо меня и не замечала, как я нарочно, назло, чтобы только она увидела, баловался и кричал. Она просто не смотрела на меня. Даже Юра Грабин заметил это и спросил:

— Что случилось?

— Не твое дело! — обрезал было я, но у Юры так смешно, обиженно и удивленно надулись губы, что я сейчас же поправился: — Ну, сам посуди, откуда я знаю! То придиралась, придиралась, а тут вдруг молчит.

— Да... — сочувственно покачал головой Юрка. — Дела, оказывается, серьезные.

Но почему они серьезные, не сказал. И я тоже не успел спросить, потому что нужно было идти в слесарную мастерскую. Но вместо работы Петр Семенович потребовал записывать в тетради не только сведения об инструменте и сверлильном станке, но и металловедение. А рассказывал он о железе и стали. Мы начали сердиться — не успеваем записывать, а он весело ответил:

— Как выяснилось, многие из вас мечтают стать студентами. Вот и приучайтесь к записыванию лекций. А чего не поняли — вот список литературы. Возьмите в библиотеке книги и учите. Мне же времени отпустили очень мало, и потому приходится торопиться.

Говорил он весело, но, видно, сердился: не забыл разговора на прошлых уроках. Да и мы его тоже не забыли.

В разгар записи Юра вдруг спросил:

— Петр Семенович, а кем лучше быть — слесарем или кузнецом?

Инструктор отложил свои конспекты и обиженно сказал:

— Понятно... Видно, Иван Харитонович провел с вами работку. Ну что ж. Я вам отвечу. Кузнец — очень почетная и интересная профессия. Но я хочу задать вам один вопрос: о тульском Левше вы слышали?

Большинство, конечно, слышало — и по радио и просто читало.

— Так вот и скажите мне, кто же был этот Левша — кузнец или слесарь?

Вначале стало даже смешно. Ведь ясно же сказано: Левша подковал заморскую блоху. Значит, он и его товарищ были ко́вали, то есть кузнецы.

— А вот и нет! — уже опять весело возразил инструктор. — Вспомните, что мастера заперлись в избе и даже ставни закрыли, чтобы никто их не видел. В избе! А не в кузне. Значит, горна у них не было. Станков у них тоже никаких не было. А подковы они все-таки точили. А Левша даже винты выточил и на них написал свое имя. Значит, все мастера были слесарями, потому что слесарь все может сделать. Вот ведь какое дело, ребята! И еще я хочу вам сказать: слесарная работа, конечно, невидная. Но там, где есть любая машина, хотя бы даже примус, — без слесаря не обойтись. Никак!.. А пока — за работу!

Он спрятал свои конспекты, облегченно вздохнул и роздал нам инструментальные марки. По этим маркам — алюминиевым кружочкам с номером посредине — мы получили инструменты: напильники, молотки, зубила, и работа закипела.

Когда кончили опиловку железных кусочков, Петр Семенович научил нас размечать эти заготовки, и я одним из первых сдал напильники и получил патрон, сверло и ручные тисочки. В тисочки я зажал пластинку, в патрон — сверло и пошел к сверлильному станку. Петр Семенович вроде и не смотрел на меня и все-таки спросил:

— Ты что, умеешь сверлить?

Мне казалось это очень простым делом, и я твердо ответил:

— Немного...

— Ну что ж, поучимся.

Инструктор собрал ребят и предложил посмотреть, как я буду

действовать. Мне сразу стало не по себе, но я все-таки вспомнил все, что он рассказывал о сверлильном станке, разыскал шпиндель, вставил в него патрон со сверлом и ручкой, попробовал, как поднимается и опускается этот самый шпиндель. Все было в порядке. Тогда я включил станок и осторожно опустил сверло на пластинку. Только нажал на рукоятку, а сверло и поползло по пластинке, оставляя за собой блестящую волнистую линию. Я и так и сяк — ничего не выходит: сверло ни за что не хочет вгрызаться в металл. Но никто из ребят даже не улыбнулся — все понимали, что такая история может случиться с каждым.

— Это получается потому, — сказал Петр Семенович, — что Громов забыл проделать одну операцию — кернение.

Он взял пластинку, вынул из кармана инструмент, похожий на толстый гвоздь, поставил его как раз посередине начерченного чертилкой отверстия и ударил по инструменту молотком. На металле осталась маленькая, как точка, впадинка.

— Вот теперь сверли.

Я опустил сверло как раз на точку и нажал на ручку. Сразу взвился дымок, запахло, как в кузне, жженым железом, и из сверла полезла стружка. Это было очень приятно, и я жал все сильнее и сильнее... Петр Семенович не мешал. Вдруг — крак! Тиски вырвались из рук, а сверло переломилось.

— А знаете, почему так случилось? — спросил неумолимый Петр Семенович. — Потому что Громов не знал, что сверлить нужно на дощечке и нажимать на сверло постепенно. Кроме того, он забыл охлаждать инструмент водой.

Мне было стыдно, я очень жалел о сломанном сверле и думал, что на этот раз ребята будут обязательно смеяться надо мной. Но все молчали. Один Петр Семенович был по-прежнему весел:

— Не было бы счастья, так несчастье помогло! Пойдемте к точилу. Я покажу, как затачивать сверла.

Он включил рубильник, и круглый ноздреватый камень завертелся и завыл. Петр Семенович прижал к его боку сверло, и нам на ноги брызнул целый сноп искр. Вспомнив кузницу, мы шарахнулись по сторонам.

Инструктор рассмеялся:

— В кузне обожглись на молоке, а здесь на воду дуете! Смотрите.

Он подставил под огненный сноп свою большую темную руку. Искры беспомощно гасли в ней. Аля тоже протянула было свою руку, но Петр Семенович предупредил:

— Бросьте, ребята! Это не игрушка. — Он кончил точить и, передавая мне патрон со сверлом, сказал: — А за то, что Громов один из первых кончил задание и не побоялся новой машины, ставлю ему первую отметку.

Он выписал в воздухе огромную пятерку и поставил возле нее точку. Я смутился и, наверное, покраснел. Вообще такая дурацкая, девчачья привычка: как чуть что — так и краснею.

Только я опять встал к сверлильному станку, как ко мне подошла Аля и тихонько — рядом стояли ребята — шепнула:

— Это ты тоже считаешь по-товарищески?

— А что? — страшно удивился я и бросил работу: нужно было разобраться, чего она хочет.

Луна потупилась:

— У меня ничего не получается, а ты даже не подойдешь.

И сейчас же повернулась и ушла. Я до того растерялся, что совсем забыл о станке.

Но ребята подняли крик:

— Освобождай станок!

— Если получил пятерку, так думаешь, что теперь все только для тебя!

Пришлось поднажать. Окончив сверловку, я подошел к Але. Рядом с ней, скрестив руки на груди, стоял мрачный Женька. Он сейчас же отвернулся и начал возиться у тисков.

Я не знал, с чего начать, боялся даже взглянуть на Алю. Мне казалось... хотя я даже не знаю, что мне казалось. Просто было боязно и радостно, хотелось попросить у нее прощения, и в то же время я не мог этого сделать — что-то мешало. Но что — я толком не знал.

Алька сама пришла мне на помощь. Она сказала так, как будто ничего не помнила, как будто между нами ничего не произошло:

— У меня не выходит, а ты даже подойти боишься.

И сейчас же искоса взглянула на меня — хитро и радостно, победно и в то же время как будто испуганно. Я опять совершенно растерялся и не знал, что сказать, что сделать. Эти девчонки всегда загонят в такой тупик, что и выбраться из него

невозможно.

— Ну чего ты сопишь? — насмешливо сказала Алька. — Помоги.

Нет, просить у нее прощения мне уже не хотелось, но и отойти от нее я тоже почему-то не мог. Я просто взялся за дело.

У Луны, оказывается, были только заготовки, даже не опиленные. А когда она взялась за напильник, я просто удивился: такая бойкая, смелая девчонка — и не умеет держать напильник! Мне стало смешно: чего, спрашивается, задаваться, если ничего не умеешь делать! И я уже с улыбкой начал показывать, как орудуют инструментом. Но вдруг оказалось, что напильник совсем не пилит. Елозит по металлу — и все. Вначале я растерялся, а потом пошел прямо к инструктору.

Тот осмотрел инструмент и сказал:

— Маслом перепачкали — вот и елозит.

— Удивительно! Чтобы машина двигалась лучше, ее обязательно смазывают маслом. Почему же напильнику это во вред?

— Почему? — громко переспросил Петр Семенович, и вокруг нас сейчас же собрались ребята. — Ведь что такое смазка? Тонкая пленочка масла между трущимися частями. Они скользят не друг по другу, а по этой пленочке. И у вас то же получается. Между железом и напильником образуется пленочка, и он скользит, а не режет металл.

В общем, не мастерская, а какой-то университет: каждые пять минут новые открытия. Пока я учил Алю действовать напильником, ей самой дела уже не осталось: заготовки были опилены. Она самым мирным образом улыбнулась, сказала: «Спасибо», и пошла сверлить.

Делать мне было нечего, и я задумался, стараясь разобраться, что же произошло с Алькой. Алька для меня была прямо-таки загадкой, и понять ее я не мог, и, как это ни странно, она от этого показалась еще лучше. Я вздохнул, отыскал брошенную кем-то заготовку и от скуки, чтобы хоть что-нибудь делать, зажал ее в тиски и разрубил. Во второй раз дело пошло лучше: по руке стукнул только один раз. Со скуки же начал опиливать ее, продолжая думать об Але. В это время ко мне подошел Чеснык и, глядя уже не так униженно, как недавно, спросил:

— Когда отдашь деньги? Мне вот как нужно! — Он провел ладонью по горлу.

У меня настроение было почти веселое, и я мягко ответил:

— Ну, Сашка, нет у меня сейчас денег. Будут — отдам.

— Когда это будет... — забурчал Чеснык. — Ты вот что: продай мне пластинки.

— Зачем они тебе? — удивился я.

— Пригодятся... В общем, дело не твое. Продай.

Это было даже смешно: учиться, учиться — и вдруг заработать деньги! Я сразу же прикинул, что успею сделать вторую пару пластинок, и спросил:

— А сколько дашь?

Чеснык повертел мои пластинки:

— Дал бы рубль, но ты вон сверлом их маленько испортил. И вообще они грязновато сделаны.

— Смотри-ка... «грязновато»! — обиделся я и вырвал пластинки из его рук. — Можешь не покупать!

— Ну, как хочешь... А то дам семьдесят пять копеек в счет долга. А лучше сделаешь — куплю по рублю.

Мне это сразу понравилось. Оказывается, можно расплатиться с частью долга совершенно честным путем. Но, прежде чем согласиться, я побежал к Нецветайло и Грабину. Они тоже кончили свою работу и теперь помогали девчонкам. Ребята не только сразу же поняли, в чем дело, и не испугались, но еще и отдали мне свои пластинки. Чеснык взял и эти две пары пластинок. Мой долг сразу уменьшился на два пятьдесят — Юркины он взял за рубль.

Мы немедленно решили сделать еще несколько пар пластинок. Я быстренько опилил заготовки и хотел было зачищать лицевую сторону, но подумал, что с этим всегда успеется. Разметил заготовку, накернил и побежал к Але:

— Будь другом, просверли заодно!

Она согласилась. А я побежал к тискам, но услышал крик у сверлильного станка.

— Сколько можно сверлить! — возмущалась Сердюкова, которой Нецветайло сделал заготовки. — Нам тоже нужно! Ведь третью пару делаешь...

Но Луну так сразу не смутишь. Она очень спокойно ответила:

— Чего ты, Надя, кричишь? Давай лучше я и тебе просверлю.

— Ой, правда? Алечка, милая, возьми! У меня ничего не получается.

Тут к ней пристроились и другие девчонки. И Аля стала покрикивать:

— Почему не размечено? Накернено плохо! Почему не опилили по размерам?

Как контролер. Удивительная она все-таки...

Петр Семенович несколько раз подходил к станку — прищурится, усмехнется и уйдет. Женя Марков тоже подошел и начал было ворчать: «Так делать нечестно». Но его прогнали: ведь он даже опилить заготовки не успел. Только стоит возле тисков и очень солидно хмурится. И руки на груди. Как Наполеон.

Нецветайло и Грабин тоже передали Альке свои заготовки, и она их просверлила.

А Петр Семенович только смеется:

— Молодец! Сразу видно — станочница! Быть ей бригадиром!

Урок подходил к концу, когда выяснилось, что у нас есть по три пары почти готовых пластинок. Выяснилось также, что Марков и еще двое — как раз те, которые в прошлый раз притащили справки об освобождении от труда — ничего не сделали.

Мы уже мыли руки, когда к Але подошел Петр Семенович и сказал:

— Вот что, сверловщица. Я тебе работать не мешал, но и убирать за тебя не хочу. Приходи-ка после уроков — убери станок как следует.

Юра Грабин не растерялся:

— Петр Семенович, разрешите и нам — мне, Громову и Нецветайло — тоже прийти поработать. А то мы не совсем закончили.

— И мне тоже! — попросил Чеснык.

Остальные ребята смотрели на нас с удивлением — первый раз кто-то оставался в школе на вполне добровольных началах, да еще не для того, чтобы побаловаться, а для работы.

Нам разрешили, и мы в тот же вечер придумали еще одно дело — разделили работу по операциям. Я опиливал верхнюю плоскость, Шура растачивал среднюю дыру для конечной защелки, а Юра шлифовал пластинки личным напильником и

делал на них кантики.

Пластинки вышли на славу. Петр Семенович, который возился возле второго сверлильного станка, похвалил нас и сказал, что всем ставит по пятерке. Даже Чесныку, который хоть работал и не с нами, но все-таки работал. Луна тоже получила пятерку, потому что она и еще какая-то девчонка из седьмого класса не только вычистили и смазали сверлильный станок, но еще и убрали в инструментальной кладовой.

Когда мы уходили домой, Петр Семенович пригласил нас приходить в мастерскую в любое время. Мы, ясно, пообещались. Если дело так пойдет дальше, то мы расплатимся с Чесныком еще до Октябрьских праздников.

Все было хорошо — даже первый утренний иней на крышах, сверкающий и веселый. Но мы не знали, что в этот день, как выяснилось позже, мы покатались вниз.

Глава 21

СОВЕРШЕННО НЕПОНЯТНОЕ

Утром меня разбудила мать, сунула под самый нос гимнастерку и с недобрым спокойствием сказала:

— Что это такое, я тебя спрашиваю?

Спросонья я не понял, в чем дело, и промычал:

— Гимнастерка...

— Я вижу, что это гимнастерка. Но на что она похожа?

— А на что... она похожа? — спросил я и отвернулся.

Могла бы, кажется, просто сказать, а не совать под нос и не кричать. И так все ясно...

— Ну... запачкалась...

— Это ты называешь — запачкалась? Она же просто как... сапуха.

Когда мать начинает вспоминать бабушкины слова — значит, дело плохо. Я и сам толком не знаю, что это за слово — сапуха. Но мать сейчас же уточнила:

— Сажей перемазался, что ли?

Ну, теперь понятно. Сапуха — это сажа. И я уже посмелее

сказал:

— Какой там сажей! В мастерских.

— Гм... в мастерских... Но ведь нужно все-таки быть поосторожней.

Мать сдавалась, и я уже совсем смело возразил:

— Ну, как ты не понимаешь, мам! Ведь там тиски, станки, напильники и везде машинное масло. Металл, одним словом. Неужели ты думаешь, что только один я вымазался? Спроси у всех ребят. И они так же...

Мать растерянно посмотрела на грязный подол светло-серой гимнастерки и озабоченно пожала плечами:

— Ну... фартук какой-нибудь нужно иметь. Ведь в таком виде просто неприлично появляться в школе.

— Почему — неприлично? — с гордостью спросил я. — Ведь все знают, что мы работаем в мастерских. А ты разве видела, чтобы рабочие, настоящие, с заводов, с работы ходили чистенькие?

— Ну знаешь! Хороший рабочий и на заводе будет чистым и опрятным. Просто вы еще свинята... — Она на минуту задумалась.

— Что-то я не все понимаю. Придется зайти в школу.

Мне сразу же вспомнилось, как мы решили не говорить родителям о фартуках или комбинезонах, нужных для уроков труда...

— Знаешь, мам, в школе уже думают.

— Что же там думают?

— А вот насчет наших гимнастеров. Фартуки, наверное, будут или комбинезоны. Нам скоро скажут.

Мать только недоверчиво взглянула на меня. Она вообще никогда не критикует школу или учителей. Вот бабушка — так та сейчас же начала бы ругаться.

В школе я рассказал об этом разговоре ребятам, и Шура Нецветаило поскреб в затылке:

— Верно, ребята, придется шить фартуки. Комбинезоны — дороже, да и вырастем из них.

Мы разошлись по партам очень огорченные: неужели и мы, как девчонки, будем носить фартучки? Смешно...

На первой же перемене Надя Сердюкова все время шепталась с подружками, хитро посматривая на нас, а на второй — подошла к Грабину и молча протянула ему шелковую ленточку. Юрка

выпучил глаза.

— Бери, Юрочка, пока я добрая, — сказала Надя и добавила, обращаясь к ребятам: — А завтра все девчонки подарят мальчикам свои ленточки.

От неожиданности мальчишки так растерялись, что даже кричать не стали. А Сердюкова ехидно пояснила:

— Ведь вы же фартучки собираетесь носить? А к фартучкам нужны и ленточки.

Девчонки начали хохотать и хлопать в ладоши: другого от них и ждать нечего. Оказывается, Сердюкова подслушала наш разговор и все разболтала.

Ну конечно, мы бросились лупить девчонок. Они подняли отчаянный визг, но почему-то почти не отбивались. Сильнее всех пищала Луна, которую я честно дубасил по спине.

Баловались мы всю перемену и еле успели усесться на места. Весь урок не могли без смеха смотреть на Юрку и на Сердюкову — они все время перебрасывались записочками. Перед самым концом урока их обоих выставили из класса. А когда началась перемена, появился Юрка. Он привязал к своему хохолку бантик, взял у Нади Сердюковой ее фартук и, подкатив длинные штанины форменных брюк, стал кривляться, показывая, как девчонки будут задаваться, когда и мальчишки наденут фартуки. Все, конечно, помирали со смеху, и девчонки стали колотить нас. А мы запищали так же, как пищали и они, но почему-то не давали им сдачи...

На последней переменке ко мне подошла Луна и, хитро посмеиваясь, предложила:

— Пойдем сегодня в мастерскую.

— А тебе там нечего делать...

— А вот и есть! Петр Семенович просил прийти. А вас?

Я нехотя протянул:

— И нас приглашал... Да я не знаю, как ребята...

— А ты без ребят сам решать не умеешь?

Я опешил, а Луна показала язык и убежала.

Очень хотелось назло Альке прийти в мастерскую одному, но это было бы не по-товарищески. Мы посоветовались и все-таки решили сразу же после уроков пойти в мастерскую.

— Знаешь, Олег, — сказал Юра, — давай нажмем как следует и

расплатимся с Чесныком.

— А может, деньгами... — точно предчувствуя несчастье, не очень уверенно ответил я. — Пластинками неудобно...

— Чудак! Во-первых, деньги всегда могут пригодиться, а во-вторых, это ж отличная практика. Я не знаю, как вам, а мне нравится в мастерской. — Он помолчал и добавил: — И отец советует: «Работай! Я, говорит, со слесарей начинал и не вижу в этом ничего плохого». Мудрый папаша!

Мы пришли в мастерскую и попросили у Петра Семеновича разрешения немного поработать. Он с подозрительной усмешкой спросил:

— Кому это вы пластинки делаете?

— Малышам, Петр Семенович, — не сморгнул Юрка. — А главное, просто интересно поработать.

— Ну-ну!

Когда мы разделись и вошли в мастерскую, там уже оказались Чеснык и Рудик Шабалин. Они тоже трудились над пластинками. Но наша троица сделала вид, что эти мастера нам незнакомы.

В тот вечер, опять разделив работу по операциям, мы сделали уже по две пары пластинок и отдали их Чесныку. Теперь мы были с ним в расчете. Потом помогли Але и еще какой-то девочке из седьмого класса вычистить второй сверлильный станок и все вместе пошли домой.

Первый раз за долгое время низкие серые тучи разошлись, и в светлом небе повисла необыкновенно чистая и потому очень яркая, полная луна. Лужицы подернулись первыми, необычно ранними ледяными иголками и тонко позванивали под ногами. Дышалось необыкновенно легко, и все было так красиво, что мы еще долго не могли разойтись по домам, а всё бродили и бродили по освещенным улицам, болтали всякую чепуху, а когда устали — начали мечтать. Я сказал, что обязательно буду авиаконструктором. Юра собирался стать кораблестроителем. Шуру, оказывается, интересовала металлургия. И только одна Луна сказала, что после школы она будет просто работать.

— Почему? — удивился Юра. — А учиться?

— Видишь ли, Юра, — очень серьезно ответила Аля, — у нас нет отца, и маме будет трудно воспитывать троих. Я ведь самая старшая.

— Ну и что же, что нет отца? — удивился Юрка. — Вон у Олега тоже нет отца, а он собирается учиться.

— У Олега отца нет совсем по-другому... — помрачнела Аля, и, как мы ни старались узнать, в чем у нее дело, она упрямо молчала, а потом вдруг сказала: — Вообще, конечно, и я буду учиться. Но только, наверное, на вечернем. А днем работать.

— Вот чудачка! — вставил Шура. — А мы, думаешь, тоже обязательно сразу после школы пойдем в институты? Важно то, кем ты хочешь быть.

— Конечно! — воскликнул Юра. — Важно стремиться к чему-нибудь. А как этого добиться — потом будет ясно. Нам же еще почти пять лет учиться!

И мы задумались. Подумать только — пять лет! Но, признаться, я над этим думал очень недолго — жалел Алю. Видно, не сладко ей живется.

Да, жизнь гораздо сложнее, чем иногда кажется.

Понятно, что я ничего не сказал ей об этом, но, когда мы расстались, пожалел. Нужно было сказать ей, что у нее есть верный и надежный друг, который всегда, в самую трудную минуту, ей поможет. И пусть она не волнуется, а только учится... А я...

Я еще долго ходил по залитым луной улицам — странно тихим, светлым и как будто ненастоящим — и мечтал, мечтал...

Только на пороге своего дома я подумал, что мне наверняка достанется, и по привычке стал было придумывать причину для оправдания, но потом сказал сам себе: «А вот не буду врать! Скажу все, как было».

Мать сидела за столом с шитьем в руках и подозрительно спросила, где я был и хочу ли есть.

— Работал в мастерской, потом вчетвером просто бродили по улицам — очень хорошая погода и хотелось поговорить... А есть я очень хочу.

Мать уже не подозрительно, а озабоченно посмотрела на меня, потом улыбнулась:

— Погода и в самом деле отличная. Только ты, пожалуйста, когда задерживаешься, забеги домой и предупреди. А то ведь я волнуюсь.

Глаза у нее блестели как-то так, что мне вспомнилась Аля.

Не знаю, сколько времени мы молчали.

Стало удивительно хорошо и в то же время как будто грустно. Сам не знаю, как это получилось, но я подошел к матери сзади, обнял ее и поцеловал. Мать чуть откинулась, прижалась ко мне спиной и больше не шевелилась.

Не знаю, сколько времени мы молчали, но потом мать встала и повернулась ко мне лицом. Я мельком взглянул на нее. Глаза у нее были красные, а ресницы слиплись от слез.

— Что с тобой, мам? — испугался я.

Она ни с того ни с сего обхватила меня и давай целовать и приговаривать:

— Ты ничего не понимаешь, Олежка, ничего! Иногда ты мне кажешься уже взрослым, а иногда совсем ребенком...

Терпеть не могу этих нежностей! Ребеночек... Я вывернулся из-под ее руки и спросил, что она шьет.

— Это старый отцовский комбинезон. Думала, что он никому не пригодится... А вот, оказывается, нужен сыну.

У нее на глазах опять навернулись слезы, но она почему-то засмеялась и стала собирать на стол.

А я молчал и ничего не понимал — еще никогда в жизни со мной не творилось такого... совершенно непонятного.

Глава 22

МУЖСКОЕ СЛОВО

У нас уже почти все знают свои отметки за первую четверть.

Из нашей троицы хуже всех дела у меня: полно троек и по поведению четверка. У Нецветаило тройки, четверки и пятерки; а у Грабина нет даже троечки. Удивительный он парень — как будто легкомысленный, всегда веселый, а учится хорошо. И все учителя говорят, что он может быть отличником. У Али и у Жени тоже нет троек, а вот у Чесныка четыре двойки.

Елена Ивановна прямо спросила у него:

— Неужели ты, Петренко, хочешь остаться на третий год?

Саша промолчал и отвернулся. В классе он ни с кем не дружит и всем чужой. Как я когда-то. Парень он странный: то задиристый, а то трусливый и будто загнанный. Ну что ж, если бы он был

настоящим товарищем, я бы, может, и посочувствовал ему, а раз он так поступил со мной — пусть пеняет на себя.

В тот самый день, когда Елена Ивановна читала нам отметки, меня вдруг вызвали в канцелярию. Известно, что за хорошим в канцелярию не вызывают, и потому шел я туда маленькими шажками.

Вошел. Сидит Дмитрий Алексеевич и смотрит на меня. Я стою и на него смотрю.

Он спрашивает:

— Ты от кого-нибудь деньги ждешь?

— Н-нет...

В самом деле, кто мне может прислать деньги?

— Так. А гражданина Петрова ты знаешь?

Я думал, думал и честно ответил:

— Понятия не имею.

Тут только я заметил, что в стороне сидит пожилая женщина с кирзовой хозяйственной сумкой, в стареньком платке и в шинели с синими кантиками. Она вздохнула и укоризненно сказала:

— Ведь, наверное, взрослый человек деньги посылал, а вот все наперепутал!

— Пойдите... — остановил ее Дмитрий Алексеевич. — Ты вспомни как следует, Громов. Может быть, у тебя есть какой-нибудь родственник или знакомый Михаил Андреевич Петров? С парохода «Антон Чехов».

— Дядя Миша! — крикнул я.

— Ну вот видишь! — улыбнулся директор. — Он прислал тебе деньги. Распишись и получи.

Он протянул мне перевод, я посмотрел на него и понял, что дядя Миша не забыл своего слова и прислал мне ровно столько, сколько я был должен Чесныку — сорок пять рублей. Пока я расписывался в переводе, а женщина вытаскивала из сумки трехрублевые бумажки и считала их, я ни о чем не думал. Просто радовался и чувствовал себя очень солидным. Первый раз в жизни, как настоящий взрослый человек, я получал деньги. В перевод даже вписали номер моего ученического билета, как будто это был настоящий паспорт.

Но когда я пришел в класс и сел за парту, то подумал, что деньги мне теперь не нужны. С Чесныком все кончено. Правда, я

был должен ребятам за пластинки, но ведь и с ними можно было расплатиться постепенно.

Вначале я решил, что просто возвращу деньги, но сейчас же вспомнил, что не знаю дяди Мишиного адреса. Я вынул врученный почтальоном талончик и увидел, что на нем, кроме обратного адреса, есть еще и письмо.

«Здравствуй, Олег!

Мужское слово я сдержал — можешь поправить свои дела. Так, чтобы больше о них не вспоминать. Только и ты помни о своем мужском слове — не снимайся с якоря. И не благодари меня. Все, кажется, складывается так, что благодарить придется мне тебя. По этому адресу не пиши — уйду в последний рейс. Скоро увидимся. Дядя Миша».

Значит, если бы даже я и захотел, то все равно не смог бы возвратить эти деньги.

На перемене я попробовал расплатиться с ребятами, но они отказались.

— Олег, чудак! — сказал Юра. — Да если моя мать узнает, что у меня появились деньги из неизвестных поступлений, она же мне своих больше никогда не даст.

— Не узнает!

— Ну да! Еще как узнает! Их же все равно тратить нужно. Вот тут-то она пристанет, и все ей расскажешь. И вообще, помогали мы тебе не для заработка.

Я задумался. А что, если мать увидит у меня сразу сорок пять рублей? Мне ведь тоже не поздоровится. И мы решили спрятать деньги до тех пор, пока не приедет дядя Миша. Он же пишет: «Скоро увидимся». Я, правда, подумал: «А если он не приедет, то деньги пригодятся мне на дорогу. Ведь все может быть...»

Но ребята отказались прятать деньги у себя.

— Знаешь, как родители следят? Мать начнет убираться — может найти.

— Ну, а если в книжку? — предложил я.

— У меня отец все мои книжки читает, — сказал Юра Грабин. — Особенно приключенческие.

Положение было трудное, но выход нашел Шура:

— Знаете что? Нужно отдать деньги Альке. Она их сбережет. Она девчонка правильная. Даже если у нее мать и найдет, так ей

ничего не будет: она же староста. Скажет, что на сохранение отдали.

Так мы и решили. Я честно рассказал Луне, как мне достались эти деньги, и она сразу же согласилась спрятать их. Мы завернули их вместе с корешком перевода в бумажку, и Аля забрала пакетик.

Если бы я знал, что из этого получится, я бы никому ничего не говорил об этих деньгах. Но разве все узнаешь заранее?

И мы опять, как всегда, вчетвером, пошли домой, не подозревая, что надвигаются грозные события.

Глава 23

ГРОЗНЫЕ СОБЫТИЯ

Они произошли на последнем перед праздником уроке труда. Почти все ребята делали второе задание — опиливали болты и гайки к ним, а Шура Нецветайло уже начал нарезать гайку метчиками, а болт — клупиком с раздвижными плашками. Я как раз подошел к нему посмотреть, как это делается. Тут же стоял Петр Семенович, ребята, а с ними и Женя Марков.

Инструктор спросил:

— Марков, а когда же ты сдашь свою первую работу? Неужели еще не кончил?

— Нет, зачем же, Петр Семенович! — с достоинством ответил Женя и протянул ему пару блестящих пластинок. — Вот они!

Ну, понятно, всем интересно было посмотреть, что смастерил Женька, потому что он почти все время либо бродил по мастерской, либо стоял возле тисков, ничего не делая.

Когда я посмотрел на его работу, то просто остолбенел. Это были явно мои пластинки — те самые, первые, с блестящими волнистыми полосками от сверла. Я недоумевающе покосился на Женьку, но он даже глазом не моргнул. Ребята тоже удивились, не понимая, как мои пластинки попали к Маркову. Мы переглянулись.

— Петренко! Иди посмотри, какие замечательные пластинки у Маркова! — крикнул Юра Грабин и в упор, с издевкой взглянул на Женю.

Но Женя опять даже глазом не моргнул. Или у него выдержка такая, или здесь была тайна. Зато Чеснык, едва взглянув на пластинки, побелел как полотно. Даже конопатки на его остреньком носу покоричневели.

— Правда, хорошо? — опять спросил Юра, и, как всегда, когда он задает каверзные вопросы, глаза у него были до того правдивые, что Шура Нецветайло как-то странно подался вперед, вобрал свою большую лобастую голову в широкие плечи и сердито покраснел.

Чеснык посмотрел на него и пролепетал:

— Ребята, это не я...

Петр Семенович молчал и внимательно нас разглядывал. Но мы, поняв, что Чеснык продавал пластинки вот таким белоручкам, которые хотели зарабатывать хорошие отметки чужим трудом, были так возмущены, что уже не обращали на него никакого внимания. Мы с отвращением и злостью смотрели то на Чесныка, то на Маркова, а Грабин, как хороший следователь, вел допрос.

— Возможно, — сказал он Чесныку. — Но тогда кто?

— Я не знаю... ребята...

— Хорошо. Тогда этот мистер скажет нам, — кивнул Юра на Маркова, — где он приобрел эти великолепные пластинки, за которые один наш товарищ уже получил пятерку.

— Я не понимаю тебя, Грабин, — пожал плечами Женя.

— Ну что ж тут непонятного? Где ты купил эти пластинки и сколько заплатил за них?

— Я? Я их не покупал! — твердо ответил Женька Марков, но глаза все-таки отвел.

— Пойдите, ребята... — нерешительно вмешался Петр Семенович. — А почему вы думаете, что он их купил? Может быть, он их сам сделал? Ведь они действительно сработаны... неважно.

— Петр Семенович, — ответил Юра, — а ведь вы за них уже ставили пятерку!

— Не может быть! За эту работу? Я? Кому? — вдруг взорвался инструктор.

— Громову. И — вы! — твердо сказал Юра.

Петр Семенович обалдело посмотрел на меня и на невозмутимого Юрку. Потом погладил свое блестящее темя, и оно сразу заблестело еще сильнее, потому что рука у мастера была в

масле, которым смазывались метчики.

— Верно, — сказал Петр Семенович. — Громову я поставил пятерку. Но ведь я ставил не столько за качество работы, сколько за то, что он первый кончил ее и, значит, овладел инструментом... — Потом он вдруг встрепенулся и спросил: — А откуда известно, что пластинки делал Громов?.. Это ты делал, Громов?

Я кивнул головой.

— А как ты докажешь?

Пришлось напомнить ему историю с кернением, и он сразу же вспомнил, как получилась волнистая полоска от сверла.

Женя понял, что погиб, и хотел было уйти, но Петр Семенович в бешенстве спросил у него:

— Ну отвечай же товарищам! Где купил и сколько заплатил?

— Я не обязан отвечать на их глупые вопросы! — резко ответил Женька.

— Вот как?.. А что вы скажете по этому вопросу, ребята?

Я не хотел врать, не хотел путать и прямо сказал, что отдал их Чесныку. А куда он их дел — не знаю.

— А что скажет товарищ Петренко?

— В общем, так... Я взял, потом отдал еще одному... Сменял, в общем.

— А точнее — кому, когда, где?

Чеснык лепетал, выворачивался, краснел и бледнел.

Тогда не выдержал Шура Нецветаило:

— Ну вот что, тезка: ты лучше отвечай, а то я с тобой потом поговорю.

Чеснык сразу скис и начал тянуть: «Ну что вы, ребята», — а потом все-таки признался, что пластинки были проданы одному деду на базаре.

Так постепенно все открылось. Петр Семенович кричал, что никогда не думал, что он, старый мастер, будет воспитывать «всяких мистеров» (и зачем только Юра вставил это слово!), бизнесменов, что от работы с такой грязной публикой он отказывается, и, наконец, потребовал сказать, у кого еще Чеснык покупал пластинки. И тут всех удивил Рудик Шабалин. Он сам вышел и сказал, что тоже продавал ему свои пластинки. Остальные молчали.

— Тоже зарабатывал, значит? — насмешливо спросил Женька

и отвернулся.

— Хорошо ли, плохо ли мы поступили — дело десятое. Но мы свое продавали. Понял? Свое! Сами сделали и сами продали. А ты? — возмущался Шабалин. — На чужом горбу в отличники ехать собрался? За рубль-целковый решил пятерку получить? Вот ты и есть настоящий бизнесмен! Понял? Настоящий капиталист!

Все молчали.

Молчали потому, что получилось действительно очень плохо. Хуже некуда. И тут явно пахло настоящим капиталистом. Мы прямо-таки ощущали его отвратительный запах.

Чеснык стоял молча, совершенно убитый и уничтоженный. Мы тоже старались не смотреть в глаза товарищам, которые в упор разглядывали нас и Женьку. Он не выдержал этих пристальных взглядов и смутился. Юра сразу это почувствовал.

— А все-таки, мистер, — спросил он, — сколько же вы заплатили за эту продукцию нашей фирмы?

— Я их не покупал, — глухо ответил Женька.

Мальчишки, словно собираясь драться, подались вперед, а кто-то из девчонок ахнул. Марков поднял на нас глаза и, прижав руки к груди, точно защищаясь, жалобно и быстро сказал:

— Честное слово, я не покупал! А мама заплатила на базаре три рубля.

Даже Чеснык ахнул, а не то что мы. Так вот, значит, как ценится наш простой школьный труд! Так вот, значит, как на нас зарабатывают! Выходит, Петр Семенович правильно сказал, что мы — грязная публика: и сами наживаемся и на нас наживаются.

— Постой, Марков, — растерянно спросил Петр Семенович, — зачем же мать покупала пластинки? Для тебя?

— Петр Семенович... Петр Семенович, видите ли... — Женя, все так же прижимая руки к груди, страшно волновался и говорил, проглатывая слова: — И отец и мать у меня врачи. Папа — хирург. И они хотят, чтобы я тоже стал врачом. Хирургом. И я хочу. Очень хочу! Если бы вы знали, как это здорово — спасти жизнь людям! Я видел! Я знаю, как приходят люди и благодарят папу. Я тоже хочу быть таким. А ведь для хирурга важны руки. Прежде всего очень хорошие руки. Он же руками делает операцию. В теле человека. Вот! А я, когда рубил заготовку, раз пять ударил по руке молотком. И она у меня вздулась. А дома мама сказала, что так

можно навсегда испортить руки, и поэтому мне не нужно работать в мастерской. Но потому, что за уроки труда все-таки ставят отметку, то... значит... вот мама и купила... Чтобы я сдал, как будто я сам сделал.

Женя явно не врал. Мы стояли как ошалелые и молчали. Только безжалостный Грабин, недоумевающе осмотрев пластинку, строго отметил:

— А по-моему, Марков, ты напрасно мать в это дело путаешь.

— Напрасно... — тяжело вздохнул Чеснык. — Она у него хорошая.

— Вот видишь! Ты лучше честно скажи: сам, дескать, покупал.

— Я честно, товарищи... — прошептал Женька. — Правда, это мать купила. Зачем мне врать?

Юра склонил голову набок и прищурил глаза:

— Если бы это покупала твоя мать, она, наверное, выбрала бы хорошие пластинки. Самые лучшие. Чтобы ты пятерку получил. А она почему-то купила... с браком. За такие, сам слышал, Петр Семенович пятерки не ставит.

— Вот-вот! — обрадовался Марков. — Я ей то же самое сказал. А она ответила, что так нужно.

— Почему? — заинтересовался Петр Семенович.

— А потому, что никто бы не поверил, что я сделал отличные пластинки. А такие... неважные... вы бы поверили.

Мне, конечно, было обидно, когда мои пластинки называли неважными, но приходилось молчать. Молчали и все остальные. Да и что говорить?

Глава 24

НАШЕ ДЕЛО ТРУБА

И в этой грустной тишине слышались всхлипывания. Все оглянулись. Возле сверлильного станка плакала Аля Петрова. Мы втроем, как нам самим было ни тяжело, сразу бросились к ней. Ребята расступились, и мы, окружив станок, начали успокаивать Луну. Но она ведь какая-то странная: вместо того чтобы успокоиться, вдруг закричала вроде бы на всех нас, но прямо мне в

лицо:

— Значит, я вам сверлила пластинки на продажу? Да? Значит, вы не товарищи, а икс... эксплуататоры? Да? Значит, вот какие деньги вы получаете? Да?

— Алька, Аля... — пытался успокоить ее Юра.

— Что — Аля? Ну что? Смотреть на вас противно! Как вы низко скатились, как низко!

Она еще долго упрекала нас. Наконец Шурке это надоело. Он взял ее за плечи и встряхнул как следует.

— Ну хватит! Слышишь? Мы не ввали. Деньги — правильные.

— Там даже корешок от перевода лежит, — сказал я. — Сама посмотри.

— Нужен мне ваш корешок! Я сейчас... сейчас же принесу эти деньги! Делайте с ними что хотите! Хоть лавочку открывайте!

Шурка тряхнул ее еще раз:

— Ну, без паники! Понятно? Мы ведь тоже денег не получали.

— Вы... вы... А вот этот... — кивнула она на меня, вырвалась и побежала из мастерской.

Нецветайло посмотрел ей вслед и буркнул:

— Сейчас притащит деньги.

— М-да, — хладнокровно сказал Юра, — нервная девушка. — И добавил: — Теперь нам двоечку по поведению выведут. Интересная отметка, нужно сказать.

— Что же в ней интересного? — недовольно спросил Шура.

— Ну, прежде всего эта отметка прямо-таки примечательная. Ни у кого в школе такой не будет. Только у нас. Да еще, может, у Чесныка. — Он усмехнулся. — На этот раз он не вывернулся. А вот Женечка и тут выкрутился. На мамочку все списал.

Пока он говорил, к нам подошли Рудик и Чеснык. Они тоже сказали, что наше дело труба.

Так мы и стояли: весь класс вокруг Петра Семеновича, а мы возле сверлильного станка — Алькиного станка, как его уже начали называть в классе, потому что она за ним все время ухаживала.

Петр Семенович вынул часы, посмотрел на них, покачал головой и сказал:

— До перемены пятнадцать минут. Можете собираться. Я должен подумать обо всем как следует.

Так мы и ушли. Весь класс впереди, а мы, впятером, — позади. А в стороне — Марков, бледный, вытянувшийся и какой-то худой.

Урок ботаники прошел так хорошо, что Альфред Петрович даже удивился:

— Просто подменили класс — такая тишина!

Но перед последним уроком началась буря. Первым влетел в класс наш вожатый Аркадий и предупредил, что после занятий будет внеочередной сбор отряда. Потом пришла Елена Ивановна и сказала, что после уроков состоится классное собрание. За ней явилась завуч и потребовала, чтобы мы не расходились — ей нужно выяснить ряд вопросов. Потом пришел директор, посмотрел на нас, вздохнул и, ничего не сказав, ушел.

После уроков мы долго сидели на своих местах и разговаривали шепотом, словно возле тяжелобольного. Наконец пришел Аркадий и предупредил, что сбор отряда переносится на завтра или послезавтра. За ним явилась завуч и сообщила, что она поговорит с нами завтра или послезавтра, как только выяснит ряд вопросов. Потом заглянула Елена Ивановна:

— Классного собрания не будет. Всем разойтись, а вам, пятерым — «гопкомпании», остаться.

В классе было необыкновенно просторно и гулко. Женя и Чеснык, сгорбившись, сидели на своих местах, а мы втроем втиснулись на одну парту, но даже не разговаривали, а просто вздыхали. И, хотя было очень тихо, мы не заметили, как вошел Дмитрий Алексеевич и сказал, чтобы завтра в школу пришли наши родители. Он сердито смотрел на нас, когда мы, стараясь не шуметь, собирали портфели, провел рукой по своим волнистым волосам, невесело усмехнулся и буркнул:

— Хотя... пусть пока не приходят.

Мы двинулись домой, не зная, хорошо обернулось дело или плохо.

Юра сказал:

— А ведь Алька деньги так и не принесла.

Ему никто не ответил: не до этого было. И я не обижался на Алю. Я радовался, что хоть мать пока не вызывают. Ясно, что ее вызовут, но всегда приятней, когда это делается не сразу.

Но оказалось, что мать все уже знала. И даже больше, чем я мог предполагать.

Когда я вошел и поздоровался с ней, она молча протянула мне бумажку, в которой были завернуты сорок пять рублей и корешок перевода. Я спросил:

— Это Алька принесла?

— Нет! — покачала головой мать. — Это принесла ее мама.

Никогда я еще не видел свою мать такой. Нет, она не плакала — она была просто осунувшейся и страшно усталой. Никаких слов я не находил, и мы долго молчали.

Потом мать сказала:

— Ты уже не маленький, Алик, и я должна сказать тебе правду. Дядя Миша, который прислал тебе деньги, — это отец Алевтины Петровой. Понимаешь?

Я ничего не понимал, потому что никакой Алевтины не знал.

— Ты не понимаешь меня? Ну — Али Петровой.

Я, должно быть, дернулся, потому что мать устало подняла руку:

— Подожди. Он поступил очень нехорошо, потому что бросил не только Алю, но и ее младших братишек. Словом, сбежал от семьи. Понимаешь? (Честно говоря, в ту минуту я еще ничего не понимал, хотя почему-то обрадовался, что дядя Миша — Алин отец.) Так вот, Алина мама увидела этот перевод у дочери, сразу узнала почерк дяди Миши и принесла перевод мне. Аля рассказала ей все, что знала. Потом... я должна сказать тебе об этом, ты не маленький... она наговорила мне очень много неприятных вещей. Но я не обижаюсь на нее, потому что знаю — ей очень тяжело. И ей и Але. Понимаешь?

— Да, мама. Но ведь я могу рассказать ей, как все было. Она... она просто не имела права обижать тебя. Ведь ты же не знаешь ни дядю Мишу, ни то, как все это получилось.

— Правильно. Но ей об этом сейчас рассказывать не к чему. Ты Расскажи мне, как познакомился с дядей Мишей и почему он прислал тебе деньги.

Все свалилось как-то сразу. В эту минуту я не мог как следует ни в чем разобраться, а мама была так не похожа на себя, что я вдруг... Ну, в общем, чего теперь скрывать: я разревелся и постепенно рассказал ей о своем решении уехать на Дальний Восток. А она... она стояла все так же ровно и строго смотрела на меня странным, тяжелым взглядом.

— Может быть, ты и прав... — наконец глухо сказала она. — Может быть, я и не должна была уезжать с Востока... Но мне, Алик, тогда было очень тяжело. И я сдалась. А выходит, я не имела права сдаваться, потому что, даже мертвый, отец нужен тебе. Что ж... давай сделаем так. Я уволюсь с работы, и мы поедем жить в наш старый гарнизон. Хорошо?

Я никогда не думал, что она может так решить, и жалел ее. Но заговорил я о другом. Я сказал, что все равно отомщу Алиной матери.

— Ты не смеешь этого говорить, — ответила мать все так же ровно и спокойно. — Ты сам во всем виноват. Ты подумай, сколько горя ты причинил всем — и из-за чего? Из-за своей слабости, из-за того, что не говорил правду. Пусть самую горькую, самую противную, но правду. Разве я не смогла бы уплатить твой долг? Разве я не смогла бы помочь тебе в остальном? Ведь когда ты пожалел того противного старика спекулянта, я же не спорила с тобой, хотя и не одобряла тебя. Подумай над всем этим как следует. А сейчас я тебя прошу только об одном: никому ничего не говори о том, что у нас была Алина мать. Я верю, что все выяснится, и тогда ей самой будет неудобно.

Конечно, я пообещался молчать и всю ночь думал, стараясь разобраться в происшедшем. Честно вспоминал все события, критиковал себя, но все-таки получилось так, что все мои несчастья начались с маленького — с того, что я проигрался в «орла». Вернее, потому, что потерялся счастливый пятак, а может быть... Так я и не додумал до конца — заснул.

Глава 25

ЭКСКУРСИЯ НА ЗАВОД

Занятия в школе шли своим чередом, и все делали вид, будто ничего не произошло. Мы молчим, и учителя молчат. Только Елена Ивановна сказала мне как-то:

— Что ты мне все в глаза заглядываешь? Ты лучше на себя посмотри. Ведь хороший ты, в общем, парень, а вечно попадаешь в какие-нибудь глупые истории...

С этого дня я старался не смотреть на учителей.

После истории с переводом я не разговаривал с Луной. Да и она сама все делала так, чтобы не столкнуться со мной даже случайно. Смешно: учимся в одном классе, а получается так, будто живем в разных городах. Но я все равно был тверд и даже виду не показывал, что у меня опять неприятности.

— Сбор отряда проведем по плану, — сказал как-то Аркадий. — А в плане — экскурсия на завод.

На экскурсию мы собрались в половине восьмого утра. С непривычки все зевали, а у Жени Маркова правая щека была в рубцах от подушки — видно, чуть не проспал. На завод приехали в разгар работы. Нам дали провожатого, и мы пошли по цехам.

Это было удивительно здорово и очень интересно! Особенно у мартенов. И в бандажном. Да и на трубопрокатных станах. Словом — везде. Видно, Иван Харитонович правильно говорил, что настоящие рабочие имеют дело с горячим металлом.

Мы видели, как в мартен заваливают железный лом. Только здесь этот лом называют ломью, потому что лом — это такой железный толстый прут, острый на конце, которым скалывают лед или долбят землю. А ломь, оказывается, — это металлические обломки.

Когда ломь смешивают со всякими добавками, получается шихта. Так вот эту самую шихту вначале ссыпают в такие большие железные ящики и ставят на стеллажи. А перед мартеновскими печами ездит завалочная машина с хоботом. Этим хоботом она берет ящик с шихтой, просовывает его в пышущее огнем окно печи, там переворачивает и уже пустым опять ставит на стеллаж. Не машина, а умный слон.

Сталевары и их подручные лопатами швыряют в печь всякий камень — известняк, доломит, марганец. И все эти камни называются флюсами. Просто удивительно: когда щеку раздует — флюс, и когда в мартеновскую печь, как в кастрюлю, кидают всякие приправы — тоже, оказывается, флюс!

Тут случилось интересное дело. Один сталевар так увлекся, показывая нам свою печь, что забыл следить за ней.

А мастер ему кричит:

— Гречихин, капли поплыли!

Сталевар бросился к печи. Мы — за ним. Но ведь в печь, как и

на солнце, не взглянешь. Сталевары смотрят туда через такие синие очки или стеклышки. Нам тоже дали очки, и я сам увидел, что на самом верху свода печи висят большие светло-розовые капли. Оказывается, это оплавлялся кирпич. Специальный огнеупорный кирпич — а плавится, как лед, потому что температура в печи бывает около двух тысяч градусов. И только она станет повышаться больше чем нужно, как на своде показываются кирпичные капли. Если недоглядеть вовремя, можно сжечь свод и вывести печь из строя. И вот что интересно: кругом масса приборов, а сталевару все равно нужно следить за печью не только по приборам, но еще и своими глазами.

А что сказать о шихте и флюсе? Они быстро расплавляются в этой адской печи и начинают кипеть — пузырями, будто молоко. Жалко, что мы не посмотрели, как выпускается сталь, — плавка заканчивается через несколько часов после завалки шихты в печь. Но зато мы видели, как из металлических форм — изложниц — вынимали слитки стали и передавали в другие печи. Там их снова раскаливали и специальным краном подавали на гидравлический пресс.

Вот махина!

Стоит ему только нажать на раскаленный слиток, как тот превращается в плюшку. Потом прессовщики подкладывают особые формы, и пресс делает в плюшке дыру — получается бублик. Этот стальной неровный бублик подается на бандажный стан.

Стан ничего особенного собой не представляет — просто три колеса. Два вращаются и движутся в разные стороны, а одно стоит на месте. Те колеса, что движутся, растягивают толстенный стальной бублик. Он тоже крутится и постепенно становится сначала темно-розовым, потом вишневым и, наконец, багровым. Пока меняются эти цвета, бублик все растягивается, делается тоньше и наконец превращается в ровную, красивую, с кантиком на краях баранку. Теперь эта баранка называется уже бандажом. Потом, на другом заводе, в него вставят спицы, и бандаж станет вагонным колесом.

Меня так удивили эти могучие машины, которыми командовали спокойные, ловкие люди, что я простоял у бандажного стана очень долго и не заметил, как наша группа

собралась уходить. Меня окликнули, я подбежал к ребятам и сразу увидел, что Шуры Нецветайло и Али Петровой с ребятами не было. Я спросил у Грабина, куда они делись. Тот обиженно усмехнулся:

— У них, видишь ли, родилась идея... — И пояснил: — Шуркина мать работает на этом заводе, и она что-то ему посоветовала. Вот Шурка со старостихой и побежали проверять этот совет.

Мне стало очень обидно: почему же он мне ничего не сказал? Но я сейчас же вспомнил, что, когда мы еще стояли возле школы и спросонья зевали, Нецветайло, кажется, говорил, будто он что-то не то сам придумал, не то ему мать подсказала, и он решил все это проверить. Но я тогда смотрел только на Алю. Мне было очень неприятно, что наша дружба кончилась так глупо. Я несколько раз хотел поговорить с Луной, но, когда встречался с ней взглядом, она гордо поджимала свои яркие губы, вскидывала голову и, потряхивая косичками-крендельками, отходила в сторону.

Шура буркнул:

«Тебе неинтересно, что я рассказываю?»

«Не в этом дело», — ответил я.

«Нет, в этом! Ты какой-то...» — Махнув рукой, Нецветайло подошел к Але.

Я подойти к ней, конечно, не мог. Не буду же я заискивать перед девчонкой! А тут появился Аркадий, и мы пошли на трамвай.

И вот теперь Шура и Луна делают что-то вместе, а я ничего не знаю.

Из бандажного цеха мы пошли в трубопрокатный и смотрели, как из станов с грохотом вылетают тонкие трубы. Но мне почему-то показалось это не очень интересным. Да мы вскоре и ушли с завода. Нецветайло и Петрова появились только на втором уроке — оба радостные и немного смущенные. А на третьем уроке их зачем-то вызвали к директору.

Когда они вернулись, все стали приставать к ним, чтобы они рассказали о своих делах. Но они молчали, причем Алька заявила:

— Мы дали честное слово держать язык за зубами. А когда можно будет, тогда скажем сами.

Просто удивительно, как люди меняются — прямо на глазах. Не успели ее выбрать старостой, как она уже и задается. Да и вообще

Аля многое делает неправильно. Ведь если разобраться, так, даже прочитав корешок дяди Мишиного перевода, она должна была сначала поговорить со мной, а со своей матерью потом. А она поступила, как глупый человек и настоящая девчонка: в мастерской не поверила нам и не стала нас слушать и к матери полетела раньше времени.

Глупо все это. И не по-товарищески. Верно говорят, что с девчонками дружить нельзя.

А тут еще Елена Ивановна сказала, что будет родительское собрание, и предупредила, что явка родителей всех учеников, замешанных в историю с пластинками, обязательна. Значит, маме все будет известно, и теперь обещаниями исправиться не отделаешься.

Первый раз мы шли из школы вдвоем с Юрой Грабиным, и я гадал, как нам достанется от родителей.

— Ну, это ясно, — вздохнул Грабин. — А вот почему Шурка ушел с Луной — странно. Как ты думаешь?

Мало ли что я мог думать? Но ведь не обо всем нужно говорить, и я промолчал.

Глава 26

ТАЙНЫ РАСКРЫВАЮТСЯ

Погода расклеилась — не то зима, не то опять осень: мокрый снег, лужи, пронзительный ветер. На деревьях сразу не осталось ни одного листика. В школе холодно и сумрачно. Электричество зажигают чуть не с третьего урока. Аля тоже странная — все время не то заплаканная, не то больная. Я, конечно, не смотрел на нее, но она как-то сама попадалась на глаза.

На большой перемене к нам подошел Шура Нецветаило и сообщил:

— Меня опять вызывали к директору и там говорили, что из седьмого класса арестовали двух ребят.

— Чего же ты треплешься? — спросил Юра. — Ведь вы дали честное слово держать язык за зубами.

— Брось ты!.. — рассердился Нецветаило. — Я про одно, а ты

про другое.

— Нет, и я про это же.

— Юрка, ты настоящий товарищ... Ну, понимаешь, не могу я говорить. Слово дал! Понимаешь?

Шура очень переживал и злился. Я вспомнил, как он первый пришел ко мне на помощь, и решил, что будет просто нечестно отталкивать товарища. Мало ли что бывает в жизни, а дружбу нужно беречь. Ведь Шура не девчонка...

— А кого же арестовали? — спросил я.

Но Нецветайло не сразу повернешь. Он сначала ответил Юре:

— Вот на днях все станет ясным... Тогда, конечно... тогда я сам первый скажу... И ты, Олег, не думай... Мы с Алькой просто так...

Ну, лучше б он меня ударил, чем сказать такое! Я уже хотел уйти, но до Шуры наконец дошел и мой вопрос, и он объяснил:

— Говорят, Гриня какого-то арестовали... Это не тот, что на тебя тогда лез? (Я кивнул.) А фамилию второго я не знаю.

— Постой, постой, это, значит, чесныковские дружки! — оживился Грабин. — А он как себя чувствует?

Юрка сразу же бросился в класс, пробежал по коридору, заглянул в столовую, но Петренко нигде не нашел и так нам и доложил.

«Странно...» — подумал я.

Но еще удивительней было то, что Чеснык не пришел и на другие уроки. А ведь последнее время он ни разу не сматывался с занятий и даже начал хорошо учиться. Может быть, и его забрали...

Мы обсудили этот вопрос и поняли, что раз и мы связывались с Чесныком, то и нам может не поздоровиться.

— Вот же невезение! — почесал затылок Нецветайло. — А тут и собрание это...

Весь следующий день мы на каждой переменке обсуждали свои дела. Я умудрился получить двойку по литературе, потому что не учил уроков. Это сразу стало известно Елене Ивановне.

На своем уроке она мне сказала:

— Ты хоть бы перед собранием позанимался как следует...

Наша тройца переглянулась и поняла — дело оборачивается плохо. На переменке ко мне подошла почему-то сияющая Аля и таким мягким, подлизывающим голосом спросила:

— У тебя нет чего-нибудь почитать?

Я даже глаза вылупил: с каких это пор Лунища стала увлекаться литературой? И тут сразу понял — она нарочно решила подкусить меня за двойку по литературе. Такое зло меня взяло на нее, что и сказать нельзя... А ведь я сначала даже обрадовался, когда она подошла. Я, конечно, ничего ей не ответил и гордо отошел. Алька вздохнула, но тоже промолчала.

На следующей перемене мы втроем опять посовещались и договорились ждать решения своей судьбы прямо в школе.

— Потому что знаешь родителей... — сказал Юра Грабин. — Если кругом много людей, они ругать не станут. И по дороге из школы не будут. А пока домой дойдут — поостынут. Достанется уже не так.

Чтобы не попадаться на глаза родителям, мы послонялись по школьному двору и как-то незаметно подошли к ярко освещенной слесарной мастерской.

— Давай зайдём в сени, — предложил Юрка.

Мы постояли в сенях, повздыхали, а потом нас потянуло в мастерскую.

В передней, маленькой комнатке, мы наткнулись на Петра Семеновича.

— А-а, артель «Напрасный труд»! — насмешливо протянул он.

Из-за раскрытых инструментальных шкафов слышался сдержанный смех. Мы молчали, смущенно переступая с ноги на ногу.

Петр Семенович улыбнулся:

— Новый заказ получили?

— Петр Семенович! — воскликнул Юра. — А разве вы не помогли бы товарищу, если бы он попал в беду?

— М-м... Помог бы, конечно.

— Ну вот. И мы тоже просто помогли товарищу. Мы, конечно, виноваты. Но ведь мы же не для себя делали.

— Как это — не для себя? — удивился Петр Семенович.

— Очень просто, — ответил Юрка и коротко рассказал, как было дело.

Инструктор слегка смутился и погладил лысину.

— Ну, а сейчас зачем пришли?

— Да просто так. Нравится нам тут! — смело и даже

вызывающе ответил Грабин.

— Гм-м... «Нравится»! Толкаться или работать?

— Работать!

— На себя? Или, может быть, товарища нужно выручить?

— Знаете что, Петр Семенович, — обиделся Нецветайло, — раз вы так говорите, мы можем уйти... Пошли, ребята!

Петр Семенович рассердился:

— Смотри, какие обидчивые! Когда они натворили дел, я не обижался, а тут им слова не скажи! Ну и идите тогда, раз не умеете отвечать за свои поступки!

— Мы-то умеем... — начал было Шура, но Грабин перебил его:

— Подожди!.. Петр Семенович, зачем вспоминать старое? Вы лучше проверьте нас. Давайте какую хотите работу, и мы сделаем... Верно, ребята?

Мы с Шуркой кивнули головой.

— Вот... Просто нам нравится слесарное дело — мы и приходим. Вы думаете, если бы оно не нравилось нам, мы бы делали пластинки?

Петр Семенович внимательно и слегка недоумевающе осматривал нас, потом махнул рукой и весело улыбнулся:

— Ну ладно, хлопцы, проверю, какие вы помощники! Мне вот нужно инструментальные марки сделать. Такая работа подходит?

— Пожалуйста! — весело ответил Юрка и стал раздеваться.

За ним начали стягивать свои пальто и мы. Инструктор принес молотки, связку алюминиевых кружочков и клейма с цифрами.

— Будете набивать номера — от сорока до ста. Сейчас я вам покажу, как это делается. — Он двинулся было в большую комнату мастерской, но потом остановился и сказал мне: — А ты, Громов, иди-ка помогай разбирать и чистить инструмент. Вон там, за шкафами.

Конечно, мне не очень понравилось это предложение, но, раз Юра за всех уже высказался, делать нечего. Я пошел за шкафы.

Там на корточках сидела Аля Петрова и улыбалась.

Я остановился и уже начал было поворачиваться, чтобы уйти, но Луна вдруг сразу стала серьезной и строго сказала:

— Громов, ты будешь разбирать и чистить драчевые напильники, а я личные. Вот щетка.

Она сунула мне в руки металлическую щетку для чистки

— Громов, ты будешь разбирать и чистить драчевые
напильники.

напильников и спросила:

— Ты умеешь ею пользоваться? — И, не дожидаясь ответа, показала, как это делается, а потом насмешливо добавила: — Ты только не трусь — это легко.

Я, конечно, ничего ей не ответил, вырвал у нее щетку и взял из кучи сваленных на пол напильников первый попавшийся. Он оказался личным, и я сунул его Луне. Она улыбнулась и поощрительно заметила:

— Правильно определил.

Я опять промолчал. Так мы и сидели над грудой напильников, чистили их и укладывали в отведенные для них места. Луна начала вздыхать, и стоило мне посмотреть на нее, как оказывалось, что она тоже смотрит на меня. Нужно было что-то сказать, но что и как — я не знал. Да и не хотелось начинать первому.

В тот момент, когда я уже собрался спросить у нее, почему она так нечестно поступила, за окном послышались шаги, сдержанный говор, и почти сейчас же в мастерскую вошел директор школы Дмитрий Алексеевич. За ним, гуськом, слегка смущенные, — наши родители. Я сейчас же юркнул за шкаф: не хотелось, чтобы меня увидела мать. Луна, наоборот, вышла и стала смотреть на взрослых.

— Вот это первая комната нашей слесарной мастерской, — обратился Дмитрий Алексеевич к нашим родителям. — Петр Семенович, принимай гостей.

Когда все прошли в другую комнату, Алька зашла за шкаф и спросила:

— Ты чего, боишься матери?

— Я не боюсь, а просто...

— Ничего! Не бойся. Пойдем.

Как я ни упирался, Аля потащила меня в большую комнату. Там я прежде всего увидел свою мать. Ее держала об руку какая-то худенькая, маленькая женщина, рядом с которой стоял дядя Миша, — я сразу узнал его. Он обернулся, увидел нас и, широко улыбнувшись, пошел навстречу:

— Здравствуй, Олег! Вот и встретились! — Он тряс мне руку, заглядывал в глаза и радостно улыбался. — Знаю все твои беды, и прости, что так получилось! Ну, да все, кажется, обошлось.

Мне было почему-то очень стыдно — ведь все смотрели на нас и слегка посмеивались, и я ничего ему не ответил.

Дядя Миша обнял меня одной рукой, Луну — другой. Я боялся поднять глаза и только косил по сторонам. Оказывается, возле Нецветайло тоже стояла его мать — толстая, уже седая женщина с мясистым добродушным лицом, а возле Грабина — его одетый с иголки отец. И я сразу понял, в кого Юрка такой чистюля.

Все тихонько переговаривались, и Дмитрий Алексеевич громко сказал:

— Ну вот, товарищи. Как вы уже знаете, по предложению Анны Ивановны Нецветайло, мы обратились к директору металлургического завода, и он твердо обещал, что все станки, которые мы сможем подобрать в ломе, будут нашими. Мы уже создали бригады старшеклассников. Отобрали полдесятка станков. На днях перевезем их в нашу мастерскую. Здесь, возле точила, будет токарная группа; вот здесь, под аптечкой, расположим фрезерную, а дальше — строгальную. Но, как я вам уже говорил, нашему единственному инструктору Петру Семеновичу будет очень нелегко и руководить старшеклассниками и работать по ремонту. Поэтому я обращаюсь к вам, товарищи родители, и прошу оказать посильную помощь...

Сзади нас раздался густой бас:

— Разрешите, товарищ директор?

Я оглянулся и увидел, что высокий широкоплечий мужчина тянет вверх руку.

— Да, пожалуйста, — разрешил директор.

И высокий мужчина пробасил:

— Запишите меня.

— Да, но... — смутился директор. — Ведь вы хирург, товарищ Марков.

Мы — я, Луна, Грабин и Нецветайло — мгновенно переглянулись между собой и опять уставились на Женькиного отца. А он ответил Дмитрию Алексеевичу:

— Что же вы думаете, я, как и мой сын, со школьной скамьи хирург? Нет, товарищи. Я ведь еще лет восемь кузнецом работал. Седьмой разряд имел и теперь с удовольствием помогу всем чем могу. Правда... — Он смущенно улыбнулся и расправил широкие плечи. — Правда, мне действительно теперь нужно беречь руки.

Потому что, сами понимаете, — операции. Однако... однако косточки поразмять можно, да и грех жены замолить нужно.

Все весело рассмеялись, и я понял, что Женина мать спасала своего сыночка без отцовского ведома, и подумал: «Ох, и достанется им обоим!»

Работать в мастерской согласился и дядя Миша, и еще двое. После коротких разговоров все стали расходиться, и дядя Миша наклонился к нам:

— Смотри, Алька, Олег — настоящий парень. И ты...

— Я знаю, папа, — строго ответила Луна. — И я, если он захочет, буду с ним дружить по-настоящему.

— Добро! — выдохнул дядя Миша и спросил: — Ну-с, а где наши матери?

Он отошел, и мы с Алей начали одеваться, крикнув взрослым, что мы их догоним.

Но догонять почему-то не хотелось.

На улице все так же метался пронизывающий ветер, кружился мокрый снег, а мы шли, размахивали портфелями и разговаривали.

— Когда он приехал?

— Позавчера вечером. Мать плакала, а потом успокоилась. А я взяла и рассказала и о тебе, и о переводе, и обо всем.

— А он?

— А он поморщился и сказал матери: «Не нужно было тебе запутывать в нашу историю детей. Ведь, если честно сказать, этот самый Олег меня и толкнул сюда».

— Я? Толкнул? Его? Он так и сказал?

— Да! Так и сказал. И предложил матери: «Пойдем в другую комнату, потолкуем». О чем они говорили, не знаю, но только слышала, как мама заплакала и громко сказала: «Я сейчас же пойду к ней и извинюсь. Сейчас же». Но она никуда не пошла...

Я начал вспоминать, что было между мной и дядей Мишей. Ту единственную встречу с ним на пирсе я запомнил до мельчайших подробностей. Даже помню, в чем официантка была одета: в цветастом платье. Но понять, чем я подтолкнул дядю Мишу и куда, я так и не смог. Просто он, наверное, имел кого-нибудь другого в виду или что-нибудь перепутал. Я уже давно заметил, что взрослые многое понимают не так, как нужно. А дяди Миша

хоть и хороший человек, но все-таки взрослый.

Чтобы не запутаться в этих рассуждениях, я спросил у Луны:

— Выходит, станки — это ваша тайна?

— Ну да! — обрадовалась она. — Ты только, пожалуйста, не сердись, — ты слишком обидчивый. Но получилось так. Шурина мать работает крановщицей на шихтовом дворе — там, где лом превращается в ломь. Она заметила, что к ним часто привозят старые станки. Их разбивают и загружают в мартены. Она и подумала, что, может быть, их стоит приспособить для нашей мастерской. Она, оказывается, очень хочет, чтобы Шура стал токарем. Вот мы с ним и ходили смотреть на эти станки, а потом пошли к директору и все ему рассказали. Дмитрий Алексеевич просил нас о станках не болтать: «Получим, тогда и разговаривать будем». Вот и всё.

Действительно, все объяснилось очень просто, и говорить нам уже было не о чем. Хотя это неверно. Я просто стеснялся начинать важный разговор, не зная, что из него получится.

В это время мы дошли до переуллка, где нас поджидали родители.

Все начали прощаться, и мама приглашала Петровых к нам в гости. Алина мать все время повторяла, что она очень виновата, и просила, чтобы и мы пришли к ним посидеть.

Не договорившись ни до чего путного, все разошлись. Тут только я заметил, как холодно и противно на улице, и поспешил домой.

— Ты чего так разбежался? — миролюбиво сказала мать.

Но я ничего ей не ответил и уже недалеко от дома спросил:

— Выходит, со мной все в порядке?

— Выходит, горюшко ты мое горькое, — вздохнула мать, засмеялась, а потом поинтересовалась: — Ты не знаешь, почему родители Петренко никогда не ходят на собрания?

Я не знал этого, а мать сказала:

— Как это печально, Алик... Олег, Олег! — быстро поправились она. — Очень мне жаль этого мальчика.

— Какого? — не понял я.

— Вот этого вашего Чесныка. С ним, видимо, творится что-то неладное.

Когда мои неприятности почти окончились, я мог подумать и о

Чесныке. И в самом деле, он мне всегда казался странным: то загнанным, то отчаянно смелым, то честным и компанейским, а то просто жуликом.

— Двойной он какой-то, — сказал я.

— Возможно, — задумчиво согласилась мать. Потом она положила руку мне на плечо и спросила: — Но ты, Олег, все понял? Как следует?

Если говорить честно, я еще очень многого не понимал, но, побоявшись очередной нотации, буркнул:

— Конечно, понял.

Ужинал я быстро и даже не стал читать, а скорее юркнул в постель: мне очень хотелось побыть одному и немного помечтать.

Глава 27

„ГОВОРИ ТОЛЬКО ПРАВДУ!“

Утром я как угорелый помчался в школу, но пришел слишком рано — никого еще не было. Тогда я двинулся в слесарную мастерскую.

Петр Семенович уже возился возле тисков.

— Ты чего так рано? Напильники дочищать пришел?

— Можно и дочистить, — ответил я и стал раздеваться.

Но инструктор решил:

— Не стоит начинать перед уроками — испачкаешься. Слышал насчет станков вчера?

— Слышал.

— Ну и как?

Тут меня будто озарило, и я сразу сказал как раз то, что нужно было сказать:

— Вот за этим я и зашел, Петр Семенович. Возьмите нас в бригаду. Мы, честное слово, будем хорошо работать.

— Кого это — нас?

— Ну меня, Грабина и Нецветаило.

— Ага... А как насчет Петровой? Ты что, против нее?

— Да нет, что вы... — покраснел я и отвернулся: — Просто она же... она же... девчонка.

— Вот и дурак, брат! — сердито засопел Петр Семенович. — Эта девчонка вам всем сто очков вперед даст. Она у меня и так, можно сказать, заведующая инструментальной кладовой. Да еще и сверловщица отличная, вероятно, из нее выйдет...

Мне было очень стыдно, и потому я протянул:

— Так я не в том смысле... Мы же в слесари просимся...

— А-а, — сразу поостыл Петр Семенович. — Ну об этом, брат, другие, постарше тебя, подумают. А в бригаду я вас возьму, но с уговором: чтобы учеба от этого не страдала. А то получите двойки, а списывать начнете на меня: «В мастерской работали, не успели уроков выучить!» — передразнил он кого-то.

Я пошел в класс. Ребята сказали, что я правильно решил, записав их в ремонтную бригаду. Но тут пришла Аля и все испортила.

— И что вы за слесаря? — засмеялась она. — На станках знаете какие огромные детали? Вы их не поднимете!

Юра рассердился и чуть было не полез драться. А Нецветайло зашел сзади Альки, взял ее под локти и крикнул:

— Держись!

Луна взвизгнула, и Шура легко поднял ее в воздух.

Она болтала ногами, краснела и кричала:

— Ну, пусти же, пусти! Медведь какой!

Нецветайло осторожно опустил ее на пол, и Аля посмотрела на него так, что у меня сразу испортилось настроение. Я повернулся и пошел на свое место. Тут вскоре прозвенел звонок.

Два урока я старался не обращать внимания на Алю, а на третьем все обратили внимание на меня: пришла уборщица и сказала, что меня и Петренко вызывают к директору.

— С портфелями! — добавила она.

Еще ни разу никого не вызывали к директору с портфелями. Вначале я подумал, что меня и Чесныка просто переводят в другую школу. Но если бы это было так, то мать, наверное, уже об этом знала бы и мне бы досталось еще вчера. Потом я подумал, что нас вызывает Петр Семенович, чтобы ехать за станками. Но и это было маловероятным — ведь Чеснык не записывался в ремонтную бригаду. Я старался быть как можно спокойней и, только уже выходя из класса, посмотрел на встревоженных, молчаливых ребят и на Луну. Она подняла обе руки и сжала их,

словно говоря: «Держись крепче!»

И тут мне стало просто страшно. Может быть, она знает что-то такое, чего не знаю я?

Как только я зашел в кабинет директора, мне сразу все стало понятно: в комнате сидел милиционер.

Дмитрий Алексеевич сказал ему:

— Ну вот Громов и Петренко. Я только очень прошу вас... — Он оборвал фразу и выразительно посмотрел на милиционера.

Тот встал, оправил синюю шинель с красными кантами и улыбнулся:

— Понятно. Не в первый раз... — Потом браво повернулся к нам: — Требуется ваша помощь, ребята. Давайте-ка съездим ненадолго в одно местечко.

Я сразу решил, что нас обязательно повезут в тюрьму, и беспомощно посмотрел по сторонам. Рядом стоял Саша. Он так яростно дышал, что я услышал резкий запах чеснока. Но Саша все-таки был свой парень, а милиционер человек чужой, и я невольно подвинулся к Петренко: вдвоем было уже не так страшно. Однако он оттолкнул меня локтем и хрипло сказал:

— Никуда я не поеду! Вы не имеете права. Я еще малолетний...

— Вот как? — озабоченно протянул милиционер и перестал улыбаться. — Ты уже знаешь такие тонкости? Но на этот раз тебя только просят помочь, а это может сделать и малолетний. Ведь ты, кажется, пионер?

— Нет! Я не пионер, — сказал Сашка. — И некому мне помогать... Я ничего не знаю.

Чеснык действительно не пионер, потому что он старше нас и из пионерской организации выбыл, а в комсомол, если бы и захотел, его, наверное, не приняли бы.

— Ну, если не знаешь, так там и скажешь. А мое дело маленькое, — заметил милиционер. — Мне приказали вас привезти. Вот я и приехал.

— Не хочу! — закричал Сашка. — Я ничего такого не сделал! Я ничего не знаю! Дмитрий Алексеевич! Не разрешайте, чтобы меня увозили!

Он со слезами бросился к директору.

Дмитрий Алексеевич вышел из-за стола — большой, встревоженный и грустный.

— Вот что, Петренко: ты уже не маленький и понимаешь — без дела милиция не ездит. А раз ты нужен, тебя где хочешь найдут. — Он помолчал и выразительно добавил: — Тем более, что ты-то, наверное, кое-что знаешь. Это во-первых; а во-вторых, будь мужчиной! Настоящим! Ты меня понимаешь?

Чеснык съежился и сразу перестал плакать. Он, пошатываясь, прошел мимо, и я слышал, как он шептал:

— Теперь я пропал... Совсем пропал...

Мы втроем вышли из школы. У калитки стояла милицейская машина — синяя, с красной полосой посередине.

Петренко оглянулся на милиционера и спросил почти с надеждой:

— На этой поедем?

— А ты думал — на «черном вороне»? — тоже спросил милиционер.

И Саша кивнул головой.

Мне очень хотелось сесть с ним рядом — все-таки он кое-что понимал в том, что с нами происходит, но хитрый милиционер посадил меня вперед, с шофером, а сам сел с Сашкой сзади.

Приехали мы в то самое отделение, в котором я уже был когда-то. Встретила нас знакомая женщина — старший лейтенант. Она озабоченно, но не сердито поздоровалась с нами, и меня сразу же повели наверх, а Чеснык остался с женщиной.

Мы шли по коридорам, в которых пахло краской, дезинфекцией и еще чем-то. Перед дверью с белой надписью на синем фоне «Следователь» милиционер остановился, расправил шинель и, прикрывая рот ладонью, почтительно кашлянул, а потом постучал в дверь, и мы вошли в комнату.

Перед нами за письменным столом сидел пожилой, толстенький и лысенький милицейский офицер. На столе лежали бумаги, какие-то разноцветные папки, белел чернильный прибор, а сбоку горбилась газета.

Я почему-то старался не дышать и смотрел только на пожилого милиционера.

Он спросил:

— Громов? Олег?

Я не мог говорить. Должно быть, от жажды язык распух, просто не поворачивался, и я только кивнул.

Следователь внимательно посмотрел на меня и улыбнулся:

— Что? В горле пересохло, и поджилки небось трясутся?

Я опять кивнул и даже не удивился его пронизательности. Мне показалось, что сзади меня кто-то есть, но обернуться и посмотреть не мог — тело было как каменное.

А он сказал:

— Ну что ж, это бывает. Выпей-ка водицы и держись молодцом.

Пока я пил, сзади кто-то осторожно кашлянул. Я вздрогнул, но потом решил, что это кашляет милиционер.

— Ну вот, Олег Громов, — сказал следователь. — Учреждение у нас ты знаешь какое. И мы тебя и просим и предупреждаем: говори только правду. Просим потому, что этим ты нам поможешь, а предупреждаем затем, чтобы ты случайно — из-за страха или из злого умысла... ты не качай головой, и такие бывают — и себе и другим не повредил. Понял? От тебя требуется одна только правда — какая бы она ни была, хоть самая страшная или самая печальная. Вот так. Понял?

Я снова кивнул.

— Хорошо. Теперь обернись и скажи: кого из этих людей ты знаешь?

Я с большим трудом обернулся. Оказывается, у стены, у двери, через которую я вошел в комнату, на стульях сидело человек восемь. Ближе всех к двери — парень в лыжном костюме и грязной стеганке, потом молодая, но какая-то помятая женщина в синем пальто, еще какие-то парни, старик...

Тот самый старик спекулянт, который покупал у меня коньки с ботинками и приходил ко мне домой! Он, не моргая, смотрел на меня. Его глаза теперь не слезились. Они были сухими и жесткими, и возле них лежали прямые ровные морщинки. Рядом с ним сидел еще один стриженный наголо широкоплечий парень в хорошем пальто из бобрика с каракулевым воротником. На скулах парня перекатывались желваки, и выглядел он очень злым. Парень этот сразу показался мне знакомым. Но вспомнить, кто он, я не смог, потому что все время смотрел на старика и вспоминал слова матери: «Ах, Алька! Не знаю, чему вас в пионерском отряде учат? Такую дрянь жалеть! На мальчишках деньги зарабатывает».

Теперь я знал, что буду говорить только правду. И я сказал следователю:

— Я знаю этого старика.

— Хорошо! — кивнул следователь. — Как и когда ты с ним познакомился?

Я рассказал все как было. Старик вдруг безразлично бросил:

— Врет он... Должно быть, украсть у меня что-нибудь хотел, а я ему уши надрал. Вот он теперь и плетет.

— Вы думаете? — спросил у него следователь, но не дождался ответа и обратился ко мне: — А кроме базара, ты с ним нигде не встречался?

Теперь мне предстояло признаться в собственной лжи, в своем слабоволии. Но я уже не хотел отступать и рассказал о том, что было у нас дома.

Следователь стал потирать лысину совсем как Петр Семенович, а потом спросил у старика:

— Вы подтверждаете сказанное Грозовым?

— Не знаю. Не помню. Но если я действительно был у них на квартире, то все равно тогда он говорил другое, не то, что сейчас. А за ложные показания полагается тюрьма, гражданин следователь, — поучающе закончил старик.

У него были страшные глаза — пустые, бездонные и очень злые. Мне стало опять не по себе, и я подумал: «Неужели меня посадят в тюрьму? — Но сейчас же решил: — Все равно, но только не врать, только не врать...»

— Так и запишем. — Следователь взял ручку. — Больше ты ничего не скажешь? (Я отрицательно помотал головой.) И ни одного человека из этих ты не знаешь? Посмотри еще раз. Как следует.

Ни парня в лыжном костюме, ни женщины я не знал. Паренек в бобриковом пальто, что сидел рядом со стариком, отвернулся. Но я все-таки видел его и был твердо убежден, что где-то встречался с ним. Но кто он — сказать не мог. Старик не сводил с меня своих пустых, бесцветных глаз, и я опять почувствовал, как во рту все пересыхает.

Следователь приказал:

— Ну что ж... садись, посиди.

— Где? — с ужасом спросил я.

— А вот там... — И следователь показал на стул, что стоял рядом с парнем в бобриковом пальто.

В ту минуту мне стало понятно, что и меня теперь заберут в тюрьму, потому что я тоже преступник. Старик был прав. Я даже не знаю, как дошел до стула, как сел. В это время следователь снял трубку с телефонного аппарата и коротко приказал:

— Следующего.

Потом он стал рассматривать бумаги, изредка поглядывая то на одного, то на другого из нас. В комнате было очень тихо. Зазвонил телефон, следователь сказал в трубку «да» и прислушался к тому, что ему говорят. Я услышал, как мой сосед, паренек в бобриковом пальто, сквозь зубы прошептал:

— Ты молчи! Иначе — в камере прибьем.

Только тогда я понял, как промахнулся, сказав, что знаю старика.

Я, наверное, очень побледнел — это всегда со мной бывает, когда случаются какие-нибудь неприятности. По коже пробежал озноб. Следователь все слушал, что ему говорили по телефону, вертел карандашик и кивал головой.

Парень опять прошипел:

— На все отвечай — «не знаю». А за старика мы еще получим.

Знакомое словцо сразу напомнило мне и голос парня. Но где я его слышал — не знал. Да в ту минуту это было и неважно. Я понял, что пропал, что мне теперь нет пути назад и в тюрьме меня прибьют за то, что я выдал старика. Мне нужно было спасти свою жизнь. Но как?

Широкоплечий парень в бобриковом пальто подсказывал: нужно молчать.

И я уже почти решил молчать, но вдруг вспомнил отца и подумал: «Неужели он, если бы ему грозили враги, испугался? Нет! Он выполнил свой долг. Так неужели я струшу? Нет! Пусть меня ждет что угодно, а я буду говорить правду».

И я тоже, не открывая рта, не поворачивая головы, сквозь зубы ответил пареньку:

— Пошел к черту!

Сказал как будто очень тихо, но все обернулись и посмотрели на меня. Старик и двое парней — ненавидяще, женщина — с сожалением, один из незнакомых мне ребят — весело, поощрительно.

Следователь, прикрыв рукой трубку, строго приказал:

— Не разговаривать!

В это время в комнату вошли милиционер и Саша Петренко.

Он даже не вошел, а как бы вполз, точно нес на себе что-то очень тяжелое: ноги согнуты в коленях, голова и плечи опущены, руки висят как неживые.

Следователь положил трубку и после короткого допроса — имя, фамилия — и предупреждения, что нужно говорить правду, спросил:

— А теперь посмотри, кого ты тут знаешь?

Саша повернулся и слегка попятился — вернее, откинулся назад и сдавленно крикнул:

— Никого не знаю! Я совсем ничего не знаю! И не видел никого!

Это было удивительно. Выходило, что он не знает даже меня.

Следователь усмехнулся:

— Так-таки никого и не знаешь?

— Не знаю! — покачал головой Саша. — Никого не знаю. Не видел.

Он все еще стоял, откинувшись назад. Взгляд его, такой же грустный, обреченный, как и весь вид, был обращен на моего соседа. Парень тоже не сводил с Чесныка горящих, будто гипнотизирующих прищуренных глаз.

Вдруг он слегка нагнулся вперед — хищно и решительно. И тут я вспомнил, где его видел. Это был один из тех ребят, которые вместе с Чесныком «получали» с меня возле манежа. Это он отбирал у меня деньги. Только тогда он был с челочкой, а теперь, стриженный, казался другим. Чеснык и тогда его боялся. Я хотел было встать и сказать, что я знаю своего соседа, но следователь, слегка издеваясь, спросил:

— Значит, Петренко, ты так струсил, что у тебя даже память отшибло? Ну что ж... Посиди, отдохни. — И он рукой показал на стулья.

Саша, как лунатик, прошел через комнату и сел возле меня.

Я искоса посмотрел на него. Он был весь в поту и страшно бледен. Даже ухо было совсем белым. Дышал он тяжело, и лицо передергивалось. Мне стало очень жалко его, и я тихонько подвинул руку так, чтобы этого не заметил следователь, и тронул Сашу за пальто. Он вздрогнул и посмотрел на меня. Потом покачал головой и прошептал:

— Я знаю еще одного. Вот этого.

— Теперь я пропал.

А меня уже ничего не пугало. Какой-то чертик так и прыгал в груди, и все уже казалось не страшным. Я шепнул:

— Не трусь. Говори всю правду.

Саша в ответ только вздохнул.

Тогда я встал и, показав на своего соседа, громко сказал:

— Товарищ следователь, я вспомнил. Я знаю еще одного. Вот этого.

— А почему ты сразу не узнал?

— Так он челку остриг.

— Ну что ж, расскажи, откуда ты его знаешь?

Я ничего не утаил, рассказал даже о своем проигрыше.

А когда смолк, вскочил Сашка и закричал:

— Он все врет! Я ничего не знаю...

— Вот что, Петренко! — отрывисто сказал следователь. — Довольно дурака валять! Ты не маленький и понимаешь, что за это бывает. Рассказывай все, что знаешь.

— Я ничего не знаю!.. — истерически кричал Сашка.

— Врешь! — Следователь стукнул кулаком по столу. — Все врешь! Говори только правду. Ну?

Саша плакал с тонким подвывом, пощелкивая зубами. Он все время косился на широкоплечего парня, и тот тоже не сводил с него прищуренных глаз.

Я вспомнил, что говорил этот парень мне, вспомнил отца и сказал Сашке:

— Да не трусь ты!

Но Сашка плакал и твердил одно и то же:

— Я никого и ничего не знаю...

— Эх и трус же ты, Петренко! Неужели ты не видишь, что мы и так все знаем? А ты путаешь, темнишь... — Следователь опять покачал головой и приказал: — Приведите следующего.

ПЕТРЕНКО-СТАРШИЙ И ПЕТРЕНКО-МЛАДШИЙ

В комнату, в сопровождении милиционера, вошел уже знакомый мне семиклассник Гринь. Он осмотрелся, и его зеленоватые узкие глаза посветлели. А на тронутом оспинами лице мелькнула улыбка. Гринь смело расправил плечи и выставил ногу вперед:

— Я вас слушаю.

— Кого ты здесь знаешь? — спросил следователь.

— А всех! — весело сказал Гринь. — Всех знаю, и они все меня знают.

— Ну вот и говори.

— А я уже говорил.

— Ничего. Говори при них. Как со стариком познакомился? С «поханом» — так вы его называли?

— Так. А попал я просто...

— Нет, подожди, — прервал следователь и приказал милиционеру: — Приведите папашу. Ему полезно послушать.

Вскоре вместе с женщиной — старшим лейтенантом — вошел в комнату высокий, худощавый человек в стеганке. Он комкал в руках шапку-ушанку, исподлобья поглядывая по сторонам. Когда он увидел будто оцепеневшего Сашку, то выпрямился и, сглотнув слюну, угрожающе протянул:

— Понятно...

— Ну вот и хорошо, что понятно, товарищ Петренко, — усмехнулся следователь. — В школу вы не являетесь, детскую комнату милиции тоже не жалуете. Так что извините, но придется послушать наши разговоры. Может быть, хоть они на вас подействуют. — Следователь отвернулся от Петренко-старшего и обратился к Гриню: — Рассказывай.

Гринь спокойно, но все-таки с некоторой долей злорадства начал говорить:

— Еще в шестом классе я начал собирать приемник. Денег на детали не хватило. Мы вместе с моим дружкой Чубуковым — он заболел, и потому его здесь нет — насобирали на чердаке всякой ерунды и потащили на базар. Попали к «похану», он нас и пригрел.

«Я, говорит, понимаю. Сам молодым был. Тащите еще. Если на своем чердаке нет ничего, на соседний загляните. Все равно такое барахло никому не нужно. Вроде утильсырья». Мы вначале не решились, а потом заглянули. Принесли, а «похан» предложил зайти за деньгами вот к этой... — Гринь кивнул головой на женщину в помятом пальто. — У нее «малина» была. Вроде воровской квартиры. Пришли, а он нас вином угостил. Пообещались еще кое-чего принести. Принесли. Так постепенно и втянулись. То с девчонок шапочки срывали, то по чердакам лазили, то на море коньки у малышей отнимали. На большое идти боялись и учиться все-таки думали. Ну да учиться не пришлось, — ведь он, паразит, все время требовал вещей. А этот вот, — Гринь кивнул на широкоплечего парня в бобриковом пальто, — если мы отставали от компании, бил. Вот деваться и некуда было...

Гринь еще долго рассказывал о своих похождениях, о проделках парней, которые сидели здесь же, в комнате. Рассказывал просто, без всякого страха и не хвалясь. Когда он вспомнил Чесныка, следовательно перебил его:

— Довольно. Садись. О себе Петренко сам расскажет. И как попал в эту компанию, и как деньги выигрывал на подпиленный пятак, и как пластинками торговал, и как краденое прятал... Все, все рассказывай. А не будешь говорить, я сам расскажу. Понял? Ну, когда ты с ним познакомился и как?

— Я... я не помню, — начал было Саша, вздрагивая и тихонько всхлипывая.

Но тут не выдержал его отец. Он хрипло крикнул:

— Да говори же ты! — и скрипнул зубами, точно сдерживая боль.

— Ой, папа! Вы только не сердитесь... Я... Ну, помните, когда к нам дядя Вася приходил, вы послали меня за водкой? Помните?

— Это когда ты деньги потерял? Помню.

— Я же тогда вам говорил, что не терял. Вот они! — Саша вдруг с ненавистью ткнул в сторону широкоплечего парня. — Они у меня отняли и еще избили. Вы мне не поверили тогда и выпороли меня. А потом я просил коньки купить. А вы сказали, что такому паразиту, как я, покупать не будете...

Мне было странно слышать, как Чеснык называл своего отца, как чужого, на «вы». Да он и в самом деле смотрел на сына и

разговаривал с ним, как чужой.

— А мне хотелось. Все же катаются. А вот он, — Сашка опять ткнул пальцем в моего соседа, — дал мне коньки в долг...

Следователь быстро спросил у парня:

— У него брал? — и кивнул на старика.

Мне казалось, что мой сосед промолчит, отвернется или скажет что-то необычайное, смелое.

Но парень в бобриковом пальто вдруг заморгал и угодливо ответил:

— Ну у кого ж еще? У него.

И старик почему-то не рассердился, а только хмыкнул и стал похожим на того беспомощного, вызывающего жалость старика, который приходил к нам домой.

Почему все это случилось, я вначале не понимал, потому что меня все время била мелкая дрожь. Но не дрожь страха или растерянности, а дрожь нетерпения. Словно я ждал чего-то необыкновенного и готовился стать его участником. И я сразу понял: милиции все известно. Даже то, о чем давным-давно забыли и старик и парень или чему не придавали значения. Этот следователь держал в своих руках все нити, и сопротивляться ему, скрывать что-нибудь было совершенно бесполезно. Просто ненужный расход сил.

— Я хотел отдавать ему деньги понемногу, а он говорил... — Сашка вдруг скрипнул зубами: — А он требовал все сразу. А я сразу не мог, потому что они обыгрывали меня. Как принесу немного денег, так они говорят: «Что ты за парень, если играть не умеешь!» И учили, как играть. И обыгрывали. А долг у меня становился все больше и больше...

Саша честно, с каким-то странным надрывом начал рассказывать, как он стал самым настоящим рабом этой шайки, как иногда хотел вырваться из нее и не мог — боялся.

— И жаловаться было некому, потому что отец тоже бил. И мне просто некуда было деться...

— Вот так-то, товарищ Петренко, — грустно сказал следователь Сашиному отцу и спросил у Чесныка: — А почему не рассказал о пластинках? Кому ты их продавал?

— Я как-то сказал ему, — Саша ткнул рукой в моего соседа, — что мы в школе начали делать пластинки. А он и говорит:

«Подожди. Я узнаю, что к чему». И куда-то ушел, а когда вернулся, приказал: «Покупай у ребят и передавай старику». Я так и сделал.

— А сам-то на этой операции что-нибудь заработал? — спросил следователь.

— У них зарабатываешь!.. — злобно сказал Чеснык.

— Ну вот, сами видите, товарищ Петренко, как падал ваш сын.

Сашин отец молчал. На скулах у него ходили желваки и кулаки были сжаты.

Следователь добавил все так же грустно:

— А вы даже не пытались его поддержать. Только подталкивали.

Было тихо. Следователь, который теперь казался мне очень высоким, сильным и даже не лысым, вызвал по телефону конвой, и, когда в комнату вошли милиционеры, он резко приказал им:

— Увести по камерам! — Потом помедлил и добавил: — Мальчишек и Гриня оставить... И вы посидите, товарищ Петренко.

Старик на прощание бросил Гриню:

— Раскололся, стукач!

— Пошел ты!.. Я раньше говорил — надоело мне это. И всё!

— Когда же тебе надоело, Гринь? — спросил следователь.

— А вот после того, как мы у того — Громова — деньги отобрали. Понимаете, он один против троих стоял и не струсил. Мне это понравилось, и я все время думал: «Почему он не боится, а мы все время живем как загнанные? Всегда чего-то боимся, всегда трусим, что вот поймают, вот засыплемся...» Я и во второй раз пошел его встретить, чтобы проверить, как он. Так ведь не только он не струсил, а даже та девчонка, что с ними была, драться приготовилась. Чубуков — вы сами знаете, гражданин следователь, — еще раньше от нас оторвался, и напрасно вы его задержали. А я с того времени стал задумываться. Противны они мне стали...

— Вот и главное, что противны. Вы сами подумайте, ребята: один вот такой гнилой, насквозь гнилой старикашка развратил немало молодежи. А почему? А потому, что жалели его: старенький, бедненький, жить ему нужно — вот и подторговывает. — Следователь схватил папки. — А вот дела этого старенького и бедненького. В Иванове на рынке «Барашек» лавку имел. В двадцатых годах сидел. В тридцатых был осужден за

спекуляцию. Вышел. Во время оккупации в Ростове на рынке лавку имел. Теперь сюда перебрался. И вот смотрите, до чего подл: торговал, обманывал, краденое сбывал, на мальчишках деньги зарабатывал, а пенсию получить не постеснялся — получил! Справок много приберег. Даже тот факт, когда лавку держал, обернул так, будто сам у себя в приказчиках служил. Нашлись в Иванове такие добрые дяди — прислали ему справочку. Получается, всю жизнь трудился человек и заслужил отдых. Попробуй придерись к нему — пенсионер! А этот пенсионер скольким мальчишкам судьбу испортил! Вот возьмем тебя, Гринь. Есть в тебе кое-что хорошее. Отец на фронте за Родину погиб. Не хочется мне отдавать тебя под суд. Но и так твое дело оставлять нельзя. В общем, подумаю еще... — Он и в самом деле замолк, как будто задумался, а потом решительно сказал: — Вот что, Гринь. Пиши-ка ты мне расписку о невыезде. У тебя уже паспорт есть — человек ты взрослый. И помни, что знаем мы многое. Походи на воле, подумай. Пиши.

Гринь смотрел на следователя широко открытыми глазами, а тот протягивал ему бланк:

— Ну, пиши, пиши! Хочу верить, что будешь еще человеком. А подведешь — и мне беда, и тебе не легче.

Гринь быстро облизал пошерхнувшие губы и выдохнул:

— Что ж... спасибо. Я уже подумал...

Пока Гринь писал что-то на бланке, следователь вздохнул и обратился ко мне.

— А тебе большое спасибо! — Он вдруг протянул мне руку и, пожимая, сказал: — Спасибо за то, что в детской комнате не трусил, а сказал правду. Это помогло нам надежней нащупать всю шайку — за стариком мы давно следили, а вот всех его подручных не знали. Спасибо за то, что сегодня честно сказал. И даже тогда не испугался, когда сел рядом с преступниками. Вот за все это спасибо. И вот еще что: язык за зубами держать умеешь?

— Да, — ответил я.

— Так вот, в школе никому — самым лучшим друзьям — не говори, что тут слышал и видел. Спросят — просто отвечай: вызывали по делу. И все... Товарищ Петренко, сына вы можете взять, но под расписку. Пишите.

Растерянный и злой Сашин отец сел против Гриня. К нему

подошла женщина — старший лейтенант — и предупредила:

— Смотрите, Петренко! Если узнаем, что бьете сына, — плохо будет! Так и запомните.

Сашин отец оторвался от бумаги, покраснел, побледнел и пробормотал:

— Честное слово, не будет этого!

Ему, кажется, было труднее всех, потому что всех как будто прощали, а его, наоборот, наказывали.

Потом вчетвером мы вышли на улицу. Гринь сразу побежал к трамваю. Сашин отец остановился и долго не мог прикурить. Мы тоже остановились, чтобы подождать его. Чеснык вздохнул и положил руку мне на плечо.

— Олег, ты только не думай... не думай, что тот пятак был твой.

— А я и не думаю, — пожал я плечами. Ведь когда мы играли, я действительно видел, что чесныковский пятак был только похож на мой.

— Нет, честное слово, Олег! Я когда «сухари» тебе завязывал, он выскочил из твоего кармана и сразу покатился в море.

— Да шут с ним, с пятаком! Не в нем дело.

— Нет, в нем! — сурово сказал Сашка. — Ведь я знал, что он у тебя счастливый, и раньше не играл. А когда увидел, что он пропал, решил обыграть. Понял? И ты можешь меня стукнуть — я даже мизинчиком не шевельну.

— За свой пятак я не стукну — ты в этом не очень виноват. А вот за подпиленный...

— Ладно, бей! — Чеснык сделал шаг в сторону, заложил руки за спину и вытянул вперед шею. — Бей!

Почему-то стало смешно — я еще никогда не видел, чтобы люди сами напрашивались на наказание.

— Да брось ты, Сашка! Зачем бить? Ведь все уже прошло.

Он стоял и ждал, потом тряхнул головой, достал из кармана свой пятак и показал его мне:

— Тот?

— Тот самый. Подпиленный.

— А теперь смотри.

Петренко размахнулся и швырнул его куда-то в темноту, за забор.

Мы так и не дождались Сашиного отца и молча пошли по улице.

Тускло горели фонари. С моря полз противный туман. Было холодно и промозгло. И вдруг из темноты появились четыре тени. Они медленно подвигались к нам.

Я присмотрелся и крикнул:

— Аля!

Она подошла ко мне и молча заглянула в глаза. Мне показалось, что тот важный разговор, который мы так и не смогли начать, пожалуй, был не нужен. В эту минуту мне было просто хорошо. И даже дышалось легко и радостно. А тут подошли Нецветайло, Юра Грабин и Рудик Шабалин. Причем Рудик держался как будто в стороне.

— Ну что?

— Как?

— А ничего, — сказал я как можно спокойней и даже сплюнул для убедительности. — Мы тут с Чесныком помогли кое в чем. И все.

Ребята опешили.

— А... а как же насчет пластинок? — растерянно спросил Юра.

— Если отец узнает...

— Не бойся, — усмехнулся я. — Неприятностей не будет. Мы с Сашей берем вину на себя.

Нецветайло хмыкнул и слегка растерянно посмотрел на меня, но промолчал. Он не привык, что Чесныка называют по имени, и решил, что вину я разделил с ним, с Нецветайло. Но он не протестовал, не отказывался. Значит, он был настоящий товарищ. Но потом я вспомнил экскурсию, вспомнил, как он поднимал Луну, и разъяснил ему слегка ехидно:

— Не бойся, Нецветайло! Ведь Петренко — Саша, а не Шура, как ты. Так вот мы с Петренко берем вину на себя. Сами играли, сами и будем рассчитываться. Ведь из вас никто не виноват в этом.

— Ну, если вам так нравится, — обиделся Грабин, — то пожалуйста.

Видно, и ему очень хотелось быть хоть немного виноватым, но из этого ничего не выходило. И он с неприязнью косился на Чесныка.

— Вот что, ребята, — сказал я. — Нужно принять в нашу компанию Чесныка. Я не могу всего объяснить, но я ручаюсь за него. Ладно?

— А все-таки, — запоздало спросил Шура, — что у вас там было?

Мы рассмеялись, и Юрка не преминул съехидничать:

— У вас с Алей была тайна? Была. Мы с Олегом молчали? Молчали. А теперь вы помолчите. А Чеснык?.. Что ж... Раз Олег ручается, примем.

Мы подошли к тому переулку, на углу которого обычно расходились по домам.

— Принять его нужно, — сказал Шура, и мы опять рассмеялись, а он обиделся и начал сопеть.

— Ну, раз Нецветайло сказал, что нужно принять, — значит, ты, Чеснык, принят. Давай руку! — крикнула Луна.

Мы честно пожали ему руку и уже собирались расходиться, как вдруг увидели мужчину. Он стоял совсем неподалеку и прислушивался к нашему разговору. Мы настороженно примолкли. Тогда этот мужчина подошел, и я узнал Сашиного отца.

— Вот что, ребята: вы его не только в компанию примите, — попросил он, — вы ему и в занятиях подсобите. И я помогу.

Сашка поежился, точно ему стало холодно.

— Нет, верно, Саня. Помогу, я честно говорю.

— Что ж, — за всех ответил Юра, — помочь — поможем.

Нам очень не хотелось расходиться в этот вечер, но Сашин отец не отходил от нас, и мы стали прощаться.

Дома я рассказал матери о милиции. Она долго молчала, вздыхала и, видно, переживала. Потом спросила:

— Надеюсь, Олег, на этом все твои несчастья кончились?

— Надеюсь, — не совсем уверенно ответил я и подумал: «Мало ли что может случиться в жизни...»

И тут я вспомнил, что мама собиралась уволиться с работы и вернуться в наш старый гарнизон. И я подумал, что делать это сейчас не стоит. Ведь и там, на Востоке, как и на пароходе, — везде-везде нужны люди, которые умеют что-то делать, а не живут бесплатными пассажирами. А здесь, в моей новой школе, теперь можно кое-чему научиться. И вот когда я научусь, тогда поеду на Восток. На самый дальний. Тот самый, откуда восходит солнце.

— Мам, — спросил я как можно невинней, — а ты с работы еще

не уволилась?

Она тревожно взглянула на меня:

— Понимаешь, Олег, я не решилась подать заявление. Нет, я не струсилa. Ты меня пойми правильно. Тут дело совсем в другом. Ведь в гарнизоне люди не просто живут — они трудятся. Они охраняют нашу границу. А что мы с тобой будем там делать?

Мне страшно понравилось, что мама говорит со мной, как со взрослым, и говорит почти то же самое, о чем я только что думал, — значит, я не такой уж маленький.

— Ты не улыбайся, Олег, — краснея, попросила мать.

— Нет, мам, ты не думай. Просто... просто я тоже так думаю. Давай мы решим так: вот я подрасту еще немного, подучусь, а тогда мы поедем. И необязательно в тот самый гарнизон.

Она вдруг схватила меня за голову, прижала и зашептала:

— Алик, Алик, как ты быстро вырастешь, мой мальчик!

Я не вырывался и даже не сердился, что она опять назвала меня Аликом.

— Но, мам, мы правильно решили? А? Ты скажи — правильно?

— Да, мы решили правильно. — Она помолчала и сквозь слезы повторила: — Мы решили... Мы!..

Я ничего не сказал и немного обиделся: что было странного в моих словах? Да, мы решили. Не она отдельно, и не я отдельно. А вместе. Вдвоем. Ведь и в самом деле я не такой уж маленький.

Глава 29

ПЕРВЫЙ ЗАКАЗ

Ранним воскресным утром мы собрались в слесарных мастерских. Старшеклассники и человек двадцать родителей приготовили прочные помосты и катки, погрузили их на машины, присланные с завода, и уехали за станками.

С последней машиной уезжал Петр Семенович. Он подозвал Алю:

— Вот что, Петрова, остаешься со своей командой. Будешь старшей. Никого посторонних в мастерскую не пускать. Решения принимайте самостоятельно.

Мы, пятеро шестиклассников — Рудик Шабалин, Шура Нецветаило, Саша Петренко, Юра Грабин и я — выслушали это приказание без особого воодушевления. Все-таки было обидно, что нас не взяли на завод.

Но Петр Семенович сказал прямо:

— Народу и без вас много, только под ногами болтаться будете. А чтобы вам не было скучно — вот вам чертежик. Разберитесь, как нужно делать лапки, чтобы коньки держались на резиновых подошвах.

Он уехал, а мы остались. В мастерскую заходить не хотелось, и мы начали рассматривать чертеж. Ничего особенного в предложении Петра Семеновича не было. Просто два куска кожи или резины приклепываются по бокам конёчной ступни с таким расчетом, чтобы охватить ботинок с двух сторон. Сверху эти приклепанные куски закрепляются или шнуровкой, или специальным винтовым барашком. Рисунок сбоку чертежа показывал, что ботинок будет зажат надежно и, значит, коньки не станут ёрзать.

— Это мы сделаем, — весело заверил Грабин, — запросто!

— Не говори гоп, пока не перескочишь, — серьезно сказала Луна.

И оттого, что она сказала это как-то солидно, чертеж сразу показался не таким уж интересным.

Я посмотрел на необыкновенно пустынный, кажущийся огромным, школьный двор и удивился — весь он светился первым легким и пушистым снегом. В небе перегорала заря, и снег казался то голубоватым, то вспыхивал розовым огнем.

Деревья, провода, кусты у забора были покрыты толстым мохнатым инеем, который тоже горел то голубым, то розовым огнем. Дышалось легко, и только с непривычки слегка покалывало веки.

— Что ж... — вздохнула Луна, — пойдемте в мастерскую.

— Подождите, — сказал Нецветаило. — Я, кажется, первый раз вижу такое утро.

Мы затихли. И вдруг за флигелем послышался скрип снега под чьими-то ногами. Я подумал, что это идет кто-нибудь из проспавших старшеклассников, но из-за угла показался Женя Марков. Он внимательно следил за своими ботинками, стараясь не

смотреть на нас. Мы тоже сделали вид, что не замечаем его. Но Женька подошел прямо к нам и, ни к кому, собственно, не обращаясь, сообщил:

— Ребята, нам угольники нужны...

— Кому это — нам? — осведомилась Алька.

— Ну... нам. Юннатам. Мы клетки для кроликов делаем в столярной мастерской... И потом еще парниковые рамы. Так вот Альфред Петрович послал меня... к Громову. «Пусть, говорит, сделает».

Мы переглянулись, и Луна спросила:

— А ты не врешь, что тебя Альфред Петрович послал?

— Нет, зачем же? Честное слово!

— Ну как, Громов, — обратилась она ко мне, — сделаем?

Мне не хотелось отвечать — старшей ведь была назначена Петрова. Я нерешительно пожал плечами.

За всех решил Юра:

— Что ж... можно и сделать... Мы заготовим, а Петрова просверлит. У тебя размеры есть?

— Чертеж есть.

Женя протянул мне бумажку и впервые поднял глаза. Мне показалось, что он перенес тяжелую болезнь: так он осунулся за последние дни.

«И все-таки он молодец! — подумал я. — Вот решил стать врачом и сейчас пошел не куда-нибудь, а в юннатский кружок. Будет возиться с кроликами».

Но ему я, конечно, ничего не сказал, а просто взял чертеж и стал его рассматривать. Ребята сгрудились возле меня и вслух читали размеры, прикидывая, как нужно выполнить работу. Все старались быть как можно серьезней и, конечно, ни на что не обращали внимания. И вдруг все примолкли и посмотрели по сторонам.

Школьный двор будто вспыхнул тысячами, миллионами розовых, фиолетовых и просто нестерпимо белых блесток. Веселыми, разноцветными искорками украсились деревья, провода и кусты возле забора. Небо словно раздвинулось и поглубело. Мир стал таким огромным и красивым, что мы на минуту забыли о чертеже, о мастерской и с изумлением осматривались вокруг.

И только через минуту Юра Грабин сказал:

— Ребята, так ведь это солнце взошло!

Над крышей школы медленно поднималось огромное багровое солнце. Несколько трудных недель оно было скрыто за туманами и тучами и сейчас выплывало на голубеющее небо — довольное и веселое. Оно поглощало тени, заливало своим светом всю округу, накаляя и снег, и иней, и стекла, которые сверкали во всю силу.

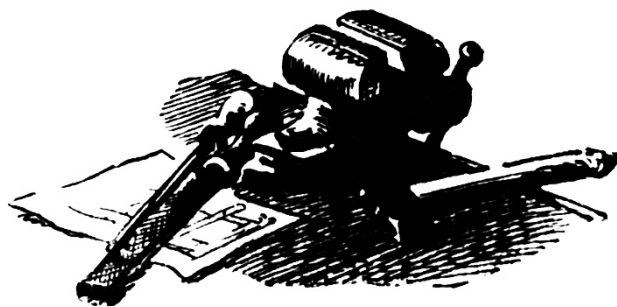
— Ну что ж, ребята! — крикнул Юра. — Пошли работнем! А ты, Марков, приходи часа через три — будет готово.

Уже в свежевыбеленной, залитой солнцем мастерской Шура Нецветайло мечтательно протянул:

— А ведь мы приняли первый заказ...

На мгновение все задумались. В самом деле, это был первый заказ слесарной мастерской. Потом, когда в ней зашумят станки и она станет уже слесарно-механической, — тогда, наверное, к нам придут и другие заказы.

Да, жизнь, конечно, гораздо сложнее, чем нам иногда кажется, но зато она интересная.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Несчастья начинаются так.....	5
Глава 2. Черномазики и „сухари“	10
Глава 3. Неожиданный поворот	15
Глава 4. Чеснык, кажется, не виноват.....	18
Глава 5. Рядом со школой.....	23
Глава 6. Неудачная торговля	26
Глава 7. Конец трудового дня.....	34
Глава 8. Удар за ударом.....	37
Глава 9. Иного выхода нет	42
Глава 10. Новый знакомый дядя Миша.....	47
Глава 11. До чего довели человека	55
Глава 12. Товарищи все-таки есть.....	58
Глава 13. Урок на всю жизнь.....	62
Глава 14. Очень трудный класс.....	67
Глава 15. Во сне и наяву.....	77
Глава 16. Драка не состоялась	80
Глава 17. Бурное собрание	85
Глава 18. „Во всяком деле талант нужен“	90
Глава 19. В конце коридора	98
Глава 20. Мы покатались вниз.....	101
Глава 21. Совершенно непонятное.....	108
Глава 22. Мужское слово	114
Глава 23. Грозные события	117
Глава 24. Наше дело труба.....	121
Глава 25. Экскурсия на завод.....	125
Глава 26. Тайны раскрываются	129
Глава 27. „Говори только правду!“	138
Глава 28. Петренко-старший и Петренко-младший.....	148
Глава 29. Первый заказ	156

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, Д-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

*

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Мелентьев Виталий Григорьевич

СОЛНЦЕ НАД ШКОЛОЙ

П о в е с т ь

Ответственный редактор *И. В. Пахомова*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *З. В. Тишина*
Корректора
В. К. Рывина и А. Б. Стрельник

Сдано в набор 5/X 1960 г. Подписано к печати
24/I 1961 г. Формат 84×108^{1/32} — 5 печ. л. = 8,22
усл. печ. л. (8,37 уч.-изд. л.). Тираж 135 000 экз.
Цена 35 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 4297.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*В серии «Школьная библиотека» для восьмилетней школы
в 1961 году выходят в свет следующие книги:*

Воронкова Л., Воронков К. РОЖОК ЗОВЕТ БОГАТЫРЯ.

Повесть о ребятах дальневосточного совхоза, о том, как в трудных условиях тайги проявляется настоящий характер пионера.

Ивантер Б. ВЫСТРЕЛ.

Повести и рассказы о гражданской и Великой Отечественной войне.

Рыбаков А. КОРТИК. БРОНЗОВАЯ ПТИЦА.

Приключенческие повести из жизни пионеров 20-х годов

Сотник Ю. НЕВИДАННАЯ ПТИЦА.

Сборник юмористических рассказов о ребятах, об их школьных и пионерских делах, о хороших и дурных поступках

Федосеев Г. ТРОПОЮ ИСПЫТАНИЙ.

Повесть об отважном труде геодезистов в Сибири

Ходжер Г. СТАРЫЙ НЯДЬГА.

Рассказы о том, как нанайский народ строит новую жизнь.

*Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.*

*Книги высылаются также по почте наложенным платежом
отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республикан-
ских книготоргов. Можно также заказать книги и через отдел
«Книга — почтой»: г. Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин
Москниготорга № 94.*

Цена 35 коп.